

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»
Национальный комитет византинистов РФ

ЭРГАСТИРИЙ II

Сборник материалов II Всероссийской летней
школы по византиноведению
(г. Белгород, август 2018)

Белгород 2018

УДК 94(100)"05/..."

ББК 63.3 (0) 3

Э 39

Рекомендован к изданию редакционно-издательским советом
Педагогического института НИУ «БелГУ» (протокол № 3 от 20.11.2018)

Ответственный редактор:

д.и.н. *Н.Н. Болгов*

Рецензенты:

В.С. Кулабухов, кандидат исторических наук, доцент кафедры
русской истории и документоведения НИУ «БелГУ»;

И.В. Зайцева, кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры
гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Белгородского юридического института МВД РФ им. И.Д. Путилина

Э 39 **ЭРГАСТИРИЙ II:** Сборник материалов II Всероссийской
летней школы по византиноведению (г. Белгород, август
2018) / отв. ред. Н.Н. Болгов. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ
«БелГУ», 2018. – 120 с.

ISBN 978-5-9571-2665-2

В настоящее издание вошли материалы, подготовленные участниками II Всероссийской летней школы молодых ученых по византиноведению в Белгороде, проведенной в августе 2018 г. Национальным комитетом византинистов РФ и Белгородским государственным национальным исследовательским университетом. Среди авторов сборника – преимущественно начинающие молодые ученые, аспиранты и студенты. Книга может быть полезной всем, кто изучает проблемы византийской истории и культуры.

УДК 94(100)"05/..."

ББК 63.3 (0) 3

ISBN 978-5-9571-2665-2

© НИУ «БелГУ», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

II летняя школа по византиноведению в Белгороде.....	4
<i>Петров А.А.</i> Имперская идея Византии: к вопросу об имперском статусе византийского государства.....	6
<i>Бабаян С.В.</i> Ранневизантийская мозаика: историографический обзор.....	15
<i>Шушунова Е.В.</i> Сакральное значение использования пола из античных плит «Базилики 1935 года» в Херсонесе.....	20
<i>Жукова Н.В.</i> Города Заиорданья в IV–VI вв.: Гераса.....	29
<i>Назаров А.Д.</i> Германцы-ариане в Византийской империи.....	35
<i>Мирошниченко Е.И.</i> Ранневизантийский эпистолярный этикет: проблема художественного письма.....	42
<i>Родина Е.О.</i> Василий Великий, Григорий Нисский и их путешествия в Святую Землю.....	50
<i>Кириллов В.М.</i> Источники для «Церковной истории» Захарии Митиленского и особенности их использования автором.....	56
<i>Руднева М.А.</i> История ранневизантийской Александрии в «Хронике» Иоанна Никиусского.....	64
<i>Ахтырцева А.Г.</i> Прокл Диадох как глава Афинской школы неоплатонизма. Теургия Прокла.....	72
<i>Балацук Е.С.</i> Иллирийская тема в «Хронике» Марцеллина Комита.....	77
<i>Богомаз Н.А.</i> Из истории юридического образования в Ранней Византии.....	85
<i>Синица М.М.</i> Иоанн Лид. О месяцах. Сентябрь (De Mens., IV, 108–114). Декабрь (IV, 137–145).....	114

II ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЮ В БЕЛГОРОДЕ

С 14 по 18 августа 2018 г. в оздоровительном комплексе НИУ «БелГУ» «Нежеголь» (Шебекинский р-н Белгородской обл.) прошла II всероссийская летняя византологическая школа под эгидой Национального комитета византинистов РФ при участии Белгородского отделения РОО «Византийский клуб».

Модераторами школы выступили: в.н.с. МГУ им. М.В. Ломоносова, ответственный секретарь Национального комитета византинистов РФ и журнала «Византийский временник» М.В. Грацианский, доц. МГУ им. М.В. Ломоносова П.В. Кузенков, Н.И. Быстрицкий.

Организаторы школы – заведующий кафедрой всеобщей истории НИУ «БелГУ» Н.Н. Болгов и преподаватели кафедры М.Л. Рябцева, А.М. Болгова.

По сравнению с I школой (2017) удалось сохранить географическое представительство различных научных центров страны. Половина участников была представлена Научным направлением НИУ «БелГУ» «Классическая и византийская традиция».

В работе школы приняли участие молодые исследователи от третьего курса до выпускников аспирантуры, готовящихся к защите диссертации.

Участники VIII – 2 (2018):

1. Жигалова Наталья Эдуардовна (Екатеринбург), преподаватель
2. Норкин Константин Владимирович (Москва), аспирант
3. Мирошниченко Евгений Игоревич (Санкт-Петербург), аспирант
4. Назаров Андрей Дмитриевич (Екатеринбург), аспирант
5. Руднева Мария Александровна (Белгород), аспирант
6. Синьковский Дмитрий Юрьевич (Тула), аспирант
7. Богомаз Никита Анатольевич (Белгород), аспирант
8. Бабаян Светлана Владимировна (Белгород), магистрант
9. Кириллов Владимир Михайлович (Белгород), магистрант
10. Родина Екатерина Олеговна (Белгород), магистрант
11. Гринева Ангелина Николаевна (Белгород), студент
12. Ахтырцева Анна Геннадьевна (Белгород), студент
13. Балацюк Елизавета Сергеевна (Белгород), студент
14. Жукова Нина Васильевна (Белгород), студент
15. Петров Александр Александрович (Омск), студент
16. Третьякова Наталья Евгеньевна (Белгород), аспирант
17. Ермак Елена Сергеевна (Санкт-Петербург), аспирант
18. Шушунова Елена Валерьевна (Тула), аспирант
19. Журавлева Татьяна Николаевна (Белгород), студент
20. Блинцов Кирилл Михайлович (Тула), студент

На занятиях школы были рассмотрены актуальные проблемы истории Ранней Византии, сосредоточенные преимущественно вокруг малоизученных аспектов письменной традиции: медицинская письменная традиция, завершение классического эпоса, эпистолография, церковная ситуация, эпоха Юстиниана, медиализация исторической традиции.

Заседания проходили в творческой заинтересованной обстановке, происходил активный живой обмен мнениями, чему в немалой степени способствовала окружающая атмосфера соснового и лиственного леса.

Можно отметить, что работа двух школ уже привела к формированию определенного круга его участников, составивших его основной состав.

Работа школы нашла отражение в средствах массовой информации региона и тех вузов, представители которых участвовали в ней.

Все участники школы получили сертификат участника и диплом 1 степени за активное участие в ее работе и выразили надежду на продолжение данного проекта.

В настоящее издание вошли статьи и материалы, присланные в сборник, в соответствии с программой и планом работы школы, предусматривающей серийное ежегодное издание научных трудов ее участников.

Материалы размещены в приблизительном хронологическом порядке. Помимо статей помещен фрагмент перевода сочинения «О месяцах» ранневизантийского антиквара Иоанна Лида.

*Н.Н. Болгов, С.В. Бабаян,
Е.С. Балацук, Н.В. Жукова*

ИМПЕРСКАЯ ИДЕЯ ВИЗАНТИИ: К ВОПРОСУ ОБ ИМПЕРСКОМ СТАТУСЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

THE IMPERIAL IDEA OF BYZANTIUM: TO THE QUESTION OF THE IMPERIAL STATUS OF THE BYZANTINE STATE

А.А. Петров

A.A. Petrov

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского
пр. Мира, 55, Омск, 644077

Omsk F.M. Dostoevsky State University,
Mira prospect, 55, Omsk, 644077

E-mail: 79081103268@yandex.ru

Византийское государство явно не подходит под классическое определение империи, при котором под империей понимается определенный тип государственного устройства, обладающий рядом произвольных характеристик. После падения Константинополя в 1204 г. Византия уже не имела ни крупной территории, ни серьёзного влияния. Тем не менее, Византия оставалась империей как для самих византийцев, так и для их противников. В данной статье предпринята попытка определить, на чем основывался имперский статус Византии через менее традиционный подход к пониманию империи.

Ключевые слова: Византия, империя, определение империи, имперская идея, имперский статус.

The Byzantine state clearly does not fit for the classical definition of the empire, which means a number of arbitrary characteristics that this type of a state should have. Thus, some contradictions arise. After the fall of Constantinople in 1204, Byzantium had no large territory, no serious influence. Nevertheless, Byzantium remained an empire. This article attempts to determine the basis for the imperial status of Byzantium through a less traditional approach to the understanding of the empire.

Keywords: Byzantium, empire, empire definition, imperial idea, imperial status.

Византия в XV в. была маленьким государством в территориальном плане и практически бессильной в плане политическом и военном, но и сами византийские императоры, и их внешнеполитические противники по-прежнему рассматривали Византию как империю. Более того, Византию воспринимали как империю и современники, и более поздние

историки, даже когда речь шла о периоде, когда, по сути, вся территория государства представляла собой всего лишь один город – Константинополь, включая небольшой участок земли вокруг него¹.

Стоит заметить, что Византии на позднем и заключительном этапах ее существования сложно приписать те традиционные черты, которые приписывают империям разные исследователи (статус сверхдержавы; большая территория; культурная, экономическая и политическая гегемония; важная роль армии и военная экспансия)². Тем не менее, Михаил Кривотул, повествуя о падении Византии, называет Константина «императором» (а, следовательно, и Византию рассматривает как империю), в то время как правитель куда более внушительного по размерам и возможностям Османского государства Мехмед II именуется как просто «царь»³.

Этот пример показывает, что современникам и в голову не могло прийти, что Византия перестала быть империей из-за уменьшения территории и потери внешнеполитического влияния, несмотря на то, что некоторые современные авторы считают, что ещё захват Константинополя в ходе Четвертого Крестового похода в 1204 г. навсегда уничтожил Византийскую империю, после чего был реконструирован только её «симулякр»⁴. Но, как это было замечено ранее, Византия оставалась империей даже чисто юридически.

Э. Люттвак замечает, что в Византии существовала целая культура стратегического государственного управления, зародившаяся как ответ на угрозу Аттилы, (когда стало ясно, что военная сила не может остановить вторжения) и окончательно оформившаяся к VII в., суть которой заключалась в том, чтобы разнообразными способами побудить иностранных правителей служить Византийскому государству.

¹ Foster R. The Concept of Empire // SAGE Handbook of Political Sociology, Edition: 2nd. URL: https://www.researchgate.net/publication/308747668_The_Concept_of_Empire (дата обращения: 03.05.2018). P. 6-7.

² Грачев Н.И. Империя как форма государства: понятие и признаки // Вестник Волгоградского государственного университета: Серия 5, Юриспруденция. 2012. № 2. С. 18–28; Glubb J.B. The Fate of Empires and Search for Survival. Blackwood, 1978; Клементьев А.С., Хлонкова О.В. Рационализм в применении насилия и эффект «снежного кома» при возникновении империй древности и средневековья // Историческая психология и социология истории. 2016. Т. 9. № 2. С. 39-50; Алексеев В.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5. С. 3-19; Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России. М.: АИРО-XX, 1996. С. 332-353; Каснэ С.И. Империи: генезис, структура, функции // Полис. 1997. № 5. С. 31–48; Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб.: София, 1991. 333 с.

³ Михаил Кривотул. Историческое сочинение // Византийские историки о падении Константинополя в 1453 году. СПб.: Алетейя, 2006. С. 23-24.

⁴ Howard-Jonston J. Byzantium and its Neighbors // The Oxford Handbook of Byzantine Studies. Oxford University Press, 2008. С. 945.

К IX столетию византийцы не могли уже надеяться уничтожить всех врагов классическими римскими методами. Полное уничтожение ближайшего врага открывало путь для новой волны захватчиков, и тогда византийцы сочли более целесообразным играть на противоречиях между соперниками, и использовать дипломатию, обман, взятки и религию для того, чтобы побуждать врагов сражаться друг с другом, а не с империей.

На основе изучения источников Люттвак выделяет основные нормы византийской стратегической культуры:

I. Избегание войны, с сохранением полной боевой готовности, увеличивающей вероятность того, что вообще не придется воевать;

II. Сбор всех сведений о противнике;

III. Избегание крупномасштабных битв, за исключением тех, для которых складываются самые благоприятные обстоятельства;

IV. Замена боевых действий маневрами, засадами;

V. Привлечение союзников с целью изменения общего баланса сил;

VI. Опора на подрывную деятельность и диверсии;

VII. Медленное, методичное и терпеливое уничтожение моральных и материальных сил противника¹.

Это совсем не похоже на стратегию империи, которая в классическом понимании является культурным, экономическим и политическим гегемоном определенной эпохи и региона. Точку зрения Люттвака о наличии у Византии стратегии, которая намеренно и сознательно проводилась в жизнь, а не была обусловлена чередой внешних факторов, можно принимать или не принимать, но мы точно можем утверждать, что Византия явно занимала в целом оборонительную позицию, что в корне расходится с традиционным пониманием имперской политики².

Парадоксальным образом, перед нами предстаёт империя, которая характеристиками империи вовсе не обладает. Если в «Стратегиконе» Маврикия нет отчётливого преобладания оборонительного или наступательного компонента, то в более позднем тексте под названием «Тактика Льва» уже есть выраженный оборонительный характер, и даже когда речь идёт об экспедициях во вражескую землю, Лев и их, в конечном счете, подчинял соображениям стратегической обороны. Таким

¹ *Luttwak E.N.* The Grand Strategy of the Byzantine Empire. Cambridge, MA – London: Belknap Press of Harvard University Press, 2009. P. 409-418.

² *Грачев Н.И.* Империя как форма государства: понятие и признаки // Вестник Волгоградского государственного университета: Серия 5, Юриспруденция. 2012. № 2. С. 18–28; *Каспэ С.И.* Империи: генезис, структура, функции // Полис. 1997. № 5. С. 31–48.

образом, даже сами византийские императоры уже не думали о наступлении, но следовали оборонительной военной доктрине¹.

Остается либо признать, что Византия империей вовсе не являлась, потому что она под традиционные характеристики, которые мы империям приписываем, не подходит, либо – что более целесообразно – признать ошибочность самого метода, при котором исследователи пытаются идентифицировать империю по ряду произвольных характеристик, которые могут быть применены к другим типам государственных образований.

Возможно, ответ будет найден, если использовать другой подход к пониманию сущности империи. Здесь можно обратиться к взглядам Р. Фостера. Прежде всего, Фостер замечает, что единственная характеристика, которая может соотноситься с империей – это неравенство. Отличительная черта империй состоит в том, что в них это неравенство не только признается, но и гордо провозглашается, как символ того, что империя несёт цивилизацию варварам. Империя поощряет неравенство, подчеркивая свой статус, а также право и обязанность навязывать свою версию порядка остальным – то, что в XIX веке называли «цивилизаторской миссией». Другие критерии – размер, территориальная экспансия и т. д. – либо вообще неправильны, либо могут в равной мере относиться к другим формам политической организации.

Таким образом, согласно Р. Фостеру под империями следует понимать такие государства, в которых правители полагают, что они имеют единственное, законное, исключительное, суверенное право на власть в качестве хранителей цивилизации и могут задавать стандарты, по которым должны измеряться все другие общества. Это право является законным, универсальным, исключительным, обусловленным исторически и основанным на признанном империей неравенстве, а имперское общество уверено в своем собственном моральном превосходстве и полагает, что оно обязано распространять свои порядки везде. Фостер под империей понимает не определенный государственный строй или тип государства, обладающего набором характеристик, таких как крупная территория и внешняя экспансия, но саму идею универсального правления².

Эта точка зрения позволяет разрешить некоторые противоречия. Основное преимущество Византии заключалось в тройственной идентичности. Византия, во-первых, была одной из столиц христианского

¹ Лев VI Мудрый. Тактика Льва / изд. подготовил В.В. Кучма; отв. ред. Н.Д. Барабанов. СПб.: Алетей, 2012. С. 31-37.

² Foster R. The Concept of Empire // SAGE Handbook of Political Sociology, Edition: 2nd, Publisher: SAGE.

мира; во-вторых, Византия была «греческой» в культурном отношении, хотя слова «эллины» византийцы долгое время избегали, поскольку под ним подразумевались язычники; и, наконец, византийцы были самыми настоящими и живыми римлянами, наследниками великой империи. Империя, которую мы называем Византийской, была Римской как для её правителей, так и для их подданных, ромеев, которые вряд ли идентифицировали себя с древнегреческим провинциальным Византием. Более того, она была Римской и для её врагов. Византийские серебряные монеты после войны с Карлом Великим именовали своих правителей не иначе как «*basileis Romaion*»¹ – «императоры римлян»².

Все это предопределяло особый статус Византии. Во-первых, христианская культура занимала монопольные позиции в пост-римском мире. И хотя интерес к античности угас, а периоды возрождения касались небольшой прослойки образованных людей в нескольких центрах, в то же время, Римская империя продолжала будоражить умы европейских правителей, латынь в Европе никуда не исчезла и по-прежнему оставалась разговорным языком всех образованных людей³. Примечательно, что византийские авторы, описывая падение Константинополя, именуют его не иначе как «Город» с большой буквы⁴, точно так же, как когда-то именовали Рим⁵.

Византийцы воспринимали Константинополь как столицу Римской империи – уникальную историческую сущность, созданную Богом для содействия распространению христианства. Соответственно, император Византийской империи – *Αὐτοκράτωρ* (греческое слово, которое постепенно вытеснило латинское «*imperator*») – был наместником Бога на земле, который превосходил всех остальных земных правителей (*ἄρχοντες*) или королей (*βασίλεως*). Внутренняя иерархия правящей династии структурировала не только византийское общество, но и переносилась на внешний мир. Римский император царствовал на земле как отец всех других правителей, хотя и были исключе-

¹ *Luttwak, Edward N.* The Grand Strategy of the Byzantine Empire. Cambridge, MA/London: Belknap Press of Harvard University Press, 2009. P. 409.

² *Shepard J.* Western approaches // The Cambridge History of the Byzantine Empire (с. 500–1492). Cambridge University Press, 2008. P. 409, 417.

³ *Крпук С.Б.* История мировой культуры. Культура античности: курс лекций. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. С. 11-12.

⁴ Михаил Критовул. Историческое сочинение // Византийские историки о падении Константинополя в 1453 году. СПб.: Алетейя, 2006. С. 22-31.

⁵ Дука. История // Византийские историки о падении Константинополя в 1453 году. СПб.: Алетейя, 2006. С. 39.

ния (например, для персидского шаха и арабского халифа, которые считались достойными братского статуса)¹.

Таким образом, Византийская империя мыслила себя державой, практически не имеющей равных – лишь нехотя Византия вынуждена была признать статус императора за правителями равно могущественных держав. То, что мы понимаем под цивилизаторской миссией и имперской идеей отчетливо видно из текстов самих императоров – например, из сочинения Константина Багрянородного: «Он (*господь* – *А.П.*) возводит на трон василевсов и вручает им власть надо всем [...] Ныне посему послушай меня, сын, и, восприняв наставление, станешь мудрым среди разумных и разумным будешь почитаться среди мудрых. Благословят тебя народы, и восславит тебя сонм иноплеменников, [...] чти, для тебя я пишу поучение [...] Сначала – о том, какой иноплеменный народ и в чем может быть полезен ромеям, а в чем вреден: [какой] и каким образом каждый из них и с каким иноплеменным народом может успешно воевать и может быть подчинен. Затем – о хищном и ненасытном их нраве, и что они в своем безумии домогаются получить, потом – также и о различиях меж иными народами [...], а к сему – и о том, что случалось когда-либо меж ромеями и разными иноплеменниками [...] Все это я продумал наедине с собой и решил сделать известным тебе, любимому сыну моему, чтобы ты знал особенности каждого из народов; как вести с ними дела и приручать их или как воевать и противостоять [им], ибо [тогда] они будут страшиться тебя как одаренного [...] И вседержитель укроет тебя своим щитом, и вразумит тебя твой создатель. Он направит стопы твои и утвердит тебя на пьедестале неколебимом. Престол твой, как солнце, – перед ним, и очи его будут взирать на тебя, ни одна из тягот не коснется тебя, поскольку он избрал тебя, и исторг из утробы матери, и даровал тебе царство свое как лучшему из всех, и поставил тебя, словно убежище на горе, словно статую золотую на высоте, вознес, словно город на горе, чтобы несли тебе дань иноплеменники, и поклонялись тебе населяющие землю»².

Из текста можно реконструировать взгляды самого императора на свою империю и остальной мир. Во-первых, отчетливо видно разделение между империей, её народом (ромеями) и остальным миром, которые обобщенно называются «иноплеменники». Иноплеменники воспринимаются империей не как равные по статусу люди, чем-то отличающиеся от ромеев, но как варвары, интересные для империи постольку, поскольку они могут принести ей пользу (или нанести вред).

¹ Shepard J. Western approaches. P. 409, 417.

² Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1991. С. 33-35.

Когда Константин говорит о «хищном и ненасытном их нраве, и что они в своем безумии домогаются получить», он не говорит о каком-то конкретном народе – реплика направлена на всех варваров. Таким образом, выстраивается противостояние «Империя – остальной мир», при этом остальной мир населен людьми менее развитой культуры. Константин говорит, что иноплеменников можно приручать, что с ними можно воевать, что им можно противостоять, но практически не упоминает мирных действий – даже слово «приручать» подразумевает отношения между хозяином и подчиненными, но никак не между равными; при этом все иноплеменники по возможности подлежат подчинению. Это, конечно, не исключает подобных действий в реальной жизни, но показывает, по крайней мере, как сам император представлял себя и свою империю. Сам монарх – наместник Бога, находящийся под его защитой, которому он даровал право на царствование и которого он возвысил над остальными народами. Кроме того, само выражение «и даровал тебе царство свое» может являться отсылкой к отрывку из книги Ездры: «Так говорит Кир, царь Персии: Господь, Бог небес, отдал мне все царства земли и поручил мне построить Ему дом в Иерусалиме, в Иудее» (Ездра 1:2). Таким образом, подразумевается данное свыше право на всемирное господство.

Византийская идентичность, в конечном итоге, формировалась исходя из осознания этой особой, данной Богом судьбы и идеи о преимущественной и исключительной роли Византии в мире. Ее цивилизаторская миссия заключалась в пропаганде христианства, при этом основное внимание уделялось главным зонам язычества – обширным северным землям, простирающимся от Восточной Европы до Кавказа – успехи были достигнуты в Болгарии и Руси, что более чем компенсировало неудачи в Моравии и Хазарском каганате¹.

Однако, в случае с Византией, сложно отделить религиозное от светского. «Культурный снобизм» Византии подчеркивает С.А. Иванов, замечая при этом, что истинным признавалось лишь имперское христианство, в котором имперское доминировало над христианским. И хотя он отстаивает точку зрения, согласно которой христианизаторство не было существенной частью византийской внешнеполитической стратегии, он также признаёт, что идеи всемирной Империи никогда окончательно в Византии не умирали и всё-таки связывались с идеей христианизации². И нельзя утверждать, что эти претензии не были со-

¹ *Howard-Jonston J.* Byzantium and its Neighbours // *The Oxford Handbook of Byzantine Studies.* Oxford University Press, 2008. P. 953.

² *Иванов С.А.* Византийское миссионерство: можно ли сделать из «варвара» христианина? М.: ин-т славяноведения, 2003. С. 341.

всем ничем подкреплены. В конце XI в. весь Западный мир ответил на призыв Византии присоединиться к крестовому походу под совместным византийско-папским руководством. И Византия никогда не отказывалась от претензий, которые надежно подкреплялись её историческим прошлым. Окончательным обоснованием её существования была христианская и имперская «цивилизаторская» миссия, определяющая, в конечном счёте, её внешнюю политику.

Историк Дж. Херрин, в конце своего обзора византийской истории, отмечает, что «Византия была, по сути, классической империей с сохранившимися языческими чертами»¹. Мы не можем с ней согласиться, ведь если подходить к Византии «классически», то можно обнаружить, что на протяжении последнего периода существования у Византии не было ничего, что традиционно приписывают империям – она не обладала большой территорией, не могла осуществить никакой экспансии, она не была гегемоном. Её имперская идея заключалась в её культурной миссии – это то, что некоторые авторы определяют как «византизм» в историческом значении этого слова – то есть, совокупность всех черт, под влиянием которых в строго определённый исторический период сформировалась Византийская империя, и совокупность политических, государственных, церковных и этнографических особенностей, носителем которых была Византийская империя². Византийцы были наследниками Римской империи, на осколках которой возник европейский мир, были хранителями христианства – истинного и неизменного, отделенного от различных ересей и расколов. Но главное, что было у Византии – это сама идея империи. Византийцы были знакомы с концепцией универсальной истории: это была история, которая началась с создания мира в 5508 г. до н. э., но это не глобальная история всех народов, населявших Землю. После рождения Христа исторический процесс, в частности, был ограничен Римской, а затем и Восточной Римской, то есть, Византийской империей, роль которой заключалась в том, чтобы подготовить мир ко Второму пришествию³.

Эта идея не была всего лишь внутренним убеждением самих византийцев, эту идею разделяли и враги Византии. Завоевав Византийскую империю, Мехмед II принял титул *Kayser-i Rûm*, заявив о своей преемственности по отношению к Римской империи, и стал первым из

¹ Херрин Дж. Византия. Удивительная жизнь средневековой империи. М.: Центрполиграф, 2017. С. 410.

² Козловская Н.В. К проблеме значения лексем византизм и византинизм // Политическая лингвистика. 2013. №3. С. 96.

³ Mango K. Byzantium's role in world history // The Oxford Handbook of Byzantine Studies. Oxford University Press, 2008. P. 957.

правителей Османской империи, принявшим титул «Цезарь Римской империи». Геннадий II, новый константинопольский патриарх, признал Мехмеда преемником императорского трона¹.

На этот титул претендовали и императоры Священной Римской империи, чей император Фридрих III был потомком Карла Великого, получившего титул римского императора, увенчанный Папой Львом III в 800 г., хотя он никогда признавался таковым Византийской империей.

Таким образом, даже когда у Византии не оставалось почти ничего, у неё оставалась идея – идея преемственности империй, которая оказалась гораздо более жизнеспособной, нежели само государство.

¹ *Michalis N.M., Kappler M., Efthios G.* Archivum Ottomanicum. Mouton, 2009. P. 10.

РАННЕВИЗАНТИЙСКАЯ МОЗАИКА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

EARLY BYZANTIAN MOSAIC: HISTORIOGRAPHICAL REVIEW

С.В. Бабаян
S.V. Babayan

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308015, Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State National University
308015 Belgorod, Pobedy St. 85

sveta5555@mail.ru

В статье рассматривается история изучения мозаичного искусства Ранней Византии, также дана краткая биографическая характеристика зарубежных и отечественных исследователей и историков. Особое внимание уделяется рассмотрению трудов Отто Демуса, Ф.В. Дайхманна, Э. Китцингера, К. Вайцмана, Б.А. Рыбакова, М.И. Ростовцева. Кроме этого, были рассмотрены основные тенденции развития художественных стилей в мозаичном искусстве.

Ключевые слова: античность, Ранняя Византия, искусство, мозаика, историография.

This article discusses the history of the study of mosaic art of Early Byzantium, also it provides a brief biographical description of foreign and researchers and historians. Special attention is paid to the consideration of the works by Otto Demus, F.V. Deichmann, E. Kitzinger, K. Weizmann, B.A. Rybakov, M.I. Rostovtsev. In addition, the main trends in the development of artistic styles in mosaic art were considered.

Keywords: Antiquity, Early Byzantium, art, mosaic, historiography.

Искусство мозаики привлекало внимание многих исследователей и ученых как отечественных, так и зарубежных. Так, Иоганн Винкельман¹ – основатель истории классического искусства, работая в Италии, изучал памятники античного искусства. В его известной книге «История искусства древности» древние греки представлены единственными носителями подлинно изящного вкуса, а подражание ан-

¹ *Винкельман И.И.* История искусства древности. Малые сочинения. СПб.: Алетей, Государственный Эрмитаж, 2000. 800 с.

тичности – единственно правильным путем развития европейского искусства.

К числу зарубежных исследователей относится немецкий ученый Август Мау¹, который занимался изучением стенописи в Помпеях, дал историю этой росписи.

Также необходимо отметить Р. Янга, который возглавил группу археологов совместно с Музеем Археологии и Антропологии Пенсильванского университета и изучил мозаику Гордиона, а также опубликовал работу «Early Mosaics at Gordion»², которая дает возможность нам познакомиться с результатами экспедиции и увидеть ее находки.

К. Данбэбин³ – профессор Канадского университета, занималась историей искусства, в частности, мозаикой. Ее труд «Mosaics of the Greek and Roman World» интересен тем, что помимо теории, эта книга дает всеобъемлющую и полностью иллюстрированную историю мозаики в греческом и римском мире, и изучает их развитие на протяжении более тысячи лет в Римской империи.

В современной историографии существует проблема перехода от античности к ранневизантийскому периоду и, как следствие, определение временных рамок данного периода. Так, началом ранневизантийского периода принято считать IV в. (в частности, событие 395 г.), а окончание этого периода датируется в основном серединой VII века, совпадающей с внутренними изменениями в империи.

Так, известный историк изобразительного искусства Фридрих Вильгельм Дайхманн родился 17 декабря 1909 г. в Германии. Он является инициатором введения в научный оборот памятников византийского искусства в Италии.⁴ Дайхманн рассматривает архитектурные памятники как сложный объект культуры, которые требуют всестороннего изучения и анализа в контексте его эпохи. Главным объектом изучения Дайхманна является мозаика Равенны. Именно этому городу он посвятил всю свою жизнь. Свои исследования Ф.В. Дайхманн начал в 1939 г., результатом чего стала публикация в 1958–1989 гг. сборников под названием «Ravenna: Hauptstadt des spätantiken Abendlandes»⁵ («Равенна – столица позднеантичного Запада»). Таким образом, Ф. Дайхманн внес серьезный вклад в область мозаичного искусства,

¹ *Mau A.* Pompeii in Leben und Kunst. Leipzig, 1912.

² *Young R.S.* Early Mosaics at Gordion // Expedition 7. 1965. P. 4-13.

³ *Dunbabin K.M.D.* Mosaics of the Greek and Roman World. Cambridge University Press, 1999. 357с.

⁴ Dictionary of art historians. Deichmann [Эл. ресурс] // Биографический словарь искусствоведов. Ф.В. Дайхманн. – URL: <https://dictionaryofarthistorians.org>

⁵ *Deichmann F.W.* Ravenna: Hauptstadt des spätantiken Abendlandes, Weisbaden, 1969. 380 с.

важного для изучения архитектурных памятников Поздней античности.¹ Его работа позволяет провести сравнительный анализ мозаик античного и христианского искусства.

Интересна работа выдающегося историка Поздней античности и византийского искусства Эрнста Китцингера.² Остановимся на его книге «Byzantine Art in the Making: Main Lines of Stylistic Development in Mediterranean Art, 3rd–7th Century» («Формирование византийского искусства: Основные направления стилистического развития в искусстве Средиземноморья в III–VII вв.»)³.

Данная работа посвящена художественной культуре средиземноморского мира с III по VII вв. Китцингер рассматривает все основные виды искусства: скульптуру, живопись и мозаику. Главная цель по утверждению автора – «на основе ряда характерных памятников проследить основные линии развития художественных форм в течение особенно сложного и критического периода в истории западного искусства».

Однако он описывает лишь избранные памятники, в которых наиболее ярко выражаются необходимые тенденции художественного стиля. Э. Китцингер является одним из приверженцев более широкого определения позднеантичной эпохи. III–VII столетия, по его мнению, носят переходный характер от античности к средним векам, поэтому он вводит термин «pre-medieval», т. е., «предсредневековый». Именно эта особенность определила общие тенденции развития стиля.⁴

Рассмотрим подробнее стили, выделенные Э. Китцингером. Художественная культура III века, согласно автору, характеризуется трансформацией изобразительных принципов, связанной с кризисом позднеантичного искусства в изменении художественного сознания. Стиль IV в. знаменателен обращением к классическим формам. V в. ученый посвящает две главы, указывая на возрастание абстракции и геометричности в искусстве. Далее выделяется период «Юстиниановского синтеза»: главным памятником данного этапа являются мозаики Сан-Витале в Равенне. На этом примере автор демонстрирует «равновесие между органической жизнью и абстрактным порядком».

¹ *Deichmann F.W.* Rom, Ravenna, Konstantinopel, Naher Osten. Gesammelte Studien zur spätantiken Architektur, Kunst und Geschichte. Wiesbaden, 1982

² Dictionary of art historians. *K i t z i n g e r* [Эл. ресурс] // Биографический словарь искусствоведов. Э. Китцингер – URL: <https://dictionaryofarthistorians.org/kitzingere>

³ *Kitzinger E.* Byzantine Art in the Making: Main Lines of Stylistic Development in Mediterranean Art, 3rd–7th Century. Harvard University Press, 1995. 320 с.

⁴ *Банк А.В., Этингоф О.Е.* Рецензия на: E. Kitzinger. Byzantine Art in the Making. Main lines of stylistic development in Mediterranean Art. 3rd–7th century. London, 1977 // Византийский временник. 40. 1979.

Памятники середины VI – начала VIII вв. Китцингер определяет как «Поляризация и новый синтез». Этот период характерен синтезом «абстрактной» и «эллинистической» тенденции в искусстве. Примером являются фрески Санта-Мария Антиква в Риме 705–707 гг.¹

Курт Вайцман – историк византийского искусства, изучал историю искусства и археологию. Основной его деятельностью стало исследование по проблемам связи византийского искусства с искусством классической древности, а также взаимосвязи искусства латинского Запада и Востока, в частности, Византии.² Кроме этого К. Вайцман являлся инициатором открытия в конце 1977 г. выставки позднеантичного и ранневизантийского искусства в Нью-Йорке.³ Обращаясь к рукописям IV–VI вв., К. Вайцман отмечает не только использование в них античного наследия, но и стремится доказать, что основной чертой этого периода была тесная связь всех видов искусства между собой.⁴

Анализ этапов развития научной литературы по данной проблеме показывает, что большой вклад в изучение искусства мозаики внесли и отечественные ученые. Из отечественных ученых следует отметить работы Т.П. Каптеревой⁵, А.П. Чубовой, А.П. Ивановой⁶, Г.И. Соколова⁷, Ю.Д. Колпинского, Н.Н. Бритовой⁸. Каптерева в своей книге «Римская мозаика: Африка» рассказывает о ведущей школе искусства мозаики Северной Африки, которая отличается многообразием регионов и традиций, колоссальным количеством находок и огромным изобразительным репертуаром.

Работа А.П. Чубовой и А.П. Ивановой «Античная живопись»⁹ посвящена технике исполнения мозаичной живописи, ее составляющим элементам. Это одно из уникальных изданий, описывающее эволюцию живописи на фоне исторических событий.

Труд Г.И. Соколова «Искусство Древнего Рима»¹⁰ освещает заключительный этап в развитии античного искусства, так как время его

¹ Там же.

² Лихачева В.Д. Искусство поздней античности и раннего средневековья // ВВ. 41. 1980.

³ Age of Spirituality. Late Antique and Early Christian Art, 3d to 7th century. Catalogue of the exhibition at the Metropolitan Museum of Arts. NY, 1979.

⁴ Weitzmann K. Late Antique and Early Christian Book Illumination. New York, 1977.

⁵ Каптерева Т.П. Римская мозаика: Африка. М.: Белый город, 2008. 48 с.

⁶ Чубова А.П., Иванова А.П. Античная живопись. М.: Искусство, 1966. 192 с.

⁷ Соколов Г.И. Искусство Древнего Рима. М.: Просвещение, 1996. 224 с.

⁸ Колпинский Ю.Д., Бритова Н.Н. Искусство этрусков и Древнего мира. Памятники мирового искусства. М.: Искусство, 1982. 342 с.

⁹ Чубова А.П., Иванова А.П. Античная живопись. М., 1966.

¹⁰ Соколов Г.И. Искусство Древнего Рима. М., 1971.

расцвета приходится на период, когда произведения, созданные римлянами, значительно превосходили все появившиеся в их творчестве раньше.

История развития города Помпеи вызывала интерес многих ученых. М.Е. Сергеевко в своей книге «Помпеи»¹ ярко и увлекательно повествует об этом историческом городе, опираясь на анализ зарубежных исследований и большое количество источников.

Русский историк М.И. Ростовцев в своей работе «Античная декоративная живопись на Юге России»² представляет альбом, посвященный росписям античных погребальных сооружений древнегреческих колоний Северного Причерноморья. Он позволяет нам увидеть многие объекты мозаичного искусства, которые являются на настоящий момент потерянными.

А.Л. Якобсон – советский археолог, историк искусств. Его труд «Раннесредневековый Херсонес»³ дает возможность познакомиться с историей и культурой Херсонеса, а также его материальной культурой.

Нельзя не отметить и труды исследователей древней армянской архитектуры Н.Г. Буниатяна «Языческий храм при дворце Трдата в крепости Гарни»⁴, А.А. Саиняна «Архитектурные памятники Гарни и Гегарда»⁵, Г.С. Мурадяна «Греческая надпись Трдата I, найденная в Гарни»⁶.

Таким образом, интерес к истории мозаики и ее трансформации является высоким. Отечественные ученые сосредоточили свое внимание на памятниках классической античности и Северного Причерноморья. Зарубежные, наряду с античными, активно изучали собственно ранневизантийские. В последнее время наблюдается рост интереса к генезису и собственно истории ранневизантийской мозаики и в отечественной науке.

¹ Сергеевко М.Е. Помпеи. М-Л.: Издательство АН СССР, 1949. 315 с.

² Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Атлас иллюстраций. СПб., 1913

³ Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. М-Л., 1959. 362 с.

⁴ Буниатян Н.Г. Языческий храм при дворце Трдата в крепости Гарни. Ереван, 1933. 122 с.

⁵ Саинян А.А. Архитектурные памятники Гарни и Гегарда. Ереван, 1969. 76 с.

⁶ Мурадян Г.С. Греческая надпись Трдата I, найденная в Гарни // Историко-филологический журнал. 2012. №3. С. 81–94.

САКРАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛА ИЗ АНТИЧНЫХ ПЛИТ «БАЗИЛИКИ 1935 ГОДА» В ХЕРСОНЕСЕ

SACRED IMPORTANCE OF THE USE OF A FLOOR FROM AN ANTIMATE TABLES "BASILICS OF 1935" IN CHERSONESUS

Е.В. Шушунова
E.V. Shushunova

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
пр. Ленина, 155, Тула, 300026

Tula State Pedagogical University. L.N. Tolstoy
155 Lenin Ave., Tula, 300026

E-mail: schuschunova.elena@yandex.ru

Статья посвящена сакральному значению использования в качестве пола крупнейшего средневекового храма Херсонеса «Базилики 1935 года» декоративных плит с изображением символов Диониса. По мнению автора, обязательным условием выбора места для ранних христиан было наличие не только погребений или винодельческого комплекса, связанного с потусторонним миром, но и хтонических символов прошлой эпохи, как, например, Диониса, во многом выступающего в качестве прообраза Христа, еще не раскрывшегося во всей полноте истины. Скорее всего, в представлениях ранних христиан Христос являл себя как обновленный Дионис, поэтому помещение плит с дионисийскими мотивами в христианском храме являлось глубоко продуманным действием.

Ключевые слова: христианство, Херсонес, «Базилика 1935 г.», Дионис, дионисийские праздники.

The article is devoted to the sacral meaning of decorative plates with the image of the symbols of Dionysus, which used as a floor in the largest medieval temple of Chersonese "Basilica of 1935". According to the author, a prerequisite for choosing a place for early Christians was the presence of not only burials or a wine-making complex associated with the another world, but also chthonic symbols of the past era, such as Dionysus, largely acting as a type of Christ, which wasn't revealed in the fullness of truth. Probably, in the ideas of the early Christians, Christ presented himself as a renewed Dionysus, therefore the placement of the plates with Dionysian motifs in the Christian church was a deeply thought-out action.

Keywords: Christianity, Chersonese, "Basilica of 1935", Dionysus, Dionysian holidays.

В 1935 г. при раскопках в Херсонесе Г.Д. Белов обнаружил остатки общественного здания, которое со временем получило название «Базилика 1935 года». Однако, судя по нескольким вскрытым фундаментам, на этом месте существовало, по крайней мере, три последовательно сменявших друг друга христианских храма. Так, базилике III, существовавшей в X–XIII вв., предшествовал большой храм VI–X вв., известный в литературе как базилика II. Ниже были обнаружены остатки самого раннего храма – базилики I под мраморным полом среднего нефа, у которого выявлен цемячковый пол, который исследователь связал с какой-то постройкой римского времени. По мнению Г.Д. Белова, именно из этой постройки византийскими строителями были взяты стенки мраморных саркофагов для пола монументальной базилики II¹. Однако, эти плиты могли быть перенесены в базилику и с любого другого места². При этом наибольший интерес вызывает то обстоятельство, что указанные плиты, ставшие полом в христианской церкви, принадлежали алтарю, посвященному Дионису и Гераклу³. Вряд ли, конечно, мы имеем здесь дело с доказательством относительно позднего утверждения христианской религии в Херсонесе⁴. Скорее всего, перед нами свидетельство глубинных процессов духовной культуры и трансформации религиозных верований в эпоху утверждения христианства.

То, что выбор материала для пола христианского храма пал на декоративные плиты с дионисийскими мотивами, может быть не случайно. Однако, чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо углубиться в религиозные особенности и сакральную основу культа этого древнего эллинского божества. Дионис – бог умирающей и возрождающейся природы, покровитель виноделия, театра. Выступал в роли центрального персонажа орфических религиозно-философских учений. Именно приверженцы орфизма (поэты и философы), которые интерпретировали ранние мифы и создавали новые мифы о Дионисе, исходя из своих собственных мировоззренческих позиций, внесли значительную путаницу в однозначное понимание его культа.

Можно выделить четыре наиболее популярные «вариации» культа Диониса: собственно, Дионис, рожденный от Зевса и смертной

¹ Белов Г.Д. Херсонесские рельефы // ВДИ. 1940. № 3-4. С. 266-287.

² Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н. э. Киев: Наукова думка, 1982. С. 48.

³ Соколов Г.И. Ольвия и Херсонес (ионическое и дорическое искусство). М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1999. С. 435-446.

⁴ Зубарь В.М., Буйських А.В. Ще раз про мармурові саркофаги Херсонеса Таврійського // Археологія. 2008. №2. С. 19.

женщины – беотянки Семелы, воспитанный нимфами или сестрой матери Ино – Левкотеей; архаический Дионис-Загрей – сын Зевса и Персефоны, растерзанный титанами и вновь возрождённый; юный Дионис-Иакх, тесно связанный с элевсинскими богинями, и Дионис-Сабазий (Hesiod. Theog., 940-942; Eur. Bacch., 1-9, 88-98, 286-297; Apollod., III, 4,3; Diod., III, 62, 2-28; Cic. De nat. deor., III, 58; Philodem. De piet., 44,16).

Плотно утвердившись в Элладе, дионисийский культ был связан практически со всеми сферами жизни древнегреческого общества: экономической, политической, культурной и духовной. А в период колонизации в VI–V вв. до н. э. почитание Диониса получило распространение и на периферии греческой ойкумены – в Северном Причерноморье.

Культ Диониса по своей природе и происхождению – сложное и многослойное явление. В основе образа и культа Диониса лежали общи для традиционных обществ представления об умирающем и воскресающем божестве, несущем идею цикличности в развитии всего живого, сменяемости процессов увядания и возрождения. Определяющая роль в формировании дионисийского культа, по мнению Н.В. Кузиной, принадлежала религиозным представлениям и традициям микенской и микенской цивилизации¹.

Культ Диониса составлял важный аспект официальной идеологии. Именно под влиянием афинской демократии окончательно оформилась система дионисийских празднеств – Леней, Анфестерий, Дионисий. Следует отметить, что обрядовая практика дионисийского культа не была обусловлена строгой системой ритуалов, отсюда и множество местных вариантов дионисийских праздников, имевших место в различных областях Греции².

В научной литературе широко распространено мнение о том, что наименование праздника Ленеи произошло от слова ληνός – чан, в котором выжимали вино³. Ленеи отмечали около святилища называвшегося Ленеион, и сам бог Дионис имел эпитезу Ленеи (Diod. Sic., III, 63).

Участники вакхической процессии ехали на телегах и пели бранные песни, потом хоры исполняли дифирамбы в честь Диониса. Ленеийские торжества были не столь продолжительными и длились

¹ Кузина Н.В. Культ Диониса в античных государствах Северного Причерноморья: содержание, общественно-политический аспект, локальная специфика. Автореф. ... канд. ист. наук. Иваново, 2008. С. 16.

² Там же. С. 16-17.

³ Тренчени-Вальдапфель И. Мифология. М.: Иностранная литература, 1959. С. 257; Roscher W.H. Ausführliches Lexicon der Griechischen und Römischen Mythologie. Leipzig: Teubner, 1886-1890. S. 1070.

несколько дней. Обращаясь к обрядовой стороне, отметим, что ритуалы, совершаемые в это период, были весьма разнообразны, а некоторые из них совершались только женщинами и проходили ночью. Интересно отметить, что на этом древнем празднике, известном во многих ионийских городах, запрещалось присутствовать иностранцам. Этот факт был отмечен Аристофаном в его комедии «Ахарняне»¹.

Название праздника Анфестерии было созвучно с наименованием месяца, в котором он отмечался – Анфестерион (άνθος – цветок). В этом месяце в Элладе природа пробуждается от зимы, зацветают весенние цветы, и тогда же приготовленное осенью вино заканчивало брожение, и его начинали пить².

Праздничное шествие сопровождалось музыкой, к алтарю вели жертвенных животных, юноши несли необходимые для жертвоприношений принадлежности, девушки шли с корзинами, наполненными цветами и плодами. Среди них находился и сам Дионис, представленный либо статуей, либо человеком в маске. Бог ехал на деревянном корабле, поставленном на колеса. Это косвенно отсылало к мифу, свидетельствующему о том, что бог прибыл в Элладу из-за моря и научил греков виноградарству.

Великие или Городские Дионисии начинались в день появления на небе первой четверти молодой луны и длились 6 дней. Главный ритуал первого дня составляла торжественная процессия, во главе которой двигалась древняя деревянная статуя Диониса, взятая из храма на священном участке бога близ театра. Участники шествия несли изображение фаллоса, подносы с приношениями, меха с вином и особым образом выпеченные хлебы (Pollux., 75; Athen., III. 111b). Вместе с ними шли также красивые девушки, державшие на голове корзины, полные цветов и плодов. Колонну возглавляли жрецы, далее следовали должностные лица, потом мальчики в сопровождении своих наставников, граждане и метеки, в конце представители афинских колоний и союзников; в V в. до н. э. среди последних находились граждане городов Северного Причерноморья. Шествие останавливалось у алтарей и обходило их хороводами, воздавая почести разным богам. Среди прочих особенно выделяли алтарь 12 богов на агоре (Хен. Нирр., III. 2), но в тот день главным был алтарь Диониса. Около него заканчивалась процессия, там закалывали множество быков, и участники праздника получали по большому куску мяса. Вечером и ночью празднования продолжались при свете факелов. Все

¹ *Скрягинская М.В.* Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. Киев: НАН Украины, 2009. С. 121.

² Там же. С. 121-122.

танцевали и пели под аккомпанемент авлосов и тимпанов. Во второй и третий дни состязались сначала хоры мальчиков, затем хоры взрослых мужчин, исполнявших дифирамбы Дионису. Три заключительных дня Дионисий проходили в театре и посвящались в основном драматическим состязаниям, славившимся во всей греческой ойкумене¹.

Все дионисийские священные действия распались на два резко разделенных вида: карнавные празднества (допускавшие крайние вольности и проходившие открыто) и мистические радения (совершаемые уединенно). Именно проблема соотношения двух главных функций Диониса (с одной стороны, покровителя виноградарства и виноделия, которого чествовали на его календарно-религиозных празднествах, а с другой – бога, тесно связанного с элевсинскими мистериями и хтонизмом) относится к одной из наиболее сложных в изучении олимпийской религии².

Орфики противопоставляли понятия тела и души, последнюю они считали бессмертной. Ее философское понимание влекло за собой установление обрядов очищения, различных аскетических воздержаний и предписаний в повседневной жизни. Для орфического культа Диониса были характерны экстаз и исступление, когда душа как бы выходила за пределы тела, возвышаясь до уровня божества³. На основании мифа о гибели младенца Загрея орфиками была разработана собственная концепция происхождения человеческого рода и связанные с ней этическая и эсхатологическая части учения. Миф повествует о битве Диониса с титанами, во время которой он превращался в разных животных. Когда бог принял образ быка, титаны сумели схватить его за рога и ноги, и, разорвав на части, стали поедать. В это время появилась Афина, она спасла сердце Загрея, вложила его в гипсовую фигуру и вдохнула в нее жизнь, а Зевс наказал титанов, поразив их молниями. Воскрешенный обрел бессмертие, став Дионисом-Загреем, кости же его растерзанного тела погибли в Дельфах (Eur. Fr., 472 Nauck; Diod. Sic., V, 75, 4; Nonn., VI, 155; Firm. Matern., VI, p. 15). Орфики полагали, что каждого человека можно считать частью одного космического существа; подобно Дионису Загрею, мист умирает, распадаясь на части, и затем вновь возрождается в загробном царстве⁴. Религиозное учение орфиков, включавшее

¹ Там же. С. 123-125.

² Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святынища. Культы олимпийских богов и героев. Киев: Стилоз, 2005. С. 390.

³ Там же. С. 393.

⁴ Скржинская М.В. Ук. соч. С. 128.

культ Диониса Загрея, широко распространилось среди греков в VI–V вв. до н. э. Распространение мистических учений в Греции способствовало росту значения в мировоззрении греков культа Диониса Хтония, чтимого как «господина души» и связанного с загробным миром. Приблизительно с V в. до н. э. достижение бессмертия и обретение лучшей участи в загробном мире становятся ведущими идеями вакхических таинств¹.

Следует отметить, что важная роль в этих представлениях отводилась умершим предкам. Так, при совершении мистерий Диониса 12-го анфестериона, должно «совершать завещанные предками таинства от имени государства и во имя богов, многочисленные священные и сокровенные обряды» (Dem., LIX, 72). При этом Анфестерии длились три дня. Каждый из трех дней имел свое название: Питойгии, Хои и Хитры.

Первый день – Питойгии, посвящался открытию бочек и благословию вина. Хозяин дома приносил жертву Дионису, кубки с вином украшали весенними цветами, и все домочадцы, включая рабов, весело отмечали праздник. Второй день – Хои, был днем угощения граждан и состязания в питье, днем венков, сплетенных из первых весенних цветов, и увенчания детей. В этот же день совершались мистерии Диониса, заканчивавшиеся браком с супругой одного из афинских архонтов. Именно в этот день открывался, единственный раз в году, храм в Лимнах (древнейший храм Диониса), в котором проходила эта таинственная церемония. Этот древний акт считался важным для благосостояния всех жителей Аттики, потому что Дионис покровительствовал не только виноградарству, но и всему живому на земле².

Вероятно, именно поэтому в заключительный день Анфестерий вспоминали умерших предков. Хитры (третий и последний день), посвящался хтонической ипостаси Диониса, именно в этот день вспоминали умерших. Все храмы закрывались, а дома в хитрах, особых горшках, давших название этому дню, варили для покойных панспермию – кушанье из всевозможных злаков.

Считалось, что тени умерших приходят в этот день, чтобы отведать специально приготовленную еду, которую не разрешалось есть живым. Смерть – только обратная сторона жизни: это было осознано ранее, чем мудрецы начали учить, что жизнь представляется смертью умершим, как смерть является смертью только живым³.

¹ Кузина Н.В. Ук. соч. С. 17.

² Скржинская М.В. Ук. соч. С. 121-123.

³ Там же. С. 121-123.

Дионисийская религия – область культурных явлений почитания мертвых и общения с силами подземного царства. Таким образом, оргиастическое служение и дионисийская жертва рассматриваются нами, как обряд и жертва первобытных тризн. Человеческая жертва представляет собой умершего и рассматривается в качестве вместилища и носителя его силы.

Греки считали, что души умерших вселяются в живых. Так важнейшим элементом дионисовой религии является погребальная маска. Голова – седалище души и вместилище психической энергии. Жертвуя остальным телом, первобытный человек хочет сохранить голову покойника или его черты¹. Помимо того, что погребальные маски клались на гроб, их возлагали на тризнах на лица живых. Именно в этом древние люди видели отождествление живого, проникшегося душой маски, с умершим.

Как отмечает О.В. Кулишова, погребальная маска дает возможность перевоплощаться в тотемного предка. Происхождение маски уходит своими корнями в религиозные обряды. Погребальная маска, с одной стороны, предохраняла умершего от злых духов, а с другой, сохраняет индивидуальные черты человеческого лица. Одним из важнейших свойств маски оказывается то, что с ее помощью достигалось перевоплощение – маски «превращают участников обряда в Богов, Духов, Зверей-Прародителей»².

Дионисийская религия плотно сочетается с культом «древесных» душ. Дерево – один из первоначальных фетишей, рассматриваемое как обиталище человеческих душ, отделенных от тела. Интересно, но сам же Дионис признается как бы мертвым или погребенным в дереве³. Души умерших вселяются в дерево: Дионис, как абстракция душ или героев тризны, вселяется в дерево, как и они⁴. Очевидным становится факт того, что единение с душами умерших предков было необходимо для приобщения к божественному еще при жизни.

Смертный аспект страдающего бога важнее аспекта растительного. Из смерти происходит жизнь. Семя не даст плода, если не умрет. Таким образом, древопочитание сочеталось с культом Диониса, как

¹ Иванов В. Эллинская религия страдающего бога // Символ. 2014. №64. С. 149.

² Кайюа Р. Игры и люди. Статьи и эссе по социологии и культуры. М.: ОГИ, 2007. С. 108.

³ Иванов В. Ук. соч. 127.

⁴ Там же. С. 129.

бога душ¹. Именно поэтому маски часто помещали в могилы, вероятно, с целью соединения душ предков с Дионисом, ведь только в этом случае смерть для них превращалась в начало нового цикла событий².

Таким образом, в античное время соблюдение традиционных обрядов и правил почитания предков являлось необходимой гарантией для установления сверхъестественной связи с божеством еще при жизни. Предки в данном случае явно играли роль важнейшего посредника между миром живых и потусторонним миром богов. Видимо, только так можно было преодолеть смерть и достичь бессмертия. Неслучайно поэтому в раннем христианстве для обрядовой практики использовались исключительно погребальные сооружения с умершими предками³, особенно если они пострадали за веру. «Под жертвенником души убиенных за слово Божие» (Откр., 6:9).

При этом, если почитание предков в античную эпоху являлось семейным делом, то погребения в христианскую эпоху становятся общественными местами отправления культа. Именно в местах погребений собираются верующие, отправляются христианские обряды, а лежанки с останками умерших, в этой связи, специально отгораживаются от основного пространства погребальной камеры. При этом в склепе иногда даже приходилось вырубать дополнительные скамейки для сидения христиан во время проведения обрядов⁴.

Вот почему обязательным условием выбора места для ранних христиан, было наличие не только погребений, или винодельческого комплекса, связанного с потусторонним миром⁵, но и хтонических символов прошлой эпохи, как, например Диониса, во многом выступающего в качестве прообраза Христа, еще не раскрывшегося во всей полноте истины⁶.

¹ Там же. С. 130-131.

² *Скржинская М.В.* Ук. соч. С. 127; *Русяева А.С.* Ук. соч. С. 409.

³ *Зинько Е.А.* Христианские склепы некрополя Боспора IV-VI вв. н. э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XVIII. Симферополь; Керчь, 2013. С. 59.

⁴ *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.). Киев: ИА НАН Украины, 2000. С. 55-56.

⁵ *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* Греко-варварский Крым в период поздней античности (III-IV вв. н. э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015. С. 442.

⁶ *Иванов В.* Ук. соч. 196.

Таким образом, использование для пола монументальной базилики (II) 1935 г. стенок мраморных саркофагов с дионисийскими мотивами являлось глубоко продуманным действием.

Скорее всего, в представлениях ранних христиан Христос являл себя как обновленный Дионис¹, что в какой-то мере, оправдывало появление в храмах изображения символов древнего языческого божества.

¹ Там же. С. 196.

ГОРОДА ЗАИОРДАНЬЯ В IV–VI ВВ.: ГЕРАСА**CITIES OF TRANSJORDAN IN THE 4TH–6TH CENT.: GERASA**

Н.В. Жукова
N.V. Zhukova

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308015, Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State National University
308015 Belgorod, Pobedy St. 85

e-mail: zzzzhnv@gmail.com

В статье рассматривается территория Заиорданья в позднеантичное время на примере одного из городов, входивших в состав Десятиградия, – Герасы. Города указанного региона стали ярким образцом тех городов, которые вобрали в себя черты греческих полисов после завоевания Палестины Александром Македонским. Организация управления в городах Заиорданья известна, в основном, благодаря археологическим данным, найденным во время раскопок Герасы. В статье раскрывается внутреннее устройство и муниципальные органы Герасы, а также духовная сторона жизни города.

Ключевые слова: Заиорданье, Декаполис, Гераса, провинция Аравия.

The article discusses the territory of Transjordan in the late Antiquity on the example of one of the cities that were part of the Decapolis, – Gerasa. The cities of this region became a vivid example of cities, which absorbed the features of the Greek city-state (polis) after the conquest of Palestine by Alexander the Great. The organization of management in the cities of Transjordan is known mainly due to the archaeological data, which were found during the excavations of Gerasa. The article reveals the internal structure and municipal authorities of Gerasa, as well as the spiritual side of city life.

Keywords: Transjordan, Decapolis, Gerasa, province of Arabia.

Гераса – один из наиболее известных памятников археологии эллинистическо-римской и ранневизантийской эпохи, сыгравших важную роль в развитии знаний о заиорданской Палестине. Город нередко ассоциируется с современным Джерашем.

Гераса находится в 30 км к северу от столицы Иордании – Аммана. Иосиф Флавий помещает Герасу на восточной границе Перее (Jos. Bel. Jud. III, 9.7); Евсевий Кесарийский – рядом с Амманом, определяя ее местоположение рядом с горой Галаад в Перее (Euseb.

Onomast. 102. 19). Здесь сохранились остатки бывшего великолепия античности, о котором можно судить по многочисленным колоннадам, поэтому Джераш получил название город «тысячи колонн». Гераса входит в число городов Заиордания, образовавших с I в. до н. э. область, известную под названием Декаполис.

История городов Палестины мало известна. В литературе встречаются лишь небольшие сведения об устройстве городов, топографическом положении, административно-территориальном делении территории Палестины. Обогатили науку лишь раскопки, в том числе, и Герасы. Руины Герасы – важный объект археологии, не раз привлекавший к себе внимание многих исследователей.

Город был открыт немецким путешественником Ульрихом Зетценем в 1806 г. Отечественные ученые также описывали и пытались исследовать Сирию и Палестину. В конце XIX в. несколько археологических экскурсий совершили Н.П. Кондаков (экспедиция 1891–1892 гг.) и Ф.И. Успенский. Наибольший вклад в изучение Герасы внес российский промышленник С.С. Абамелек-Лазарев, экспедиция которого по странам Средиземноморья состоялась в 1881–1882 гг.

Гераса изначально строилась и развивалась как греческий город, а затем, перейдя под власть Рима, она преобразовалась в город по типу римской колонии со смешанным эллинистическо-арабским населением.

Согласно письменной традиции, Герасу основал Александр Македонский во время своих завоевательных походов. После 332 г. до н. э. территория Палестины уже находилась под властью Александра Великого. Новая колония строилась по образцу греческих полисов-муниципий. Как и другие греческие полисы Сирии и остального Востока, город имел полное самоуправление и владел окружающей его небольшой территорией (хорой), населенной местными племенами; но основная форма самоуправления города, отношение к македонским царям и размеры территории – точно не известны¹.

Долгое время территория Заиордания входила в состав царства Птолемеев. В 301 г. до н. э. Птолемей I установил контроль над Палестиной, продолжавшийся в течение нескольких десятилетий. Но в конце III в. до н. э. началось ожесточенное противостояние из-за региона между двумя династиями: Селевкидами, владевшими северной Сирией и Месопотамией, и Птолемеями, владевшими Египтом. В итоге, около 176 г. до н. э. страна перешла под власть Селевкидов.

Борьба между двумя греко-македонскими царствами, вероятно, мало затрагивала положение греческих полисов, которые без колеба-

¹ *Абамелек-Лазарев С.* Джераш (Гераса). Археологическое исследование. СПб., 1897. С. 24.

ния переходили от одного властителя к другому, смотря по тому, за кем оставалось первенство на поле боя. Но пока была крепка власть македонских царей, греко-македонские города могли считать себя безопасными от вторжения соседних враждебных государств.

Вобрав в свою культуру черты эллинизма, местное население воспользовалось ослаблением греко-македонского владычества, чтобы вернуть себе самостоятельность и первенство в издавна принадлежавших им областях. В 167 г. до н. э. против власти Селевкидов восстали иудеи. Началась война под предводительством Маккавеев за освобождение страны от господства иноземцев. В этой борьбе, безусловно, участвовали и греко-македонские колонии, среди которых видное место в стратегическом плане занимал город Гераса. В это же время к югу и востоку от Палестины возникает новое государство набатеев – арабского племени, которое распространяет свое влияние на территорию заиорданской Палестины. К концу II века до н. э. могущество обеих македонских держав падает, поэтому возвышаются новые государства – набатеев и иудеев.

Только вмешательство могущественной внешней империи останавливает развитие в регионе арабского влияния. В Заиорданье проникают римляне в лице Помпея. В результате продолжительных войн с Митридатом Понтийским, победив противников, в 64 г. до н. э. он отнимает большую часть земель, а далее образует ряд восточных провинций, которые обладали некоторой самостоятельностью в управлении¹.

Палестина была разделена на 5 округов и присоединена ко вновь образованной провинции Сирия. Территория находилась под надзором особого прокуратора, подчиненного пропретору Сирии. Одновременно с образованием провинции Сирия Помпей объявил свободными и вполне самостоятельными союзниками Рима греческие города заиорданской Палестины. Иосиф Флавий называет главнейшие города, «освобожденные» Помпеем: Гадара, Гиппос, Скифополь, Пелла, Дий, Самария, Марисса, Азот, Ямния, Аретуза; из приморских городов – Газа, Яффа, Дора (Jos. Ant. Iud. XIV, 4, 4). Многие из указанных городов входили в Десятиградие.

Статус городов определялся как *civitates sociae populi romani*, т. е., они были объявлены независимыми как от арабов, так и от римского пропретора вновь созданной провинции Сирии и прокуратора Иудеи².

¹ Ростовцев М.И. Караванные города. СПб., 2010. С. 51.

² Абамелек-Лазарев С. Указ. соч. С. 23.

Весь Декаполис не являлся единой административной областью, а на момент римского завоевания представлял собой независимые территориальные единицы, существовавшие отдельно друг от друга.

Сообщения позднеримских историков рассказывают о территории Палестины в IV в., включая территорию Заиордания и входивших в эту область городов: «Последняя из сирийских провинций – Палестина... Тот же Помпей обратил в провинцию и эти области после победы над иудеями и взятия Иерусалима и установил в них римское управление. С Палестиной соседствует Аравия... Помимо небольших городов здесь находятся и огромные: Бостра, Гераса и Филадельфия, которые защищены крепкими стенами...» (Amm. Marc. XIV, 8.13).

Очевидно, Гераса была очень богатым городом. Площадь ее составляла около 85 гектаров, а во время расцвета – начало III в. – возможно, численность жителей составляла 20 000 чел.¹ Однако город не являлся политическим центром ни одного из округов Палестины. Здесь никогда не располагалась резиденция правителя, отсутствовал военный гарнизон. Великолепные здания города были построены видными гражданами, чья щедрость была отмечена статуями и надписями. Также надписи в городе были посвящены римским императорам, которые посещали город. Например, зафиксировано пребывание Адриана в Палестине в 129–130 гг. во время посещения Египта².

По вопросу внутреннего устройства городов Заиордания в ранневизантийское время известно совсем немного. В основном эта информация была получена благодаря найденным надписям в Герасе во время археологических раскопок. Они содержат имена муниципальных должностных лиц, которые показывают развитие города во время империи.

Внутренний политический строй представлял собой строй других греческих полисов, вошедших в состав Римской империи. Из должностных лиц в надписях упоминаются эпимелеты, которые заведовали постройками; упоминается должность эпонимного архонта; встречается должностное лицо, учрежденное, вероятно, уже римлянами, которое включало в себя функции члена совета; также римлянами была введена должность, которая значилась как должность вроде коменданта из местных граждан, начальника над местной милицией³.

¹ Kennedy H. Gerasa and Scythopolis: Power and patronage in the Byzantine Cities of Bilad al-Sham // Bulletin d'études orientales. LII. 2000. P. 200.

² Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Т. II, ч. 2 / под ред. И.В. Брагинской. М., 2002. С. 61.

³ Абамелек-Лазарев С. Указ. соч. С. 27.

Великолепные руины Герасы также говорят о процветающей жизни города в римскую эпоху.

На рубеже V в. Палестина разделилась на три провинции: Палестина Первая (Прима) со столицей в Кесарии, Палестина Вторая (Секунда) со столицей в Скифополе (Бейт-Шеан), Палестина Третья (Салютарис) со столицей, возможно, в городе Петра¹. Южный сектор Декаполиса также входил в провинцию Аравия, где и располагался город Гераса, который являлся одним из крупнейших городов провинции и мог бы претендовать на статус столицы. Названные палестинские провинции ранневизантийского времени входили в диоцез Восток².

В Герасе нет доказательств о строительстве новых улиц в поздней античности или о мощении и ремонте существующих. Любые новые дороги были результатом роста города. Так, теменос храма Артемиды использовался для строительства к V в., когда здание явно перестало функционировать как храм³. С развитием христианства в IV в. храмы попадали в изъятие, но они не были разрушены.

Точно так же театры вышли из употребления и были, в конечном итоге, оставлены и использовались в качестве строительного материала. Хотя нет достаточных доказательств, чтобы точно сказать, когда это произошло, вполне вероятно, что театральные представления прекратились в V веке, если не раньше, в соответствии с пожеланиями церкви.

В эпоху Поздней античности в Герасе велась огромная строительная деятельность. Следует отметить, что церковное строительство было приоритетнее других построек в городе, причем под него отводились места не на окраине города, а в самом центре. V–VI вв. стали периодом сооружения серии великолепных церквей: Пророкам, Апостолам и мученикам (464 г.), Церкви Прокопия (526 г.), Иоанна Крестителя, Св. Георгия (529–33 гг.), а также синагоги (530 г.). Эти храмы демонстрируют продолжающееся процветание Герасы в эпоху Поздней античности.

В списке провинций Иерокла Грамматика, составленном уже в первой половине VI в. в царствование Юстиниана, Гераса, как и Филадельфия, значится еще в числе 17 городов провинции Аравия, находящейся под управлением консулара, столицей которой оставалась Бостра⁴.

¹ *Parker T.S.* An Empire's New Holy Land: The Byzantine Period // *Near Eastern Archaeology*. № 3, 1999. P. 137.

² *Грушевой А.Г.* Иудеи и иудаизм в истории Римской республики и Римской империи. СПб., 2008. С. 23.

³ *Kennedy H.* Указ. соч. P. 201.

⁴ *Абамелек-Лазарев С.* Указ. соч. С. 29.

Подводя итог, необходимо отметить, что сведения о Декаполисе, как о союзе городов, находят мало отражения в античных памятниках и исследованиях. Лишь фрагментарные упоминания отдельных городов, входящих в состав Десятиградия, дают некоторые сведения о политической, экономической, религиозной и культурной жизни Декаполиса в позднеантичное время. Большой вклад в исследования вносят археологические данные, которые получены в результате раскопок. Лидирующее положение среди городов региона занимает в этом отношении Гераса.

Благодаря этим данным, можно прийти к выводу, что положение вольных городов Сирии, в общем, мало чем отличалось от положения других городов позднеримского времени, хотя некоторые пользовались автономией дольше и имели несколько больше прав. Но все эти привилегии постепенно уменьшались; общая тенденция империи заключалась ведь в том, чтобы свести все к одному уровню и заменить органы самоуправления бюрократическим аппаратом.

ГЕРМАНЦЫ-АРИАНЕ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

GERMANS-ARIANS IN THE BYZANTINE EMPIRE

А.Д. Назаров

A.D. Nazarov

Уральский федеральный университет
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Ural Federal University
620002, Yekaterinburg, 19 Mira St.

e-mail: andrey.nazarov451@gmail.com

Статья посвящена религиозному аспекту взаимоотношений между византийскими властями и германскими переселенцами. Тервинги, получившие право поселиться во Фракии в 376 г., стали приверженцами омийского арианства, последовав примеру императора Валента. Однако при Феодосии I, стороннике ортодоксального христианства, это учение приобрело маргинальный характер, а сами ариане оказались лишены некоторых прав. Тем не менее, германцы, обитавшие на территории империи, продолжали оставаться приверженцами омийства.

Ключевые слова: Византийская империя, византийская армия, германцы, арианство.

The article is devoted to the religious aspect of the relationship between the Byzantine authorities and Germanic immigrants. Tervingi, which gained the right to settle in Thrace in 376, became adherents of Homoian Arianism, like Emperor Valens. However, under Theodosius I, a supporter of Orthodox Christianity, this doctrine acquired a marginal status and the Arians themselves were deprived of some of their rights. Nevertheless, Germans, which lived on the territory of the Empire, continued to remain adherents of Homoianism.

Keywords: Byzantine Empire, Byzantine army, Germans, Arianism.

Выходцы из германских племен привлекались на службу в императорскую армию со времен Октавиана Августа. Эта практика содействовала интенсификации культурных контактов между *pax Romana* и *barbaricum*, в том числе, и в религиозной сфере. В частности, во II–III вв. в римской армии были широко распространены германские верования¹. Известны также случаи культурных заимст

¹ Domaszewski A. von. Die Religion des römischen Heeres. Trier, 1895. S. 45–47.

ний со стороны варваров. К примеру, батавы, жившие на территории империи в дельте Рейна, почитали Геркулеса как своего прародителя¹. Более того, по словам Аммиана Марцеллина, аламаннский *rex* Медерих «пробыл долгое время заложником в Галлии и познакомился с некоторыми греческими мистериями». Впечатлившись увиденным, он нарек своего сына Серапионом, ранее «Агенарихом на родном языке именовавшимся» (XVI. 12. 25). По всей видимости, варвар участвовал в таинствах Сераписа, культ которого возник в эллинистическом Египте².

Распространение христианства в Средиземноморье в значительной мере изменило картину мира его обитателей. Впрочем, среди западных германцев оно широкого распространения не имело вплоть до VI в. Даже после крещения Хлодвига I в 496 (506) г. множество франков продолжало оставаться язычниками³. До VII в. были незначительными масштабы христианизации и среди аламаннов⁴. Паулин Медиоланский, однако, сообщал, что Амвросий Медиоланский пользовался большим уважением среди маркоманнов, которые даже отправляли епископу дары (V. Ambr. 36). Сторонниками никейского христианства могли быть некоторые варвары, проживавшие в империи. Тем не менее, тот факт, что Амвросий Медиоланский назвал римского военачальника Баутона, франка по происхождению, «честью выдающимся», вовсе не является указанием на никейское вероисповедание германца (Ep. 57. 3)⁵. В то же время, Арбогаст и Рихомер, также франки и соратники Баутона, были язычниками. Рихомер к тому же дружил с почитателями традиционных римских культов: известными риториками Либанием, Симмахом и Евгением, ставшим впоследствии императором. Арбогаст и вовсе, свергнув Валентиниана II в 392 г., встал на защиту «служению идолам». Таким образом, он поддержал римских сенато-

¹ *Roymans N. Ethnic Identity and Imperial Power: The Batavians in the Early Roman Empire.* Amsterdam, 2004. P. 235–250.

² *Zotz Th. Die Alemannen um die Mitte des 4. Jahrhunderts nach dem Zeugnis des Ammianus Marcellinus // Die Franken und die Alemannen bis zur "Schlacht bei Zülpich" (496/97) / hrsg. von D. Geuenich.* Berlin, 1998. S. 389; *Пржегодзкая О.В. Процесс вхождения варваров в состав общества Римской империи: романизация (IV–V вв.) // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира.* 2007. Вып. 6. С. 333.

³ *Brennecke H.C. Deconstruction of the So-called Germanic Arianism // Arianism: Roman Heresy and Barbarian Creed / ed. by G.M. Berndt, R. Steinacher.* Farnham, 2014. P. 117.

⁴ *Drinkwater J.F. The Alamanni and Rome 213–496 (Caracalla to Clovis).* Oxford, 2007. P. 117.

⁵ Ср.: *Пржегодзкая О.В. Религиозные отношения в поздней Римской империи и варвары // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира.* 2006. Вып. 5. С. 457.

ров, недовольных религиозной политикой Феодосия I, и его сопровителя (Oros. VII. 35. 12).

Вместе с тем, в III в. появилось немало последователей христианского вероучения среди готов. Варвары, совершавшие набеги на владения Рима, уводили в плен, в том числе, и священнослужителей, которые сумели «к благочестию обратить» некоторых германцев (Philost. II. 5). Распространение христианства было связано также с деятельностью епископа Вульфилы, который в IV в. перевел Библию на готский язык (Socr. IV. 33; Soz. VI. 37; Iord. Get. 267). Тем не менее, он являлся приверженцем арианства, которое было признано ересью на Вселенском соборе в Никее в 325 г.

Более того, это вероучение встретило сопротивление среди некоторых представителей племенной элиты, организовавших гонения на его приверженцев. Часть готов была вынуждена бежать в империю вместе с Вульфиллой. Константин II милостиво позволил им обосноваться в Мезии, а самого епископа даже называл, по словам Филосторгия, «времени нашего Моисеем» (ὁ ἐφ' ἡμῶν Μωσῆς) (II. 5). Однако в 370-х гг. христианство принял один из предводителей тервингов Фритигерн. При этом он стал последователем омиийского течения арианства.

В классической историографии преобладала версия, что принятие готами именно этого вероучения было во многом обусловлено жизненным укладом германцев. Однако современные исследователи полагают, что причина такого выбора заключается во влиянии императора Валента (364–378), сторонника омиийского арианства, с которым Фритигерн был связан узами договора (Socr. IV. 33; Soz. VI. 37; Theod. HE. IV. 33; Oros. VII. 33. 19)¹.

Г.Е. Захаров подчеркивает, что классификация ересей в раннехристианский период имела не исторический, а типологический характер. Таким образом, арианами называли не столько непосредственных идеологических преемников ересиарха Ария, сколько тех, кто поддерживал сходные с ним взгляды и, в то же время, отвергал решения Никейского собора². Российский исследователь также считает, что христианство не получило широкого распространения среди готов до миграции тервингов во Фракию в 376 г. Варвары верили, что римская земля охранялась чуждыми им высшими силами. Как следствие, переправа через Дунай имела для них сакральное значение, поскольку водные преграды воспринимались германцами как сакральные границы

¹ Brennecke H.C. Deconstruction of the So-called Germanic Arianism. P. 124–125.

² Захаров Г.Е. Иллирийские церкви в эпоху арианских споров (IV – начало V в.). М., 2014. С. 258–259.

миров¹. К. Шэфердик полагал, что в конце IV в. большая часть переселившихся в империю готов оставалась язычниками². Эта точка зрения представляется обоснованной с учетом того, что среди тервингов первыми христианство приняли вожди, а племенной коллектив последовал их примеру. Постепенное обращение в новую религию было обусловлено потребностью варваров адаптироваться к новым условиям, к обществу, частью которого они стремились стать³.

Причины широкой распространенности арианства среди восточных германцев – вопрос дискуссионный. Существует мнение, что его популярность была связана с высоким авторитетом тервингов-вестготов среди других варварских объединений⁴. По нашему мнению, данная версия является спорной. По всей вероятности, остготы, герулы, руги, скиры и другие варварские *gentes* приняли христианство уже после распада державы гуннов в 453 г., поселившись во владениях империи.

В то же время, масштабы миссионерской деятельности в *barbaricum* были невелики, поскольку в этом не были заинтересованы ни государство, ни церковь⁵. Р. Мэтисен отмечает, что духовным главой германцев в Византии был *episcopus Gothorum*, у которого не было постоянной резиденции. В то же время, мобильность мигрирующих групп, переселившихся на Запад, создала потребность в совершенно иной организации духовенства. Как следствие, германский клир состоял из священнослужителей, непосредственно сопровождавших войско или его предводителя⁶.

Арианство было повторно осуждено на Константинопольском соборе 381 г. При Феодосии I (379–395) его последователи, равно как и язычники, по закону были лишены возможности проводить богослу-

¹ Захаров Г.Е. Переход через Дунай как пересечение границы между готским и римским культурными мирами // Восточная Европа в древности и средневековье. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. XX чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто (Москва, 16–18 апр. 2008 г.). М., 2008. С. 75–76.

² Schäferdiek K. Zeit und Umstände des westgotischen Übergangs zum Christentum // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1979. Bd. 28, Hf. 1. S. 94–95.

³ Koch M. Ethnische Identität im Entstehungsprozess des spanischen Westgotenreiches. Berlin, 2011. S. 75; *Idem*. Arianism and Ethnic Identity in Sixth-Century Visigothic Spain // Arianism: Roman Heresy and Barbarian Creed / ed. by G.M. Berndt, R. Steinacher. Farnham, 2014. P. 258.

⁴ Wolfe B. Germanic Language and Germanic Homoianism // Arianism: Roman Heresy and Barbarian Creed / ed. by G.M. Berndt, R. Steinacher. Farnham, 2014. P. 195–196.

⁵ Shean J.F. Soldiering for God: Christianity and the Roman Army. Leiden, 2010. P. 355.

⁶ Mathisen R.W. Barbarian ‘Arian’ Clergy, Church Organization, and Church Practices // Arianism: Roman Heresy and Barbarian Creed / ed. by G.M. Berndt, R. Steinacher. Farnham, 2014. P. 158, 161.

жения, строить храмы и т. д. (СTh. XVI. 1. 3; 5. 6–24). Однако варвары в основной массе не стали менять вероисповедание. По мнению М. Коха, арианство являлось для них маркером инаковости, выделявшим их среди ортодоксального большинства, населявшего империю¹. В V в. после миграции вестготов в Италию, а затем в Аквитанию в Восточной империи проживало множество германцев-ариан.

Отметим также, что среди этих еретиков были высокопоставленные военачальники варварского происхождения: например, Ардабур и Аспар². К тому же члены клана Аспаридов активно участвовали в урегулировании разного рода церковных вопросов³. Впрочем, в 471 г. после убийства Аспара Лев I (457–474) инициировал гонения на ариан (Malal. XIV. 41; Chron. Pasch. 597). Однако этот факт может объясняться тем, что император искал благовидный предлог, который позволил бы ему оправдать расправу над влиятельным военачальником и его сыновьями⁴.

Отдельного внимания заслуживает переписка между архиепископом Константинополя Григорием Богословом и военным магистром Фракии готом Модарисом. В частности, церковный иерарх просил военачальника обеспечить порядок в столице во время вселенского собора 381 г. (Ep. 136–137). Послание Григория Богослова не содержит прямого указания на вероисповедание Модариса. Однако его религиозные взгляды в данном случае не имели принципиального значения. Находясь на государственной службе, он действовал в соответствии с волей императора Феодосия I, ревностного сторонника никейского христианства⁵. Впрочем, среди готов-переселенцев было немало приверженцев традиционных культов. Одним из них был военный магистр Востока Фравитта, которому в награду за подавление восстания Гайны было позволено остаться почитателем традиционных культов (Zos. V. 21. 5; Eupar. fr. 83). Симпатии Евнапия и Зосима, представителей языческой историографии, к нему свидетельствуют к тому же о том, что Фравитта был сторонником эллинства⁶.

¹ Koch M. *Ethnic Identity in the Emergence of the Visigothic Kingdom*. P. 75–76; *Idem*. *Arianism and Ethnic Identity in Sixth-Century Visigothic Spain*. P. 258–259.

² Пржигодзкая О.В. Религиозные отношения в поздней Римской империи и варвары. С. 458–460.

³ MeEvoy M. *Becoming Roman?: The Not-So-Curious Case of Aspar and the Ardaburii* // *Journal of Late Antiquity*. 2016. Vol. 9, No. 2. P. 497, 502–505.

⁴ *Ibid.* P. 504.

⁵ Пржигодзкая О.В. Религиозные отношения в поздней Римской империи и варвары. С. 457.

⁶ Ведешкин М.А. «Варвар по рождению, но эллин во всем остальном»: образ благочестивого варвара в трудах позднеримских язычников // *Цивилизация и варварство: человек варварского мира и варварский мир человека* / под ред. В.П. Будановой. М., 2018. Вып. 7. С. 147–148.

Вместе с тем, известны случаи конфликтов на религиозной почве между германцами-арианами и местным православным населением. В частности, мятежный презентальный магистр готского происхождения Гайна добивался того, чтобы у ариан появился свой храм в Константинополе. Впрочем, когда осенью 400 г. в столице началась резня готов, эта церковь была сожжена¹. Варвары также принимали участие в конфликте, развернувшемся вблизи Медиолана между ортодоксальной и арианской общинами в 385–386 гг. Власти постановили отдать одну из базилик за стенами города омиам, однако Амвросий Медиоланский отказался выполнять это требование. После этого подразделениям, в которых, в том числе, находились готы, был отдан приказ захватить храм силой. Тем не менее, на помощь ортодоксальному епископу пришли его сторонники, которые не позволили воинам вступить в церковь. В конечном итоге, власти свой приказ отменили (Ambr. Ep. 20. 2–13, 20; 21a. 2).

В V–VI вв. потомки германских переселенцев, обитавшие во Фракии и Иллирике, регулярно набирались для службы в вооруженных силах империи. Юстиниан I (527–565) проводил последовательную антиарианскую политику, однако к религиозным воззрениям германских воинов относился терпимо (СJ. I. 5. 12. 17). В 578 г. из-за аварских и славянских вторжений была проведена эвакуация мирных жителей из придунайских провинций. Иоанн Эфесский писал, что из проживавших в этих землях готов было сформировано подразделение, отправленное на войну с Персией. Их жены и дети остались в Константинополе, где Тиверий II (578–582) позволил проводить арианские богослужения. Появление еретиков в городе вызвало возмущение жителей, что вынудило императора отменить ранее принятое решение (Ш. 13, 26). Какие-либо дальнейшие сведения об этой конфессии в Византии в источниках отсутствуют.

Более того, арианство было предано забвению и в варварских государственных образованиях. Так, после разгрома королевств вандалов и остготов ортодоксальный клир вернул главенствующие позиции в Африке и Италии. При Реккареде I (586–601) арианские догматы были отринуты и вестготами (Ioann. Vicl. 587. 5). Что касается королевства лангобардов, этот процесс растянулся на десятилетия, однако при Перктари (661–662; 671–688) они окончательно отказались от арианского вероисповедания (Paul. Diac. Hist. Lang. V. 33).

¹ См. подробнее: Назаров А.Д. Проблема ассимиляции варваров в Ранней Византии: готы на службе Феодосия I и Аркадия // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы IV Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию победы в Сталинградской битве (Волгоград, 20–21 окт. 2017 г.). Волгоград, 2017. Ч. 2. С. 68–69.

Таким образом, распространение христианского вероучения среди германских иммигрантов было важным направлением ассимиляционной политики византийских властей. В то же время, обращение в новую религию было необходимым условием адаптации варваров к иной социальной среде.

В основной массе переселившиеся в Византию германцы стали последователями омийского течения арианства, осужденного на I Никейском и I Константинопольском вселенских соборах. Это вероучение стало важным компонентом идентичностей варварских *gentes* в период Великого переселения народов и возникновения политических образований, именуемых варварскими королевствами. Однако в течение VI–VII вв. арианство полностью утратило свои позиции как на греческом Востоке, так и на латинском Западе.

**РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ЭТИКЕТ:
ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПИСЬМА**

**EARLY BYZANTINE EPISTOLARY ETIQUETTE:
THE PROBLEM OF THE LITERARY LETTERS**

Е.И. Мирошниченко
E.I. Miroshnichenko

Санкт-Петербургский государственный университет
Saint-Petersburg State University

e-mail: miroshnichenkoeu@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема стиля в художественном письме. В ранневизантийскую эпоху, как и в античное время, создание художественного письма подчинялось определённым правилам. Эти правила были зафиксированы в соответствующих учебных пособиях по риторике. Несмотря на то, что на практике византийцы далеко не всегда следовали указанным правилам, эпистолярный этикет, отражённый в них, служил образцом для написания художественного письма на протяжении всего существования Византийской империи.

Ключевые слова: византийская эпистолография, византийская литература, эпистолярные сборники, риторика.

Abstract. The article investigates the problem of style in literary letters. In the early Byzantine time, as in the time of Late Antiquity, the creation of a literary letter was subordinated to the certain rules. These rules were recorded in the relevant textbooks on rhetoric. Despite the fact that Byzantines did not always follow these rules in practice, the epistolary etiquette reflected in them, served for a model for writing a literary letter throughout the entire history of Byzantine Empire.

Key words: Byzantine epistolography, Byzantine literature, epistolary collections, rhetoric.

Проблема, с которой сталкивается каждый исследователь ранневизантийской эпистолографии, заключается в том, что далеко не все письма, вошедшие в эпистолярный сборник того или иного автора, являются художественными. Ещё П. Симеон¹ ввёл специальное различение обычных писем (частного характера: чаще всего это бытовые

¹ *Simeon P.X.* Untersuchungen zu den Briefen des Bischofs Synesios von Kyrene. Paderborn, 1933. S. 82-83. Ср.: *Thraede K.* Grundzüge griechisch-römischer Brieftopik. München, 1970. S. 1-4.

письма, не предназначенные для широкого круга – то, что можно обозначить английским словом letter) и художественных (рассматривающихся автором и читателями как литературное произведение, англ. epistle)¹. Однако чёткого критерия для отнесения того или иного письма к какой-то определённой группе у нас нет. Так одно и то же письмо может иметь частный характер, но при этом обладать неоспоримыми признаками литературного произведения (см., например, рекомендательные письма Василия Великого, Иоанна Златоуста или Синесия Киренского).

Конечно, мы можем предположить, что те письма, которые до нас дошли в составе эпистолярных сборников, были выбраны как раз потому, что современники считали их ценными с художественной точки зрения. Однако такой подход тоже не является адекватным, поскольку различие между художественным и нехудожественным для того времени не было таким же ясным и строгим, как этого требуют учебники по литературоведению новейшего времени. Даже сегодня многие тексты частной переписки рассматриваются издателями как литературный текст, а многие письма, написанные как литературное произведение, в то же время, являются частной перепиской.

Если мы обратимся к эпистолярным сборникам IV–V вв., мы обнаружим в них не только литературные письма, но и письма бытового характера, частные письма, не имеющие и признака литературности. Письма подобного рода, вероятно, оказывались в сборнике только по той причине, что принадлежали тому же автору, что и литературные письма (или мыслились, как принадлежавшие).

Таким образом, эпистолярный сборник являлся не столько художественным текстом, сколько биографическим. Письма, входящие в подобные сборники, могли рассматриваться как свидетельства о личности автора и о его жизни. Такой взгляд на собрание писем определённого автора приближается к современной концепции публикации писем знаменитых людей.

Но, с другой стороны, мы знаем, что часть писем, входящих в тот или иной эпистолярный сборник, является литературным произведением. Нам известно, что многие из этих писем зачитывались перед широкой аудиторией и рассматривались современниками как произведение искусства². Такого рода письма следует выделить из ряда других

¹ В трактовке Томадакиса это письма частные и общественные (ιδιωτικά καὶ δημόσια). См.: *Τομαδάκης Ν.* Βυζαντινὴ ἐπιστολογραφία. Αθήνα, 1969. Σ. 24.

² Синесий использует для обозначения аудитории, внимающей чтению литературного письма, слово θέατρον (ep. 101). Ср.: *Hunger H.* Die Hochsprachliche profane Literatur des Byzantiner. Bd. 1. München, 1978. S. 210-211.

писем, однако сделать это не так просто, поскольку, как мы уже заметили, ясного критерия для такой операции у нас нет. В любом случае, такого критерия не было и у самих византийцев. Так что очевидным образом всякая попытка классифицировать письма по признаку литературности будет искусственной.

Тем не менее, мы можем благодаря текстологии говорить о существовании собраний писем, эпистолярных сборниках, изучение которых даёт нам возможность пролить свет на проблему истории письма как литературного произведения. Однако изучение этих сборников невозможно без знания позднеантичного эпистолярного этикета, который зафиксирован в различных текстах.

Теория эпистографии, использовавшаяся в ранневизантийскую эпоху, может быть реконструирована на основе следующего источника: 1) 223–235 параграфы трактата Деметрия Фалерского «О стиле»; 2) анонимный трактат «О типах писем»; 3) Письмо Григория Назианзина к Никобулу.

Рассмотрим основное пособие по риторике для того времени: «О стиле» Деметрия Фалерского, а точнее 223–235 его параграфы¹, посвященные эпистолярному этикету. Обратим внимание, однако, на тот факт, что, как и всякий учебник по риторике, трактат Деметрия был неким идеалом, к которому стремились, указаниям которого старались следовать, но никогда в полной мере не соблюдали их. Таким образом, параграфы, посвященные эпистолярному этикету в трактате «О стиле», носят скорее прескриптивный характер, чем дескриптивный.

Правила, которые формулирует Деметрий, касались стиля (223–227, 228–235), размера (228, 235), предмета и содержания (230–233), а также адресата писем (234).

Говоря о стиле, Деметрий советует следующее:

1. Стиль письма требует особой заботы, т.к. письмо является своего рода даром, а всякий дар требует особой заботы.

2. Речь в письме не должна прерываться, т.к. перерывы делают речь в письме неясной.

3. Письмо должно быть выразительным (ἐχέτω τὸ ἥθηκόν ἢ ἐπιστολήν)², поскольку в письме автор «описывает образ своей собственной души» (εἰκὼν αἰκάστος τῆς ἑαυτοῦ ψυχῆς γράφει τὴν ἐπιστολήν).

¹ Греч. Текст см.: Demetrius. De elocutione. Ed. by W.R. Roberts. Cambridge, 1902. P. 173–177. Рус. пер.: Миллер Т.А. Античные теории эпистолярного стиля // Античная эпистография: Очерки. М.: Наука, 1967. С. 7–8.

² Миллер перевела τὸ ἥθηκόν как «выражение нравственного облика» (Миллер Т.А. Античные теории эпистолярного стиля. С. 7), однако, более подходит, как нам кажется,

4. Письмо должно отличаться с точки зрения стиля изяществом (χαρίεντος)¹.

5. Письмо должно быть более свободным с точки зрения синтаксиса, периоды не обязательны.

Что касается размера, то Деметрий пишет:

6. Письмо должно быть умеренным.

О предмете и содержании письма Деметрий замечает:

7. Предмет письма не должен быть сложным, тема письма должна быть простой, как и доводы в пользу своей точки зрения.

8. Следует использовать пословицы (в тех же целях простоты), а не сентенции и увещания.

Наконец, стиль, размер и содержание письма зависит от адресата:

9. В некоторых случаях письмо может быть длиннее (например, если оно пишется царю или обращено к жителям определённого города), но не должно превращаться в трактат.

Все эти правила, резюмированные нами из указанных выше параграфов трактата Деметрия, основаны на отношении к письму как к «выражению дружбы»: письмо «сжато говорит о простом деле и простыми словами» (231). Эта простота проявляется как в форме (стиле, размере), так и в содержании (предмете) письма. В форме она проявляется как краткость, умеренность и изящество, в содержании как дружественный тон, простота предмета и доводов, попытка избежать нравоучений.

Все эти указания имеют, как мы видим, характер общих предписаний. Только указания о недопустимости пропусков и периодов в письме вполне конкретны, остальные же нуждаются в уточнении. Например, как определить выразительность письма? Что такое изящество и простота? В чём конкретно они выражаются? По существу, Деметрий практически ничего не говорит о конкретных риторических приёмах (т. е. о конкретных фигурах речи: перифразах, плеоназмах, асиндетонах и проч.), об их допустимости или недопустимости в письме, ограничиваясь фактически общим замечанием о простоте эпистолярной речи, отчего попытки соотнести в таком виде сформулированный эпистолярный этикет с реальной практикой написания писем заканчивается зачастую некими общими наблюдениями. Легко определить несоответствие письма эпистолярному этикету, если автор этого письма рассуждает на философские темы, учит адресата жить и зло-

другое значение этого субстантивированного прилагательного: «характеристический, выразительный». Такой перевод соответствует концепции письма как проявления индивидуальности и выражения «образа души» (о чём Деметрий говорит дальше).

¹ Прил. χαρίεις подразумевает всегда какой-то объект – этот объект, конечно, читатель (или слушатель) письма: ἐπιστολήχαρίεσσα, если оно обладает приятностью для него.

употребляет периодами. Но как быть, если этих крайностей нет? Где граница, после которой письмо перестаёт быть «простым и умеренным», где оно теряет изящество или, наоборот, приобретает? Изящество, как и многие другие черты произведения искусства, носит субъективный характер и с трудом уловляется в сети научного анализа.

Помимо трактата Деметрия, особенности позднеантичного эпистолярного этикета отразились в другом тексте, известном под названием «О типах писем»¹. Этот трактат был надписан именем Деметрия, но, очевидно, ему не принадлежит. Описание каждого из типов писем имеет практическое воплощение скорее в папирусных письмах II в. до н. э., чем в собрании литературных писем IV-V вв.² Тем не менее, эта типология применима и к письмам, входящим в состав эпистолярных сборников.

Классификация писем с точки зрения их типа помогает конкретизировать требование простоты и изящества, высказанное в трактате «О стиле». Дело в том, что каждый тип требует соответствующих форм, а, с другой стороны, отнесение письма к тому или иному типу напрямую связано с тем предметом (и соответственно, с адресатом), о котором в письме должна идти речь. Так, например, рекомендательные письма должны писаться в сухом официальном стиле, желательно без риторических украшений, но и без проявления индивидуальности. Дружеские письма, напротив, должны быть искренними и живыми. В них допускается не только риторика, но и в рамках приличия различные интимные подробности из собственной жизни.

Всего в трактате «О типах писем» (который, к слову сказать, сам написан в форме изящного письма-наравоучения) автор насчитывает 21 тип письма³ (дружеские, рекомендательные, пренебрежительные, упрекающие, утешительные, порицающие, вразумляющие, угрожающие, хулильные, хвалебные, совещательные, просительные, вопросительные, ответные, иносказательные, объяснительные, обвинительные, защитительные, поздравительные, иронические и благодарственные).

¹ Ancient Epistolary Theorists / Greek text ed. and transl. into English by A.J. Malherbe. Atlanta, 1988. P. 30-41. Рус. пер.: *Миллер Т.А.* Античные теории эпистолярного стиля. С. 10-15.

² *Koskenniemi H.* Studien zur Idee und Phraseologie Des Griechischen Briefes bis 400 n. Chr. Helsinki, 1956. S. 9-15.

³ Существовала ещё типология писем Прокла-Либания (Proklos. Περὶ ἐπιστολαῖου χαρακτήρος. Ed. by Sykutres // BN 7. 1930. S. 108-118), но она в основном совпадает с типологией Псевдо-Деметрия (Миллер, ориентируясь на форму слова, считает, что только 13 названий из типологии Прокла-Либания совпадает с таковой Псевдо-Деметрия; Томадакис, ориентируясь на значение слов, находит соответствия всему 21 типу, выделяя только 8 новых типов: заявляющее, насмешливое, униженное, загадочное, напоминающее, горестное, любовное, смешанное. См.: *Τομαδάκη Ν.* Βυζαντινὴ ἐπιστολογραφία. Σ. 55. Ср. *Миллер Т.А.* Античные теории эпистолярного стиля. С. 23-24).

Заметим, что эта классификация не является строгой, поскольку указанные виды могут пересекаться друг с другом. Например, письмо может быть одновременно дружеским, утешительным и благодарственным. По сути, перед нами не столько типы писем, сколько характерные черты того или иного письма. Один из таких «типов» выбирается автором в качестве ведущей темы и далее автор, о чём бы он ни писал, должен следовать этой теме. Однако это не мешает ему обращаться и к другим темам в том же письме.

Как видим, анализ трактата «О типах писем» лишь немного прояснил ситуацию с критерием эпистолярного этикета. Кроме общих рекомендаций и предположений о возможности использования того или иного тропа, мы ничего не можем сказать. Нам остаётся только дополнить полученные сведения теми рекомендациями, которые мы находим в письме Григория Назианзина к Никобулу¹. В этом письме Григорий (надо сказать, не скупясь на риторические фигуры) излагает своё понимание знакомых нам по трактату Деметрия требований к написанию писем: умеренности, ясности и изящества.

1. Умеренность:

«Из тех, кто пишет письма, раз уж ты об этом спрашиваешь, одни пишут длиннее, чем следует, другие же слишком кратко, и в обоих случаях они грешат против меры. Так, лучники, которые попадают то мимо, то выше цели, — ошибаются в равной мере, хотя по-разному. Мерило писем – общепотребительность; и не надо ни слишком длинно описывать события, когда их мало, ни слишком скупое, когда их много. <...>. Так я понимаю сжатость».

По существу, ничего нового мы из этого описания не узнаём. Григорий говорит о мере, но какова она, он не уточняет. По всей видимости, он считает, что эта мера не абсолютна и зависит от предмета письма (если события, описываемые в нём, разнообразны и многочисленны, то и мера возрастает, если же событий мало, то, наоборот, мера становится меньше). Правда, в этом случае ничто не помешает превратить письмо в рассказ на десятки страниц, но о каком бы то ни было критерии Григорий ничего не говорит. Из реальной практики литературного письма некоторые учёные, впрочем, делают вывод, что классической мерой для письма являются 10–15 строк рукописного текста².

¹ Ep. 196 (PG 37, col. 105-108).

² *Roques D.* Introduction. P. LIII. Ср.: *Sykutris.* Epistolographie // Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, ed. A. Pauli. Supplementum, Bd. V. Stuttgart, 1931. S. 193; *Simeon P.X.* Untersuchungen zu den Briefen des Bischofs Synesios von Kyrene. S. 34-37; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur des Byzantiner. S. 219-220. 10-15 строк рукописного текста примерно соответствуют 0,3-0,5 страницы текста в обычном современном издании.

2. Ясность:

«Что касается ясности, то следует знать, что, где только можно, надо избегать логических рассуждений, а больше склоняться к разговорной речи; короче говоря, то письмо самое лучшее и красивое, которое убедит и простого человека, и человека образованного, первого – своей общеупотребительностью, второго – тем, что оно отступает от общеупотребительности и само по себе понятно. Ведь в равной мере неудобно и постигать запутанную речь, и толковать письмо».

Здесь Григорий действительно проясняет указания Деметрия: письмо должно быть написано так, чтобы оно было равно убедительно как для образованного читателя, так и для «простого человека». Разговорная речь, напоминающая о диалоге, лежит в основе письма. Логические рассуждения (умозаключения) усложняют письмо, поэтому при обосновании какой-либо точки зрения автору, по-видимому, следует использовать энтимемы.

3. Изящество:

«Третье – это изящество письма. Мы сохраним его, если не будем писать совсем сухо и тяжеловесно или безыскусно, нестройно, неряшливо, а это случается, когда мы пишем без предложений, пословиц, изречений, без шуток и намёков, делающих речь более приятной. Но и злоупотреблять этим не следует. Одно грубо, другое нескромно, и пользоваться этим надо как пурпуром на ткани. Мы примем фигуры (тропы), но в малом числе, и только те, которые приличны. Оставим софистам антитезы, параллелизмы, исколоны; если и вставим их кое-где, то сделаем это, шутя, а не всерьёз. Далее, ты слышал одну из остроумных шуток об орле, как, когда птицы решали, кому быть царём, и все по-разному приукрашивали себя, он заявил, что прекраснее этого не считать себя прекрасным. Вот это и надо особенно соблюдать в письмах – простоту и близость к природе».

Данное рассуждение ещё больше конкретизирует Деметрия. Мы знаем, какие именно фигуры можно использовать в письмах (хотя и умеренно). Письма, как часть диалога, должны ему подражать, а в диалоге мы стараемся не применять риторических фигур, во всяком случае, не злоупотреблять ими. В этом смысле рекомендации Григория выдержаны вполне в духе классического эпистолярного этикета (интересно, что и на практике Григорий – чуть ли не единственный из христианских эпистографов, кто неукоснительно следует этому этикету).

В целом, мы проанализировали три источника: 223–235 параграфы трактата Деметрия Фалерского «О стиле», трактат неизвестного автора «О типах писем» и письмо Григория Назианзина к Никобулу.

На основе нашего анализа мы можем сформулировать следующие положения эпистолярного этикета Поздней античности.

Во-первых, все три текста подтверждают общее правило: **письмо должно быть простым и изящным по стилю, поскольку оно подражает диалогу**. «Простота и изящество письма» выражается формально в умеренном объёме (10–15 строчек), в минимальном количестве тропов, в отсутствии сложных риторических фигур и в стилизации авторской речи под обычную разговорную речь.

Далее, во-вторых, следует ряд частных правил, которые варьируются в зависимости от типа письма, предмета и адресата. Так, для дружеского письма характерно употребление специальных выражений, обозначающих особые эпистолярные ситуации (присутствия-отсутствия, радости по поводу получения письма и пр.), а также ряд драматических тропов, создающих иллюзию присутствия адресата. Для «отрицательных» писем (пренебрежительных, упрекающих, порицающих, угрожающих, хулильных и обвинительных) характерны такие фигуры, как исколон, хиазм и метафора.

Конкретизировать эпистолярный этикет ещё больше на основе имеющихся источников чрезвычайно сложно, а выводить правила из анализа самой эпистолографии нам запрещает правило герменевтического круга. Однако мы можем воспользоваться индуктивным методом, и с помощью него сформулировать ряд нормативных высказываний, с помощью которых тот или иной эпистолограф участвует в эпистолярной игре. Эта игра основана на различных мотивах, имеющих место при той или иной эпистолярной ситуации (таких как: радость по поводу получения письма, жалоба на отсутствие или редкость писем, оправдание в редкости писем, рекомендация какого-либо лица адресату, отправление подарка, получение подарка, утешение адресата и др.)¹.

В зависимости от социального статуса адресата и его близости к автору, эпистолограф использует те или иные клише, штампы, общепринятые формулы, однако в некоторых случаях он может изменять эти формулы, отходить от них или и вовсе заменять их другими, более живыми и оригинальными.

¹ См. примеры такого исследования в отношении двух из упомянутых эпистолярных ситуаций в византийской эпистолографии: Черноглазов Д.А. *Laus epistolae acceptae: об эволюции византийского эпистолярного комплимента* // ВВ. 69 (94) (2010). С. 174–186; Черноглазов Д. *Was bedeuten drei Fische? Betrachtung von Geschenken in byzantinischen Briefen (IV. – XII. Jh.)* // *Geschenken erhalten die Freundschaft. Gabentausch und Netzwerkpflege im europäischen Mittelalter (Byzantinistische Studien und Texte 1)*. Münster, 2011.

ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ, ГРИГОРИЙ НИССКИЙ И ИХ ПУТЕШЕСТВИЯ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ

BASIL THE GREAT, GREGORY OF NYSSA, AND THEIR JOURNEYS TO THE HOLY LAND

Е.О. Родина

E.O. Rodina

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы 85, 308015

Belgorod State National Research University,
Russian Federation, Belgorod, 85 Pobedy St., 308015

porubleva_2017@mail.ru

В данной статье автор попытался рассмотреть посещение Святых мест святыми отцами, чей взгляд на феномен паломничества и культ святых мест оказал значительное влияние на дальнейшее развитие христианских культов и традиций. На основе сохранившихся упоминаний об их поездках нельзя воспроизвести картину их путешествия детально, но вполне возможно обозначить его цель и суть.

Ключевые слова: Святая Земля, паломничество, Василий Великий, Григорий Нисский.

In this article, the author tried to consider the visiting of Holy places by the Holy fathers, whose view on the phenomenon of pilgrimage and the cult of Holy places had a significant impact on the further development of Christian cults and traditions. It is impossible to reproduce the picture of their journey in detail on the surviving references about their trips, but it is quite possible to identify its purpose and essence.

Key words: Holy Land, pilgrimage, Basil the Great, Gregory of Nyssa.

Одними из первых паломничество на Святую землю предприняли христианские богословы IV–V вв. Эти паломничества стали одной из центральных тем их трудов, породив уже в их время немалое количество споров и дискуссий. Особый след на дальнейшее изучение феномена паломничества и странничества наложили споры Василия Великого и Григория Нисского о необходимости благочестивого путешествия как такового. Каждый из них совершил паломничество к святым местам Палестины, и каждый имел особую точку зрения на

значение паломничества для христианина¹. Основная информация о паломничествах богословов сохранилась в их переписке.

Сведения о путешествии Василия Великого на Восток (в т. ч., и в Палестину) сохранило его письмо 223, написанное в 375 г., почти через двадцать лет после самого путешествия. Информацию о путешествии, содержащуюся в тексте письма, вряд ли можно назвать в полной мере исторической, скорее Василий описывает то глубокое впечатление, которое произвели на него монахи, встретившиеся ему в Египте, Палестине, Сирии и Месопотамии. Монашеский образ жизни, который он увидел в тех местах, вызвал у него восхищение и удивление. Высочайший уровень их аскетизма и пыл их молитв глубоко впечатлил Василия. Вспоминая увиденное, он писал, что они молятся, «как будто передавая свою жизнь в чужую плоть»². Для Василия эти «незнакомцы и чужестранцы на земле», которые своими действиями библейский воссоздают образ «жителей Града Небесного (Флп. 3:20)», были примером для подражания.

Нельзя дать однозначного ответа об обстоятельствах, которые привели Василия на Восток; также нельзя однозначно ответить, посетил ли он святые места, находясь в Иерусалиме. Некоторую информацию о причине его прибытия на Восток можно увидеть в письме 1. После пятилетнего пребывания в Афинах, где он приобщился к греческой пайде, святой вернулся в Каппадокию в 356 г. В письме говорится, что он хотел учиться у Евстафия Севастийского, бывшего епископа, который был известен своим аскетизмом. Узнав, что в то время Евстафий жил в Сирии, Василий отправился туда. Добравшись до Сирии, он узнал, что Евстафий перебрался в Египет, Василий был вынужден отправиться вслед за ним³. О путешествии он пишет крайне мало, в общих, довольно сжатых чертах, поэтому многие детали остаются неизвестными. Поиск Евстафия, рассказанный в письме 1, косвенно подтверждает цель путешествия из письма 223 – Василий хотел найти образ монашеской жизни, наиболее подходящий под «слова Евангелия». Его посещение самых известных монашеских центров своего времени были совершены с целью приобретения монашеской

¹ *Hunt D.* Holy Land Pilgrimage in the Later Roman Empire, AD 312–460. Oxford, 1982. P. 186.

² Письмо 223 «Против Евстафия Севастийского» [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/pisma/215 (дата обращения: 30.05.2018)

³ Письмо 1 «К философу Евстафию» [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/pisma/1 (дата обращения: 30.05.2018)

пайдейи. Такое интеллектуальное стремление было очень распространённым явлением среди современников Василия Великого¹.

Возвращаясь к вопросу о том, воспользовался ли Василий Великий возможностью посетить святыя места Иерусалима во время своего путешествия, следует помнить, что он не оставил после себя никакого описания святых мест и не составил полного маршрута своего путешествия по Востоку. В письме 223 он писал о Палестине и о других странах, но в общих чертах. Кроме того, упоминания о Палестине не встречаются в письме 1, где он перечисляет страны, которые ему пришлось посетить в поисках Евфимия.

Василий говорит о Палестине, когда перечисляет добродетели монахов из разных монашеских центров. Такое расхождение в двух письмах трудно объяснить, и данная информация, в целом, очень расплывчата. Нельзя исключить того, что два этих письма описывают два разных путешествия на Восток, но конкретных доказательств по этому поводу также не имеется².

В переписке Василия Великого есть ещё одно упоминание Палестины. В письме 207, адресованном неокесарийским клирикам, в качестве доказательства праведности своего образа жизни он привёл примеры других монахов: «а теперь, как слышу, такую добродетель имеют некоторые в Египте, а может быть, и в Палестине иные преуспевают в житии евангельском; слышу также о некоторых совершенных и блаженных мужах в Месопотамии»³. Довольно странно, что Василий написал, что он «слышит» (ακούω) о монашеской жизни в этих регионах, хотя вполне мог сослаться на личный опыт. Кроме того, письмо 207 передаёт предположительный тон автора: «а может быть, и в Палестине»⁴.

Совсем другая картина открывается из писем Григория Нисского. Григорий ссылается на своё путешествие в Иерусалим в письме 2, письме 3, а также в житии Макарины. Взгляды Григория на цели паломничества и статус Иерусалима и его жителей довольно противоречивые. Письмо 2 характеризуется его возражениями относительно паломничества и резкой критикой горожан Иерусалима. Однако, при сравнении письма 2 с письмом 3 и житием Макарины, заметен более сложный, двойственный подход.

¹ *Bitton-Ashkelony B.* Encountering the Sacred: The Debate on Christian Pilgrimage in Late Antiquity. Berkeley – Los Angeles, 2005. P. 50.

² *Guillaumont A.* Le dépassement comme forme d'ascèse dans le monachisme ancien. Bégrolles en Mauges: Abbaye de Bellefontaine, 1979. P. 35.

³ Письмо 207 «К неокесарийским клирикам» [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/pisma/199 (дата обращения: 30.05. 2018)

⁴ Там же.

Своеобразный намёк на цель путешествия обнаруживается в житии Макрины, составленном уже после его поездки, но не позднее 382–383 гг. В данной работе Григорий напоминает неустановленному собеседнику о том, что он не забыл их встречу после его поездки в Иерусалим, которая была совершена «с целью молитвы» (κατ' εὐχήν), и для того, чтобы увидеть в тех местах следы пребывания Господа во плоти¹. Сначала учёные столкнулись с определёнными трудностями при переводе. Термин εὐχήν означает молитву, желание и обет. Изначально данное выражение переводилось как «из-за клятвы». Аналогичное выражение встречается в более поздней паломнической литературе, в которой молитва в определённом месте означает собой акт паломничества. Такое же выражение появляется в «Лавсаике» Палладия Еленопольского. В путеводителе Эгерии встречается латинское выражение *orationis causa*, также обозначающее молитву.

В предисловии к житию Макрины Григорий упоминает о цели своего паломничества лишь мельком, скорее всего, в качестве хронологического ориентира. Можно сделать вывод, что Григорий воспринимает цель своего путешествия в основном как религиозную, что можно подтвердить фразой «с целью молитвы». В письме 2 Григорий упоминает и другие причины путешествия в Иерусалим. В этом письме Григорий также указывает этические и богословские аргументы, утверждая, что паломничество по святым местам Иерусалима не имеет особого смысла, настраивая монахов против такого рода самоотдачи². Осознавая противоречие между самим фактом его визита и его аргументацией, он предполагает, что адресат может задаться вопросом «почему ты не применил это правило к себе, если нет цели в пребывании там?». Григорий отвечает, что был приглашён в Иерусалим для посредничества в конфликте, который разразился, когда он был с церковной миссией в соседней Аравии. Тем не менее, точную дату он не указывает. Он подчёркивает свою политическую роль, указывая на помощь, полученную от самого императора, который предоставил ему и его окружению транспорт и удобства, редкие для путешественников того времени.

По сути, обе заявленные Григорием цели визита не противоречат друг другу. Именно полемический характер письма приводит к её

¹ Григорий Нисский. Послание о жизни преподобной Макрины [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Nisskij/poslanie-o-zhizni-prepodobnoj-makriny/ (дата обращения: 03.05.2018)

² Письмо 2. «О тех, которые предпринимают путешествия в Иерусалим» [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Nisskij/pisma/#0_2 (дата обращения: 05.05.2018)

подавлению. Если Григорий действительно предпринял путешествие для реализации сразу двух целей, то образуется весомая разница между поведением Григория как паломника в Каппадокии и его богословскими взглядами на почитание иерусалимских святых.

В письме 3, написанном, скорее всего, в 382 г., сразу после возвращения Григория на родину, заметно изменился сам тон и отношение автора к святым местам Иерусалима. Он с энтузиазмом пишет: «... я видел и чувственным взором святые места ... и исполнился такой радости, которую никакое слово передать не может»¹. Встретившись с хорошими людьми в городе и увидев, он почувствовал огромное счастье. Григорий пишет, что встретил в Иерусалиме людей, в которых духовные знамения благочестия Господа были настолько очевидны, что встретил «души, в которых духовно созерцаются таковые же знамения благодати Господней, так что веруешь, что поистине в сердце того, кто имеет Бога, находится Вифлеем, Голгофа, гора Елеонская, Воскресение».

Однако этот восторг сопровождается чувством горечи, которое вынудило его вернуться домой с тяжелым сердцем. К его разочарованию, его христологические взгляды были отвергнуты некоторыми людьми, чьих имён он не называет. Эта размытая ссылка на теологическую дискуссию породила множество споров среди исследователей.

В письме 2 не встречаются термины, означающие «сакральное место» и «святое место». Григорий совершенно не выражает никакого восторга. Он задаётся вопросом, что можно было бы получить от такого визита. Он утверждает, что если бы в этом было какое-то преимущество, то оно не нанесло бы духовного вреда тому, кто придерживается аскетической жизни. Далее Григорий очень подробно описывает, почему такие путешествия вредны, особенно для женщин, которые вынуждены постоянно прибегать к помощи противоположного пола: «... во время путешествия необходимость всегда приводит к нарушению осторожности и к безразличию в соблюдении правил; ибо женщине неудобно было бы совершить такой отдаленный путь, если бы она не имела охранителя; по физической слабости она и поднимается (кем-либо) на вьючное животное, и спускается с него, и в трудных случаях поддерживается. А для того, чтобы поднимать, нужно иметь или знакомого, который исполнял бы эту услугу, или наемника, который бы

¹ Письмо 3 «Поистине почтеннейшим и благовернейшим сестрам Евстафии и Амвросии и почтеннейшей и честнейшей дочери Василисе» [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriј_Nisskij/pisma/#0_3 (дата обращения: 05.05. 2018)

прислуживал, в обоих случаях неизбежно здесь нареkanie. Ибо уверяет ли себя чужому или своему – все не сохраняет закона целомудрия»¹.

Григорий также отмечает упадок трактиров и постоянных дворов Востока, что тоже делает путешествия туда нежелательными: «А поелику в восточных странах, в постоянных дворах, в гостиницах и городах много распущенности и повода ко греху, то как может быть, чтобы у ходящего в дыму не стало резать глаза?» В этом контексте он пишет, что если бы божественной благодати было больше «в [святых] местах Иерусалима», то грех был бы не так распространён среди жителей. Он описывает Иерусалим как город греха и заговоров, в котором можно найти все виды зла: проституцию, воровство, идолопоклонство и убийство.

Несмотря на то, что Григорий поднимает вопрос о «пребывании Господа» в отношении Иерусалима, он также не отвергает культ мучеников. В этом вопросе его позиция совершенно ясна: те, кто хотят увидеть плоды благочестия, должны следовать культу мучеников. Основной аргумент Григория против паломничества в Святую Землю основан на том, что когда Господь призывает избранных наследовать Царство Небесное, он не считает путешествие в Иерусалим одним из добрых дел. Григорий также утверждает, что подобная практика не была включена в наставление Христа его ученикам; если бы у неё было какое-либо преимущество, то люди относились к ней по-другому. В конце письма Григорий советует монахам «из тела путешествовать к Господу, а не из Каппадокии в Палестину». Трудно до конца определить, почему мнения Григория о паломничестве в Иерусалим так разнятся в его трудах. Некоторые исследователи не исключают того, что письмо 2 было написано в таком тоне, так как направлено против Кирилла Иерусалимского. Из всех его трудов всё же можно вынести одну основную идею, которая особо подчёркнута в письме 2 – о том, что святость места и его благодать определяется в большей степени «внутренним человеком» путешествующего и его деяниями.

¹ Письмо 2. «О тех, которые предпринимают путешествия в Иерусалим» [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriј_Nisskij/pisma/#0_2 (дата обращения: 05.05.2018)

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ» ЗАХАРИИ МИТИЛЕНСКОГО И ОСОБЕННОСТИ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АВТОРОМ

SOURCES FOR “CHURCH HISTORY” BY ZACHARIAH OF MITYLENE AND FEATURES OF ITS USING BY AUTHOR

В.М. Кириллов
V.M. Kirillov

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85, 308015

Belgorod State National Research University,
Russian Federation, Belgorod, 85 PobedySt., 308015

e-mail: vlmkir@yandex.ru

Статья посвящена анализу исторических источников, которые использовал Захария Митиленский при составлении своей «Церковной истории». Он работал над документами от самого высокого государственного уровня, вроде посланий Папы и указов императоров, до народных преданий и устных легенд, подлинность которых находится под большим вопросом. Многие из них отражены в тексте работы лишь отчасти. Тем не менее, исследование данной проблемы необходимо для понимания доступного автору массива информации, который неизбежно наложил отпечаток на содержание его текста.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, Ранняя Византия, Захарий Митиленский, «Церковная история».

The article is devoted to analysis of sources which were used by Zachariah of Mitylene for his “Church history”. He worked with documents from the most significant stage layer like epistles of the Pope and edicts of Emperor to popular stories and legends whose authenticity is a big question. Many of its are represented in the text in some measure. Nevertheless the study of this problem is necessary for comprehension of array of information which was available to the author and unavoidably has left a mark on the content of his work.

Keywords: Late Roman Empire, Early Byzantium, Zachariah of Mitylene, “The Church History”.

«Церковная история» Захарии Схоластика, епископа города Митилена на Лесбосе, в сохранившемся виде является древнейшим памятником сирийской церковной историографии. Согласно одной из

выдвинутых версий, оригинал его был написан по-сирийски¹ (отсюда и более распространённое название – «Сирийская хроника»), однако в тексте источника имеется прямое указание на то, что изначально «Церковная история» была написана на греческом языке².

Подлинный текст рассматриваемого сочинения не сохранился, и мы имеем только её сирийский перевод, воспроизводящий оригинал с произвольными изменениями. Оригиналу хроники был доведён до 491 г.³ Он является, как можно понять из слов Захарии, логическим продолжением «Церковной истории» Сократа Схоластика. Сирийская переработка, помимо исправлений и сокращений, продолжила оригинальный текст до 569 г.⁴ Имя переписчика осталось неизвестным, и в историографии он обозначается как Псевдо-Захария. Поскольку дошедший до нас текст является плодом именно его трудов, в историографии может встречаться такое название источника, как «Хроника» Псевдо-Захарии.

Подобно своим предшественникам, Сократу и Феодориту, Захария включил в состав своей работы большое число документов. Французский исследователь P. Blaudeau отмечает, что их количество приближено к двум десяткам. Он принимает во внимание сам сохранившийся текст Захарии, его фрагменты в «Хронике» Михаила Сирийца и упоминания в работе Евагрия⁵. Этот момент стоит подчеркнуть особо, поскольку некоторые более ранние исследователи приходили к совершенно другой оценке работы, описывая её как не «реальную историю», а, скорее, «воспоминания, адресованные другу сторонником своего учения, хоть и умеренным». Такому взгляду можно придать лишь малое значение, учитывая богатство представленной документации.

Захария почти наверняка имел доступ к собранию документов из Александрии, из которых сохранился, например, Codex Vaticanus Gr. 1431, египетское сочинение в форме компиляции. Оно было составлено в 480-е гг., и в качестве генеральной смысловой линии имеет воззрения александрийского патриарха Петра Монга. По своей природе данное собрание, которое включает большое количество писем От-

¹ Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви, том 1. Введение в церковную историю. СПб., 1907. С. 195.

² The Syriac Chronicle known as that of Zachariah of Mitylene / translated into English by F.G. Hamilton and E.W. Brooks. London, 1899. P. 38.

³ Пигулевская Н.В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 107.

⁴ Hamilton F., Brooks E. Op. cit. P. 16.

⁵ Blaudeau P. Alexandrie et Constantinople (451-491). De l'histoire a la geo-ecclesiology. Roma, 2006. P. 147.

цов, носит антихалкедонский характер. Не случайно в самом конце работы составитель помещает Томос Папы Льва, исповедание веры Халкедона, Томос Льва II. Это сделано с целью продемонстрировать «плохую веру» сторонников Четвёртого Вселенского Собора.

Другие три документа из этого же собрания, которые заслуживают упоминания – «Энциклика» императора Василиска, созданная по инициативе Тимофея Элур, его же «Антиэнциклика» и «Энотикон Зенона», который в очередной раз призывал противоборствующие стороны к миру. Два последних текста воспроизведены Захарией в следующих частях его работы.

Таким образом, автор имел в своём распоряжении собрание документов и писем, что позволило ему пространно цитировать заслуживающие особого внимания письма к или от александрийских предстоятелей. Как замечает P. Vlaudeau¹, вся коллекция была собрана воедино из трёх частей во времена Петра Монга и предназначалась для выражения доктринальной позиции александрийской школы. Первую её часть составляли различные постановления, письма и документы самого Петра, которые и легли в основу работы Захарии. Другая часть – упомянутый выше Ватиканский Кодекс. А последней составляющей библиотеки могла являться сфабрикованная переписка Монга с константинопольским епископом Акакием.

«Церковная история» Тимофея Элур, составленная в 470-е гг., тоже, без сомнения, обеспечила достаточным количеством материала историка, который не постеснялся включить в свой труд пространные цитаты из патриаршей корреспонденции. Данное сочинение до нас не дошло, но существует вероятность того, что она была подвержена коптскому влиянию.

Следует отметить, что самая объёмная часть работы Захарии, 12 глава IV книги, в которой помещены только письма Тимофея, содержит огромное количество святоотеческих цитат, призванных подтвердить верность его точки зрения.

Поскольку автор писал свою «Церковную историю» в Константинополе, он, вероятно, также имел доступ и к архиву императорской корреспонденции. По крайней мере, информация из неё упоминается в нескольких случаях, например, содержание посланий друг другу Папы и императора Льва в 5 главе IV книги. Можно предположить, что здесь он воспользовался услугами своего заказчика Евпраксия, который и обеспечил ему свободный доступ к необходимым документам.

¹ Op. cit. P. 371.

При условии, что Захария жил во время описываемых им событий, а его деятельность можно отнести, как минимум, к концу этого периода, нет ничего удивительного в обнаружении отсылок к устным свидетельствам в составе его работы. Действительно, в его жизнеописании Севира Антиохийского, он фактически упомянул о сборе информации для его биографии от Исаяи и других, живших ок. 490 г. В «Церковной истории» тоже имеется прямое указание на подобный способ сбора информации: «и после этого [рассказом о] Сильвестре и обращении Константина и его крещении, рассматривая которую Евсевию не удалось дать точную оценку, и Сократ упустил правду (ибо царь не был крещён в конце своей жизни, как он [Сократ] написал, поскольку история его обращения Сильвестром также сохранилась в письмах и рисунках в Риме, в нескольких местах, поскольку те, кто был там и приходил к нам, видел [это] и рассказал)» (*Zach. I*).

Без сомнений, источники, подобные рассказам Исаяи, Петра Ибера и Иоанна Руфа, могут иметь дополнительную информацию к той, которую ему удалось извлечь из имевшихся в распоряжении письменных источников. Для примера можно привести включение легенды о болящем самаритянине, получившем исцеление от крови убитых сторонников антихалкедонской группировки, подобно тому, как многие аналогичные истории были собраны в «Плирофориях» Иоанна Руфа.

Сам автор, говоря об источниках своей информации, говорит следующее: «Теперь, начиная вторую книгу этого трактата, я рассказываю как можно короче, не растягивая повествование и не утомляя читателя или слушателя, то, что я смог узнать из записей, актов или писем, истина которых была тщательно проверена» (*Zach. II*).

Ещё одним пластом данных, которым Захария, безусловно, воспользовался во время своей работы, являются «Церковные истории» Евсевия Кесарийского, Сократа Схоластика и Феодорита Кирского¹. Со слов хрониста мы можем понять, что он не только был знаком с данными источниками, но и проводил работу, направленную на сбор их разрозненных фрагментов и объединение в одну книгу.

Захария также подвергает определённой критике творения своих предшественников. Для иллюстрации можно ещё раз привести эпизод, в котором он оспаривает мнение Сократа, сообщавшего о том, что Константин Великий принял крещение только перед смертью (*Socr. Shol. I:39*), формально оставаясь до этого момента язычником.

¹ *Hamilton F., Brooks E. Op. cit. P. 18.*

Евсевий Кесарийский является родоначальником христианской церковной историографии. Его работа, составленная в 300–325 гг., делает попытку сопоставить шкалу событий Ветхого Завета с ходом античной языческой истории, объединить их в единый процесс и подвести его ко временам императора Константина.

Евсевий имел доступ к Кесарийской библиотеке. Он использовал множество церковных памятников и документов, деяний мучеников, писем, отрывков из раннехристианских сочинений, нотаций епископатов и других подобных источников. Часто он вставляет в текст пространные фрагменты оригинальных сочинений, и его работа содержит материалы, которые больше не сохранились ни в каком месте. Именно поэтому его труд имеет большую историческую ценность для современных историков.

Евсевий не может претендовать на полноту и стройность описания рассматриваемого им предмета. Его работа не представляет собой связный и систематический образ Церкви ранних христиан. В большей степени данный текст является апологией христианской религии, хотя автор и не рассматривал его в такой роли. Следует отметить, что Евсевия часто обвиняют в преднамеренной фальсификации правды¹, но происходило уже в ранневизантийское время и началось с оценок Сократа Схоластика².

Тем не менее, его труд, исходная точка церковного историописания, имел высокую степень популярности в восточных провинциях империи. Вокруг него часто разгорались споры, для которых было необходимо наличие оригинального текста. Это привело к распространению его сочинения в форме рукописей и активному использованию многими авторами. Захария конкретно упоминает имя Евсевия в начале своей работы.

Сам Сократ Схоластик выступает в качестве одного из первых продолжателей историка из Кесарии. О его жизни не известно практически ничего, за исключением данных, которые он упоминает о себе в своей «Церковной истории». Сократ родился в Константинополе ок. 380 г. Его наставниками были грамматики Элладий и Аммоний, которые пришли в столицу из Александрии, где были языческими жрецами. Они были вынуждены покинуть свой город, когда в ходе очередного нападения христиан на классические памятники был разрушен Серапиум, а многие его служители подверглись смерти. Это событие датируется 391 годом. Существует вероятность того, что Сократ был и

¹ *Wright W.* The Ecclesiastical history of Eusebius in Syriac. Cambridge, 1898. P. XVI.

² *Drake H.A.* Constantine and the Bishops. The politic of intolerance. London–Baltimore, 2002. P. 365–366.

учеником знаменитого константинопольского софиста Троила. О роде занятий продолжателя Евсевия информации не сохранилось.

«Церковная история» Сократа рассказывает об истории Церкви от времён Константина, где остановился его предшественник, до последних лет правления Феодосия Младшего, охватывая период с 305 по 439 гг. Большая часть его работы посвящена противоречиям внутри Церкви. Автор подробно описывает арианские дела, дополняя догматические тезисы рассказами о политической истории государства. Его же работа является одним из основных источников о Гипатии Александрийской. Текст «Церковной истории» написан достаточно стройно, Сократ старается не давать происходящему резких оценок. Он осторожен и не использует ярких эпитетов в адрес выдающихся государственных и религиозных деятелей.

По религиозной принадлежности его считают сторонником секты новатиан¹, поскольку он приводит про них обширную информацию, раскрывая историю возникновения и особенности учения. Однако же, сам историк называет себя «сыном Церкви». По его же словам, написать своё сочинение его побудил некий «святой человек» Феодор, скорее всего, бывший монахом.

Судьба труда Сократа привлекательна менее предыдущей работы. Он дошёл до нас только в виде компиляции VI века, где был слит воедино с текстами Созомена и Феодорита, которые удалось разделить всего немногим более века назад. Упоминание Захарией имени Сократа обособленно от его современников может свидетельствовать, что до середины VI столетия ещё сохранялся его чистый текст, который, при этом, пользовался определённым спросом у читателей и исследователей.

Другим продолжателем Евсевия является Феодорит, епископ города Кира. Его сохранившееся письменное наследие гораздо шире одной работы, а биография Феодорита может быть реконструирована достаточно подробно. Он родился в богатой антиохийской семье, которая долгое время оставалась бездетной. Его общественное положение располагало к получению светского знания очень высокого уровня, что и было исполнено. Их писем Феодорита следует, что он был очень хорошо знаком с творчеством Гомера, Софокла, Аристофана, Демосфена и других классических авторов². Одновременно с этим, ему удалось на высоте освоить и духовные науки. Феодорит мог практиче-

¹ *Trompf W.G.* Early Christian historiography: narratives of retribution. New York, 2000. P. 286.

² *Young M.F., Teal A.* From Nicaea to Chalcedon: a guide to the literature and its background. London, 2010. P. 323.

ски каждый день посещать Петра Галата, знаменитого сирийского пустынноика, и получать наставления от Македония Критофага, другого подвижника, жизнь которого позже описал в своих работах. В качестве своих учителей он упоминает Диодора Тарсского и Фёдора Мопсуэстийского, но это маловероятно, хотя, несомненно, что воспитывался он в именно их богословской традиции.

Некоторое время Феодорит провёл в монастыре, а в 423 г. был поставлен епископом небольшого городка Кир. Занимая кафедру, он успел составить более двух десятков работ догматического, экзегетического, апологического, исторического и эпистолярного характера.

Его «Церковная история» охватывает события с момента начала популярности арианства в третьем десятилетии IV века до 429 г., а сама была составлена ближе к середине столетия. Данная работа кардинально отличается по стилю от аналогичных сочинений Сократа и Созомена. Она содержит множество источников, сохранившихся только здесь, среди которых особо следует отметить письма по арианской полемике. Книга чрезвычайно пристрастна и субъективна, сторонники еретических учений в ней последовательно очернялись и описывались как поражённые «ариевой чумой». Его текст сжат до предела. Зачастую, между пространными текстами документов можно найти лишь короткие авторские комментарии, а его собственный текст о событиях в Антиохии сосредоточен в конце книги. При написании своей работы Феодорит пользовался не только «Историей» Евсевия, но и трудами Филосторгия, Григория Назианзина и других авторов.

Имя Феодорита также упоминается Захарией обособленно, что свидетельствует об использовании отдельного текста его работы. Более того, автор видит себя в качестве продолжателя данного сочинения и предпринимает попытки его критического анализа.

Среди прочих источников Захарии можно выделить религиозные тексты, различные предания и легенды. На первом месте по количеству цитирования, безусловно, стоит Священное писание. Из него заимствованы многие сюжеты, описанные автором в апологии своей работы.

При рассмотрении первых четырёх книг «Церковной истории» необходимо обратить внимание на ещё один интересный источник. Им является упоминаемая Захарией «греческая книга *Asyath*». Её название – сирийская транскрипция еврейского имени Аснат¹. Здесь имеется в виду апокриф «Сказание об Иосифе и Аснат», самая ранняя рукопись которого происходит из Сирии и датируется VI в., а текст

¹ *Hamilton F., Brooks E. Op. cit. P. 15.*

восходит к I в. до н. э. – II в. Она добавляет некоторые подробности к ветхозаветной версии и представляет собой повествование о любви египтянки Асенеф к Иосифу, её отречении от языческих богов, о конфликте сына фараона и Иосифа и последующих событиях. К этой же группе источников относится описанное выше «Сказание о семи отроках эфесских».

Огромное количество используемых автором ресурсов было призвано повысить степень достоверности «Церковной истории», однако, современному исследователю делать об этом однозначные выводы довольно трудно.

Сам Захария уверяет в истинности своих сведений (*Zach. II.1*), но необходимо принять во внимание его личную субъективность, которую стали критиковать уже вскоре после появления его работы. К этому прибавляется тот факт, что первоначальные сведения были искажены в результате сирийского перевода.

В то же время, нужно помнить, что этот источник является единственным свидетельством по некоторым событиям истории Церкви и представляет данные, которые невозможно найти нигде более. К этой категории, например, относится история о слепом самарянине или описание беседы Тимофея Элура с ритором Авксонием.

Данное обстоятельство ставит работу Захарии в ряд актуальных источников по истории ранней Церкви и обуславливает рост интереса к ней среди исследователей.

ИСТОРИЯ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ АЛЕКСАНДРИИ В «ХРОНИКЕ» ИОАННА НИКИУССКОГО

HISTORY OF EARLY BYZANTINE ALEXANDRIA IN THE “CHRONICLE” OF JOHN OF NIKIU

М.А. Руднева

M.A. Rudneva

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85, 308015

Belgorod State National Research University,
Russian Federation, Belgorod, 85, Pobedy St., 308015

e-mail: mariya.rudneva.91@mail.ru

В статье рассматривается «Хроника» Иоанна Никиусского как источник по истории ранневизантийской Александрии Египетской. Анализируются информативность и полнота освещения Иоанном александрийских событий. Уделено внимание авторской оценке исторических личностей, фактов и событий в контексте изучения истории ранневизантийской Александрии.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, Ранняя Византия, Александрия Египетская, Иоанн Никиусский.

The article deals with the Chronicle of John bishop of Nikiu as a source on the history of the early Byzantine Alexandria of Egypt. The information content and completeness of coverage of the events by John are analyzing here. Attention is paid to his assessment of historical figures, facts and events in context of the studying of the history of early Byzantine Alexandria.

Key words: Late Roman empire, Early Byzantium, Alexandria of Egypt, John of Nikiu.

Александрия Египетская на протяжении ранневизантийского времени продолжала играть одну из ключевых ролей в историческом развитии Восточного Средиземноморья и всей империи. Изучение истории города в этот период позволит на конкретных примерах получить представление о важнейших трансформационных процессах, протекавших в ранневизантийское время.

Одним из самых информативных источников по истории Александрии является «Хроника» коптского епископа монофизитского толка Иоанна Никиусского (VII в.).

О жизни Иоанна сохранилось крайне мало сведений, главным образом, известных из «Истории патриархов Александрийских» – письменного источника, составление которого было начато в X веке Севиром ибн аль-Мукаффа¹.

Точные даты жизни Иоанна неизвестны. Во вступительной статье к переводу «Хроники» на английский язык ирландский богослов и теолог, переводчик Роберт Генри Чарльз (1855–1931 гг.) отмечает, что Иоанн Никиусский родился, вероятно, около времени арабского вторжения в Египет². Иоанн был коптским епископом Никиу и «настоятелем» епископов верхнего Египта, которые приняли участие в выборах преемника Иоанна Самнудского в 690 г.

В 696 г. Иоанн Никиусский был назначен главным управляющим монастырей, но позже был свергнут с этого поста на том основании, что он злоупотребил своими полномочиями. Дата его смерти также неизвестна, по некоторым предположениям Иоанн скончался около 700 г.³

«Хроника», состоящая из 122 (123) глав⁴, охватывает время от Сотворения мира до конца VII в.⁵ Исследователи отмечают достаточную тенденциозность произведения, автор рассматривает многие события истории с монофизитской точки зрения.

До настоящего времени «Хроника» дошла в переводе на эфиопский язык (гёэз), выполненном в 1601 г., с арабского перевода оригинала, составленного в XII–XIII вв.⁶ Текст произведения частично повреждён, в частности, фрагменты, относящиеся к периоду между 610 и 640 гг., утрачены.

Спорным остается вопрос о том, на каком языке (или языках) был написан оригинал хроники Иоанна Никиусского. Г. Зотенберг – издатель эфиопского текста – считал, что в нем чередовались части,

¹ Histoire du patriarche copte Isaac / Étude critique, texte et trad. par E. Amélineau. P., 1890. P. 49; [Sawirus ibn al-Muqaffa']. History of the Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria / Ed., transl., annot. B. Evetts. P., 1910. Pt. 3: Agathon to Michael I (766). P. 20-23 (PO; T. 5. Fasc. 1).

² The Chronicle of John, Bishop of Nikiu / Translated from Zotenbergs Ethiopic Text / Ed. R.H. Charles. L., 1916. 204 p.

³ Weninger St. John of Nikiu // Encyclopaedia Aethiopia. Vol. 3: He-N / Ed. by S. Uhlig. Wiesbaden, 2007. P. 298-299; Французов С.А. Иоанн Никиусский // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 371-372.

⁴ Французов С.А. Иоанн Никиусский // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 371-372; в вышеупомянутом издании Р.Г. Чарльза 123 главы (Прим. авт.).

⁵ Французов С.А. Иоанн Никиусский // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 371-372.

⁶ Французов С.А. Хроника Иоанна Никиусского: некоторые особенности языка и содержания // Вестник ПСТГУ. III. Филология. 2010. Вып. 4(22). С. 77-86.

составленные на греческом и на коптском языках. Теодор Нёльдеке и Вальтер Крам склонялись к тому, что таким языком был только коптский; кроме того, высказывалось предположение о том, что с греческого хроника была переведена на коптский, а уже с него – на арабский¹.

Р.Г. Чарльз придерживался мнения Г. Зотенберга, что первоначально «Хроника» была написана на греческом языке. Как указывает переводчик, не исключено, что некоторые главы, которые касались египетских событий, были написаны на коптском². Эта гипотеза подтверждается коптскими формами собственных имен, тем не менее, проблема не имеет однозначного решения в настоящее время.

На сегодняшний день известно 4 списка рукописи «Хроники» Иоанна Никиусского:

- Eth. 123 (fol. 62-138) (Национальная библиотека Франции);
- Orient. 818 (Британский музей);
- d'Abbadie 31 (fol. 104-164a) (Национальная библиотека Франции, куда она поступила в начале XX в. в составе коллекции Антуана д'Аббади);
- Conti Rossini 27 (fol. 1–120) (Национальная академия Линчеи («Рыси») в Риме)³.

Эфиопский текст издательства Г. Зотенберга⁴ составлен на основе двух первых рукописей, остальные две не были тогда доступны издателю⁵. Впрочем, анализ М. Роденса текста de visu с d'Abbadie 31 показал, что текст данного списка незначительно отличается от текста издания Зотенберга⁶. А.С. Французов полагает, что в основе всех дошедших до нас списков эфиопского перевода «Хроники» лежит единственная рукопись, утраченная в настоящее время⁷. Благодаря колофону рукописи de visu с d'Abbadie 31 М. Роденсу установить, что автором эфиопского перевода является Махерка (Мэхрэка) Денгель, явля-

¹ *Weninger St. Op. cit.* P. 298-299.

² *The Chronicle of John, Bishop of Nikiu / Translated from Zotenbergs Ethiopic Text / Ed. R.H. Charles. L., 1916. 204 p.*

³ *Французов С.А. Иоанн Никиуский // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 371-372.*

⁴ *Chronique de Jean, eveque de Nikiou / Texte ethiopien publie et traduit par H. Zotenberg // Notices et extraits des manuscrits de la Bibliotaque nationale et autres bibliotheques, publies par l'Ins-titut national de France. Т. 24, 16 repartie. P., 1883. P. 125-608 (отд. оттиск: P., 1883).*

⁵ *Французов С.А. Хроника Иоанна Никиусского: некоторые особенности языка и содержания // Вестник ПСТГУ. III. Филология. 2010. Вып. 4(22). С. 77-86; Weninger St. Op. cit. P. 298.*

⁶ *Rodinson M. Notes sur le texte de Jean de Nikiou // IV Congresso Internazionale di Studi Etiopici (Roma, 10-15 aprile 1972). Т.2: Sezione linguistica. R., 1974. P. 127-137.*

⁷ *Французов С.А. Хроника Иоанна Никиусского: некоторые особенности языка и содержания. С. 77-86.*

ющийся также автором первой части хроники царя Эфиопии Сисиния. Также, вместе с ним над переводом работал коптский диакон Кэбрэяль (Гавриил) из клира церкви мученика Иоанна в Кальюбе. Перевод был осуществлен за 3 месяца (1 авг. – 29 окт. 1601 г.) по повелению Марьям Сэна (Малак Могаса), вдовы царя Сарца Денгеля, и «начальника эфиопского войска» Афанасия¹.

Автор английского критического перевода Р.Г. Чарльз отмечает, что Иоанн в составлении «Хроники» опирался на сведения других византийских авторов: Иоанна Малалы и Иоанна Антиохийского (фрагменты в издании Мюллера *Fragmenta Historicorum Graecorum IV*. 535–622). Кроме того, в критическом издании автор задействовал «Церковные истории» Евсевия, Евагрия, Сократа, Феодорита, Хроники Георгия Синкелла и Георгия Кедрина в боннских переводах, так как в них коррелируются события, о которых идёт речь у Иоанна с более точной датировкой указанных событий².

Истории Александрии Иоанн уделяет значительное внимание, начиная с момента основания города. Эта особенность хорошо просматривается, если учесть краткость самих сообщений «Хроники» в освещении времени, предшествовавшего жизни автора.

Иоанн сообщает об основании Александрии (*John of Nikiu Chron.* 59. 1 (trans. Charles))³, указывая, что Александр основал великий город после того, как стал царем, и назвал его в свою честь. Ранее же это место носило египетское название Ракотис. В рассказе о Цезаре он выделяет эпизоды: его пребывание в Египте, отношения с Клеопатрой и строительство царского дворца в Александрии, названного в честь него и сына Цезареона – Цезариумом (64. 6–10). О дальнейшей судьбе Цезариума Иоанн пишет, что здание было преобразовано императором Константином в церковь святого Михаила (64. 6–10). Большое внимание Иоанн уделяет градостроительной и административной деятельности Клеопатры в Александрии, подробно рассказывая о постройке квартала с роскошными дворцами (Царского квартала), строительстве мола Гептастадион и создании важных административных институтов (67. 3–9). Иоанн упоминает о еврейском восстании в Александрии и Кирене времени императора Траяна (72. 14–16).

¹ Там же.

² *The Chronicle of John, Bishop of Nikiu / Translated from Zotenberg's Ethiopic Text / Ed. R.H. Charles L., 1916.*

³ Здесь и далее нумерация глав «Хроники» приводится по изданию *The Chronicle of John, Bishop of Nikiu / Translated from Zotenberg's Ethiopic Text / Ed. R.H. Charles L., 1916.*

Крайне положительно хронист оценивает политику императора Элия Антонина Пия, включая в повествование рассказ о его путешествии в Египет и Александрию (74. 5) и строительстве в городе Западных и Восточных ворот (74.6). Стоит обратить внимание и на достаточно характерное для ранневизантийских авторов «разделение» Египта и Александрии, которое мы видим в «Хронике». Например, Иоанн пишет: «Он (император) отправился в Египет и даже в Александрию» (74. 6). О неслучайности такой формулировки свидетельствует тот факт, что подобное разделение в той или иной вариации встречается и далее (77. 25; 97. 14; 120. 56; 120. 69 и др.), что подчеркивает особое и даже обособленное положение города в регионе, на существование которого указывает ряд современных исследователей¹.

Иоанн уделяет большое внимание преемственности на престоле Александрийской церкви. Он приводит обширный рассказ о детстве Феофила, его пути к вере и роли, которую сыграл в его жизни Афанасий Александрийский (79. 1–17). Здесь же упоминается Кирилл Александрийский. Таким образом, автор «Хроники» подчеркивает преемственность предстоятельства на александрийской епископской кафедре, называемой «престолом святого Марка» (79. 14). В целом, деятельности отцов Александрийской церкви уделено большое внимание в описании церковных дел в империи. Кроме того, в «Хронике» содержатся другие множественные отсылки на александрийских патриархов.

Основной массив информации относительно изучаемой проблемы относится к периоду военных столкновений и конфликтов, затронувших Александрию. Так, особым драматизмом отличается изложение событий в Александрии в период правления императора Диоклетиана (77. 1–11), который, по мнению Иоанна, практически разрушил непокорный город (77. 3), храбрые защитники которого пали лишь благодаря предательству «некоторых людей», показавших средство проникновения (77. 5). Не меньше скорби автора вызывает и описание последовавшей за осадой и трудным штурмом расправы захватчиков над жителями города, пожаров и разрушений, гибели христианских культурных ценностей. Особо отмечено жестокое преследование христиан и мученическая гибель патриарха Петра. События в Александрии стали причиной убийства «всех епископов Египта» (77. 12).

¹ *Green P.* Introduction. Alexander's Alexandria / Alexandria and Alexandrianism / J. Paul Getty Center for the History of Art and the Humanities / Ed. by Kenneth Hama. 1 ed. September 26. Oxford, 1996. P. 3–19; *Haas C.* Alexandria in late antiquity: topography and social conflict. Baltimore; L., 1997. 494 p.

Эти события Иоанн сравнивает с приходом Антихриста (77. 12), а самого императора называет подобным зверю (77. 7).

Александрия также упомянута среди городов и территорий, которые затронули гонения на христиан во время правления императора Галерия (77. 25).

Несмотря на подробное описание конфликтов, Иоанн практически не касается событий, сопутствовавших разрушению Серапеума, в то время как более ранние источники содержат подробные описания одной из крупнейших акций антиязыческой кампании¹. В рассказе о судьбе мощей Иоанна Крестителя в Александрии (78. 43–47) он упоминает, что их местонахождение было известно Феофилу Александрийскому, разрушившему храм Сераписа и превратившему его в церковь (78. 45). По мнению хрониста, в этой церкви была построена гробница для мощей Иоанна, по случаю этого события был устроен праздник (78. 46–47). В другом фрагменте Иоанн упоминает, о том, что храм Сераписа был превращен в церковь, названную в честь младшего сына Феодосия, либо в честь мучеников Космы и Дамиана (83. 37). Эта версия о строительстве церкви на месте Серапеума подтверждается более ранним источником «Церковная история» Созомена (ок. 400–450 гг.) (Sozom. HE. VII.15); в то же время, согласно сообщению Руфина (345–410 гг.), на месте языческого храма была создана община монахов из пустыни (Ruph. HE. XI. 23).

В «Хронике» Иоанн пишет о том, что в период предстоятельства Кирилла христианские жители Александрии сжигали языческих философов (84. 45). Идет ли здесь речь об убийстве Гипатии, не вполне очевидно, так как в другом фрагменте Иоанн приводит развернутый рассказ о гибели женщины-философа Гипатии Александрийской и уничтожении патриархом Кириллом «идолопоклонства в городе» (84. 87–103). Это одно из наиболее ярких свидетельств по данному вопросу в письменной традиции, с чем связан интерес к этому фрагменту многих исследователей. Не вдаваясь в многочисленные проблемы этого эпизода, отметим, что Иоанн Никиусский обозначил достаточно однозначную негативную позицию в отношении Гипатии, неоднократно указывая на её влияние на префекта и народ. Вполне справедливым он считает и расправу над иудеями, изгнанными из города Кириллом Александрийским (84. 99).

Значительное внимание Иоанна привлек период, когда город стал одним из центров возникновения монофизитского учения, основанного, в том числе, на толковании письменного наследия Кирилла

¹ Например: Eunap. Vit. soph. VI.2; Soc. HE. V.16; Sozom. HE. VII. 15; Ruph. HE. XI.23.

Александрийского. На Халкидонском соборе 451 г. монофизитство было осуждено, однако это не внесло единства в ранневизантийское общество. Волнения на почве недовольства решениями собора охватили ряд городов Византийской империи, в том числе, и Александрию. В освещении данных эпизодов Иоанн стоит на промонофизитской позиции, которая проявляется достаточно ярко, как, например, в сообщении том, что патриарх – антихалкидонит Тимофей II Элур был изгнан, что привело к беспорядкам в Александрии, а его угнетатель в лице городского префекта был подвержен божественной каре (88. 23–25). С большим уважением Иоанн пишет об авве Иеремии Александрийском (89. 4–6, 36), чьи слова мотивировали императора Анастасия отказаться от решений Халкидонского собора.

Иоанн упоминает об угрозе военного столкновения на религиозной почве во время правления императора Юстиниана, тогда в Александрию были введены войска из Африки, и кровопролития удалось избежать лишь при помощи патриарха Тимофея IV, которому благоволила Феодора. Благодаря этому войска были возвращены в провинцию Африка, а Тимофей прожил в городе до самой смерти (90. 88–90).

Значительное место занимает описание конфликта на почве выбора патриарха, связанное с тем же противостоянием, вызванным решениями Халкидонского собора, когда после смерти патриарха Тимофея на престол Александрийской Церкви был назначен диакон Феодосий, который был его секретарём. В момент его отсутствия «глупое население» выбрало другого патриарха – Гайну, что привело к противостоянию двух партий – феодосийцев и гайниан.

Подробное описание получили события в Египте и Александрии, связанные с восстанием Ираклия (608–610 гг.) (107–110). Фока, узнав о мятеже, послал для его подавления военные силы во главе с начальниками крепостей Менуфа и Атриба, также приказал магистру армии Востока Коттоне отправиться с войсками в Египет, а для того, чтобы обеспечить координацию действий военных сил в Александрии, отправил к войскам префекта столицы Воноза. Особенно красочно Иоанн рассказывает о противостоянии войск Воноза и александрийцев, поддержавших полководца Ираклия – Никиты (108). Никита и Бонакис быстро продвигались, они захватили Александрию и ввели в нее войска. Овладев островом Фарос, им удалось захватить весь морской арсенал и главные морские силы в этой области.

Эта победа дала возможность Ираклию контролировать практически весь регион, о чем свидетельствует тот факт, что после захвата Александрии близлежащие города примкнули к восставшим. Иоанн

отмечает, что все города Египта попали в подчинение к Ираклию после штурма Менуфа (109. 11).

Значимую часть повествования Иоанна занимает описание событий арабского нашествия (111–121), периодически перемежаемое информацией о событиях при императорском дворе. Автор источника подчеркивает пагубное влияние внутренних разногласий на возможность защитить Египет от внешнего вторжения.

По мнению исследователей, именно этот раздел имеет особую ценность, потому что «Хроника» Иоанна Никиусского является уникальным источником в исследовании арабского завоевания, так как представляет точку зрения пострадавшей стороны¹.

Таким образом, событиям в Александрии Иоанн уделяет значительное внимание, начиная с момента основания города. Эта особенность хорошо просматривается, если учесть краткость самих сообщений «Хроники» в освещении времени, предшествовавшего жизни автора. Источник содержит значимые сведения в отношении градостроительства и политической истории Александрии. Большое количество сведений относится к периодам конфликтов как внутреннего, так и внешнего характера. Значительное внимание уделяется предстоятелям Александрийской церкви и их деятельности в общеимперской церковной политике. В описании событий, последовавших за решениями Халкидонского собора, Иоанн придерживается четко обозначенной промонофизитской позиции, что отражается на характеристике исторических персоналий и оценке их деятельности. Одними из наиболее освещённых являются события VII в.: период противостояния в Египте сторонников восставшего экзарха Африки Ираклия против узурпатора Фоки и события арабского завоевания Египта.

В целом, «Хроника» Иоанна Никиусского является важным и информативным источником для исследования истории ранневизантийской Александрии.

¹ *Кривушин И.В.* Иоанн Никиусский и гражданская война в Египте // *Византийский временник.* 1997. Т. 57 (82). С. 45-57.

**ПРОКЛ ДИАДОХ КАК ГЛАВА АФИНСКОЙ ШКОЛЫ
НЕОПЛАТОНИЗМА. ТЕУРГИЯ ПРОКЛА**

**PROKLUS DIADOCHUS AS THE HEAD OF ATHENIAN SCHOOL
OF NEOPLATONISM. THEURGY OF PROKLUS**

**А.Г. Ахтырцева
A.G. Akhtyrtseva**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85, 308015

Belgorod State National Research University,
Russian Federation, Belgorod, 85, Pobedy St., 308015

e-mail: annahtyrtzevva@yandex.ru

Статья посвящена изучению личности Прокла Диадоха, как одного из самых ярких представителей и руководителей Афинской школы неоплатонизма. Период его руководства школой (ок. 438-485 гг.) отмечен исследователями, как время расцвета Академии и ее огромной популярности в греко-римском мире. Большой интерес представляет также учение Прокла о теургии, как наивысшей форме философской мысли, так как Прокл придает мистическо-религиозным практикам иное значение, в отличие от своих предшественников.

Ключевые слова: неоплатонизм, Прокл Диадох, теургия, Афинская академия, философия, магические практики.

The article is devoted to the study of the personality of Proclus Diadochus, as one of the most prominent representative and leader of the Athenian school of Neo-Platonism. The period of his leadership of the school (c. 438-485) was marked by researchers as the heyday of the Academy and its immense popularity in the Greco-Roman world. The doctrine by Proclus on theurgy also is of great interest as the highest form of philosophical thought, since Proclus gives mystical and religious practices a completely different meaning, unlike his predecessors.

Key words: Neoplatonism, Proclus Diadochus, theurgy, Athenian Academy, philosophy, magical practices.

Прокл Диадох известен исследователям как античный философ-неоплатоник, который являлся также руководителем Платоновской академии. Известно, что при нем неоплатонизм достиг своего последнего расцвета. Время жизни Прокла, следуя источникам, охватывает примерно 410–485 гг.

Родился он в Константинополе, жил в Ликии, учился сначала в Александрии, где и заинтересовался философией, после чего переезжает в Афины, где Платоновскую Академию в то время возглавлял ученик Плутарха Афинского Сириан (429–430 г.). В возрасте 19 лет Прокл был уже одним из лучших студентов школы¹.

Для Прокла школа Плутарха стала главнейшим институтом обучения неоплатонизму по идеям Ямвлиха в Восточном Средиземноморье. Прокл проявил рвение к учебе и доказывал то, что он является перспективным философом, благодаря этому, Плутарх был впечатлен его знаниями и взялся быть его наставником².

Прокл стал руководителем Платоновской академии после смерти Сириана. Он продолжил учить по тому же самому определенному учебному плану относительно текстов Аристотеля и Платона, который существовал при Сириане, но его прогрессивные курсы изучения выходили далеко за рамки этих основных текстов. По мнению С.Б. Куликова, «после Плотина Прокл – самая крупная фигура во всем четырехвековом неоплатонизме»³.

М.А. Ведешкин считает, что Афинская школа достигла своего наивысшего расцвета при Прокле, которого признавали последним великим философом античности. Прокл обладал большим авторитетом и играл достаточно высокую роль также в местной политике через своих учеников, которые занимали многие гражданские и военные должности. Это влияние Прокл использовал для противодействия христианству, в это время активно распространяющемуся среди высших слоев общества. Автор отмечает, что среди трудов Прокла сохранились гимны в честь языческих богов, которые распространялись среди образованных последователей культов. Эти сочинения должны были поддерживать обычаи язычества, находящегося в христианском окружении⁴.

Прокл уделял большое внимание в своей школе изучению религиозно-мистических элементов. Обучение «Халдейским оракулам» тоже играло немаловажную роль в школе при Прокле. Они считались даже обязательной частью начального уровня обучения. «Жизнь Прокла» включает заметки, описывающие религиозные ритуалы – те-

¹ *Watts E.J.* City and School in Late Antique Athens and Alexandria / The Transformation of the Classical Heritage 41. Berkeley – Los Angeles, 2006. P. 59.

² Там же. P. 65-66.

³ *Куликов С.Б.* Актуальность идей Прокла Диадоча в современной культуре // *Schole. Философское антиковедение и классическая традиция*. Новосибирск, 2014. Т. 8(1). С. 126-127.

⁴ *Ведешкин М.А.* Языческая интеллектуальная элита Восточной Римской империи в V-VI вв. // *Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем*. Вып. 2 / Под ред. М.С. Петровой. М.: Аквилон, 2014. С. 161–162.

ургию, которые он отправлял на регулярной основе. Этот же текст содержит сведения о чудесных деяниях, совершенных Проклом путем использования теургии¹.

У Прокла теургия выходит за рамки магии в обыденном ее смысле. Она становится уже универсальным принципом. Его суть заключается в том, что теург посредством теургии превращает худшее в лучшее: например, человека в демона, а растение в животное². Также Прокл указывает на важность астрологии, а также оккультной силы в теургии или магии, и на то, какие бывают способы вызывания демонов.

Философ утверждает, что иногда достаточно одного растения или камня, а иногда несколько веществ и обрядов должны быть объединены для вызывания божественного. Когда жрецы добивались того, что демоны посещали их, они приступали иногда по указанию самих демонов или же за счет истолкования символов, к познанию божеств.

Так, в конечном счете, превзойдя природные объекты и силы, и даже в значительной степени демонов, они достигали общения с богами³.

В текстах Прокла можно обнаружить описание множества элементов и предметов, составляющих магическую практику теургии. Обязательным требованием для проведения сеанса по Проклу является требование особой ритуальной чистоты. Также необходимы специальным образом приготовленные изваяния богов, к которым собирается обращаться теург.

Кроме того, для совершения ритуала необходимы так называемые символы – камни, растения или животные, которые должны находиться в симпатической связи с тем божеством, которого теург призывает, а также характеры – какие-либо графические изображения, либо имена, которые должны быть на чем-либо записаны. Призывающие бога молитвы, кроме того, здесь могут произносить истинные или варварские имена богов, которые придают молитвам и закланиям особую действенность.

Для безопасности ритуалов необходимы филактеры – это средства защиты от постороннего и негативного влияния во время теургического сеанса. Все эти детали и составляют необходимый для неоплатоника-теурга арсенал⁴.

¹ *Watts E.J.* City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley – Los Angeles, 2006. P. 65.

² *Петров А.В.* Феномен теургии: Взаимодействие языческой философии и религиозной практики в эллинистическо-римский период. СПб., 2003. С. 5-7.

³ *Thorndike L.* History of Magic and Experimental Science. Vol. I. New York, 1923. P. 320-321.

⁴ *Петров А.В.* К истории религиозно-философской мысли поздней античности (учение Прокла о магических именах) // Вестник СПбГУ, сер. 2, вып. 4. 1995. С. 15-17.

Если говорить непосредственно о том, какие действия Прокл совершал при теургических практиках, и чем конкретно они для него являлись, то можно обратиться к труду Эрика Р. Доддса, где он анализирует теургический сеанс, описываемый Проклом: «Перед сеансом оператор и медиум очищаются водой и огнем, они одеваются в специальные хитоны со специальными поясами, предназначенными для вызывания божества».

Также автор говорит о том, что медиум носил поверх одежды или нес в руках «изображения заклиняемых богов». Кроме того, Доддс также говорит, что Прокл знал о практике смазывания глаз наркотическими веществами для получения видений, но не считал это теургическим действием, говоря о том, что эффективность действия обеспечивалась на психологическом уровне¹.

Также Марин в своем сочинении «Прокл или о счастье» упоминает о том, что Проклу удалось возвысить свою добродетель до совершенной степени, то есть, так называемого, «боготворчества». Прокл совершал «халдейские ритуалы призывания богов, божественные и неизреченные кружения»².

Кроме того, Проклу, судя по тексту Марина, удавалось применять на практике свои теургические знания. Марин пишет: «он навел на Аттику дожди и отвратил от нее роковую засуху; талисманами он усмирал землетрясения; и, пытая вещью силу треножника, произносил стихи о своей собственной судьбе»³.

Обращаясь к тому, что Прокл сам говорит о теургии, стоит заметить, что он именуется теургический путь человека «беззвучным», так как этот путь является углублением внутрь своей души. Прокл говорит о том, что началом теургического пути можно считать некое томление души, подобное родовой муке.

Для того чтобы преодолеть эту боль, душе необходимо углубиться в себя и очиститься, достичь единства в самой себе. Прокл понимал, что только теория может воздействовать лишь на нематериальное, поэтому было необходимо нечто такое, что могло бы воздействовать на «квази-материальное», и таким средством для него явилась теургия⁴.

¹ Доддс Э. Язычник и христианин в смутное время: Некоторые аспекты религиозных практик в период от Марка Аврелия до Константина / Пер. с англ. А.Д. Пантелеева и А.В. Петрова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003. С. 269-272.

² Марин. Прокл, или о счастье / Пер. М.Л. Гаспарова // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 477-479.

³ Там же. С. 481.

⁴ Rosan L.J. The Philosophy of Proclus. New York, 1949. P. 213.

В чем же заключается цель теургии согласно Проклу? А.В. Петров в своих работах отмечает, что он определяет цель всякой философской деятельности и, в том числе, теургии, как ее высшей ступени, в слиянии с богом¹.

С именем Прокла связан последний этап эволюции философской магии на античной почве. Его отличие от Сириана и Плутарха заключалось в том, что «Прокл поместил теологию перед всеми другими ветвями философии». Необходимо отметить также, что Афинская школа при Прокле полностью смещает акценты в своем обучении с простого обучения на обучение «быть истинными язычниками»².

В связи с таким положением вещей Прокл даже какое-то время находился в изгнании, так как власти города не могли быть довольны его идеями воинствующего язычника. После поездки в Азию Прокл стал более подкован в политическом смысле и получил политическую поддержку для школы³. Усилившиеся христианские силы, из-за которых Прокл был вынужден отправиться в изгнание, теперь еще в большей степени присутствовали в городе и стремились избавиться от него. Но эти попытки ни к чему не привели, так как Прокл предпринял ряд шагов для обеспечения безопасности своего положения⁴.

Таким образом, можно сказать, что у Прокла теургическая практика – это не рациональное познание, а определенные мистические действия, которые направлены на очищение души и поиск блага в самой душе.

Итак, для Прокла теургия, таким образом, является и индивидуальной теургической практикой, и, в более широком смысле, теургическими поисками божественной истины.

Свое учение о теургии, как о самой главной ветви философии Прокл поставил в основу школьного обучения, из-за чего популярность школы на какой-то период снизилась. В условиях борьбы неоплатонизма и христианства Проклу пришлось пересмотреть свои действия, связанные с идейной составляющей школы и взаимодействиями с властями, благодаря чему школа при Прокле возвращает свой статус лучшей философской академии своего времени.

¹ *Петров А.В.* К истории религиозно-философской мысли поздней античности (учение Прокла о магических именах) // Вестник СПбГУ, сер. 2, вып. 4. 1995. С. 18.

² *Watts E.J.* City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley – Los Angeles, 2006. P. 67.

³ Марин. Прокл, или о счастье. С. 3.

⁴ *Watts E.J.* City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley – Los Angeles, 2006. P. 70-74.

**ИЛЛИРИЙСКАЯ ТЕМА В «ХРОНИКЕ»
МАРЦЕЛЛИНА КОМИТА**

**ILLYRIAN THEME IN THE «CHRONICLE»
BY COUNT MARCELLINUS**

**Е.С. Балацюк
E.S. Balatsiuk**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85, 308015

Belgorod State National Research University,
Russian Federation, Belgorod, 85 Pobedy St., 308015

dyingophelia31@gmail.com

Статья посвящена анализу сведений о префектуре Иллирик, представленных в позднеантичной латинской «Хронике» Марцеллина Комита из Константинополя. Для этого были рассмотрены географические, политические, церковные и этнические особенности развития данного региона. В статье также показаны восприятие автором хроники происходящих в префектуре событий и мотивы включения сообщений о ней.

Ключевые слова: Иллирик, Поздняя античность, Марцеллин Комит, хроника.

The article is devoted to analysis the information about prefecture Illyricum that was described in late antique chronicle by Count Marcellinus. There was considered geographic, political, church and ethnic characteristics of development of this region. The article also showed chronicler's perception of events in the Illyricum and his motivation to include this information.

Key words: Illyricum, late antiquity, Count Marcellinus, chronicle.

Интерес исследователей к Византии позднеантичного периода можно объяснить как стремлением проследить за протекающими изменениями и преобразованиями в зарождающемся византийском обществе, так и актуальностью проблем, связанных с данным периодом (полиэтничность общества, смешение культур, становление восточно-христианской церкви, возникновение основных византийских общественных структур и институтов).

Для решения этих целей привлекаются разнообразные по своему характеру источники, одним из которых является латинская «Хроника» Марцеллина Комита, охватывающая период с 379 по 534 гг.

Автор данной хроники происходил из латинизированной провинции Византии – Иллирика, управление которой в V веке являлось спорным вопросом для восточных и западных императоров. Происхождение автора повлияло на содержание «Хроники» – Марцеллин будет неоднократно обращаться к событиям в данной области, а иллирийская тематика станет одной из основных¹.

Сама префектура Иллирик представляла собой некую буферную зону для империи. Эта особенность отразилась на различных сферах жизни региона – политической, этносоциальной, культурной (в т. ч. церковной).

В IV – начале V в. происходит столкновение восточного и западного правительств за контроль над префектурой Иллирик. Так, римские войска входили в иллирийские провинции под предлогом возврата территории под управление Миланского двора, как это было до императора Феодосия. На момент конфликта префектура Иллирик включала Дакию, Мизию, Дарданию, Превалентину, Эпир, Македонию, Фессалию, Элладу и Крит. Под управлением же Запада оставался диоцез Иллирик – Паннония, Далмация и Норик².

Западное правительство было заинтересовано в Иллирике как в доходном регионе. Это стремление западной римской и, в частности, миланской знати вернуть префектуру Иллирик под свой контроль поддерживал Стилихон, войска которого в 395 г. вошли на иллирийские территории³.

Конфликт за иллирийские территории был частично урегулирован в 425 г., когда византийское правительство добилось от Запада уступки ему диоцеза Иллирик. Это благополучно отразилось на обороноспособности всего Балканского региона и, следовательно, укрепило положение византийского правительства⁴.

Особый интерес представляет и церковная история Иллирика. Положение здесь христианства не было прочным вплоть до IV – начала V вв. Только в III веке в Балканском регионе империи возникают христианские общины. При этом в IV–V вв. иллирийские города переживают процесс стремительной христианизации, а церковь утверждается в качестве важного общественного института⁵. Резуль-

¹ *Treadgold W.* The Early Byzantine Historians. New York, 2007. P. 232.

² *Сиротенко В.Т.* Борьба Западной Римской империи и Византии за префектуру Иллирик в 395—425 гг. и ее последствия // Античная древность и средние века. Свердловск, 1972. Вып. 8. С. 74.

³ *Сиротенко В.Т.* Указ. соч. С. 75.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ *Захаров Г.Е.* Церковь в системе общественной жизни балкано-дунайского региона в IV – V вв.: диссертация ... к.и.н. М., 2011. 365 с.

татом этого становится, в первую очередь, унификация сознания общества, что соответствовало формирующейся в ранней Византии имперской политике.

Иллирик также представлял собою пограничную зону между Западной и Восточной церквями.

Начиная со второй половины IV века, Рим стремится к усилению своего влияния на данной территории через сношения с местными епископами. Это, в свою очередь, порождало недовольство в Константинополе, результатом которого становится эдикт Феодосия II (421 г.), предписывающий ведение церковных дел в Иллирике местным соборам, а решение спорных вопросов Константинопольскому епископу. Но подобная мера не возымела действия. Папское влияние здесь было прекращено лишь при Льве III¹.

Тем не менее, по замечанию Г.Е. Захарова, христиане IV–V вв. не ассоциировали себя как принадлежащих к Восточной, либо Западной церкви. Христианская церковь представлялась единой, в то время как географическое соотнесение отдельных епископов и их общин не имело всеобщего характера. Иллирик же выступал как связующее звено между двумя частями империи, а не их граница².

Также, период IV – V вв. в Иллирике, как и в других частях империи, был связан и с арианской ересью; в этой области она имела свои особенности: местные епископы имели больше свободы в догматических спорах, так как в Балканском регионе отсутствовала система митрополий, а, следовательно, и сильные церковные координирующие центры³.

В результате же длительного пребывания в балкано-дунайском регионе деятелей арианства, включая самого Ария, происходит формирование латиноязычной богословской традиции – «иллирийского арианства». Иллирийское же духовенство оказало влияние на императора Констанция II и его религиозную – «проарианскую» – политику⁴.

Со второй половины IV в. начинается поиск решений конфликта. Было предложено множество моделей разрешения ситуации, но главенствующими среди них были два течения – никейское и омиийское. Первые стремились к богословскому синтезу, омии же видели решение проблемы в формальном объединении противостоящих друг

¹ Успенский Ф.И. История Византийской империи. М., 2011. Т.1. С. 69.

² Захаров Г.Е. Указ соч.

³ Там же.

⁴ Копылов И.А. Дунайское арианство. Новое исследование по истории Церкви // ЖМП № 9 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.evestnik.ru/history/dunayskoe_arianstvo_7498/?m=print. Дата доступа: 20.10.2018.

другу течений на Аримино-Селевкийском соборе (359 г.). Первенство здесь было достигнуто никейцами, в то время как омийское течение радикализировалось и стало маргинальным на большей части территории империи. Но в Иллирике это направление сохраняет сильное влияние и активность вплоть до V в.¹

Не менее сложной представляется этническая ситуация на территории Иллирика.

Само понимание Иллирика как определённой целостной территории, населённой «иллирийцами», появляется только с завоеванием данной области римлянами во II веке до н. э. Этнический же состав Иллирика на момент включения области был гораздо сложнее и разнообразнее: далматы, паннонцы, ардиеи, даорсы, дарданы, энхелии, тавлантии, плереи. Некоторые из них имели более развитую экономическую и политическую систему в связи с эллинистическим влиянием и участием в морской торговле; к ним, например, относились ардиеи².

При принцепате Августа начинается массовое поселение италийцев в иллирийских городах (Ядер, Нарона, Салона, Скодра, Лисс). Основанные здесь колонии являлись гражданскими, а не колониями ветеранов, что могло свидетельствовать об относительной безопасности данной территории³. Таким образом, постепенно происходит романизация местного населения.

В позднеантичный же период происходит трансформация идентичностей среди населения, что напрямую было связано с христианизацией региона, ростом влияния воинской элиты. Так, возрастает значимость такой идентичности как «иллирийцы» в рамках уже ранней Византийской империи⁴.

Именно с позиции выходца из Иллирика и описывал многие события в своей «Хронике» Марцеллин Комит. О его происхождении из областей Иллирика сообщал Кассиодор, знакомый со всеми трудами Марцеллина и имевший тесные связи с латиноязычной общностью Константинополя⁵.

Территориально Иллирик Марцеллина подразумевал саму префектуру, провинции которой он упоминает в главах «Хроники»: Дакия Прибрежная (Marc. Com. 447.5, 483), Фессалия и Македония (Marc.

¹ Захаров Г.Е. Указ. соч.

² Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005. С. 54.

³ Алмов Д.Е. Миграция или трансформация? Происхождение хорватов в дискурсе постмодерна // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. СПб., 2012. С. 208.

⁴ Дзино Д. «Становиться славянином», «становиться хорватом»: Новые направления в исследовании идентичностей позднеантичного и раннесредневекового Иллирика // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. СПб., 2008. № 2 (4). С. 46.

⁵ Croke B. Count Marcellinus and his Chronicle. Oxford university press, 2001. P. 48.

Com. 482.2, 517), Эпир (Mar. Com. 517), Паннонию (Mar. Com. 427.1) и Дарданию (Mar. Com. 518.1).

Сами статьи хроники, посвящённые событиям в Иллирике, выделяются по своему объёму на фоне других глав.

Например, описание землетрясения в Дардании, где были разрушены 24 крепости: две из них полностью ушли под землю со всем населением; «четыре потеряли половину зданий и населения от частичных разрушений, одиннадцать потеряли одну треть домов и такое же число людей, семь потеряли четвертую часть домов со всеми их обитателями, погребёнными под останками» (Marc. Com. 518.1).

Схожим образом (в плане подробности глав хроники) он описывал землетрясения в Константинополе – центре Византии (Marc. Com. 447.1; 480.1). Поэтому можно предположить, что подобное детализированное описание бедствий говорит о том, что Марцеллин придавал иллирийским территориям большую весомость в рамках государства.

Это подтверждает и тот факт, что при описании жителей иллирийских городов Марцеллин использует «cives» (Marc. Com. 518.1); помимо этой статьи, понятие гражданин он использует ещё четыре раза в отношении жителей Константинополя¹.

В целом же, в «Хронике» Марцеллина иллирийская тематика представлена в основном военно-политическими событиями, в том числе, и нападениями готов, гуннов, булгар на территории префектуры. По мнению Б. Кроука, интерес автора «Хроники» к подобным сюжетам может означать, что сам Марцеллин эмигрировал в Константинополь именно из-за вражеских разорений Иллирика. Или же он являлся представителем иллирийских военных ветеранов².

Так, впервые об Иллирике Марцеллин упоминает под 441 годом, где говорит о вторжении и разрушении гуннами иллирийских городов и крепостей, в частности, Наисса, Сингидуна (Marc. Com. 441.3). Эта статья помещена рядом с другим подобным сообщением – о вторжении на римские территории персов, исавров, гуннов, сарацин и цанов (Marc. Com. 441.1); но при этом, только в ней перечислены конкретные населённые пункты.

В следующей же за этим статье 442 года вновь говорится об опустошении Бледой и Аттилой Иллирика и Фракии (Marc. Com. 442.2). В совокупности с предыдущим сообщением о явлении кометы – знаком, предвещающим крупные несчастья, – подобное пе-

¹ Козлов А.С. Комит Марцеллин о позднеантичном городе // АДСВ. Барнаул, 1992. Вып. 26: Византия и средневековый Крым. С. 47.

² Croke B. Count Marcellinus and his Chronicle. Oxford university press, 2001. P. 76.

речисление иллирийских сведений показывает их общегосударственный масштаб¹.

Под 499 годом хронист сообщает о противодействии булгарам иллирийского военного магистра Ариста во Фракии. В ходе сражения было убито более четырёх тысяч человек. Здесь же Марцеллин упоминает и имена павших «храбрых воинов-иллирийцев» – Никострата, Иннокентия, Танка и Юлия (Marc. Com. 499.1).

Упоминание имён погибших воинов, точное указание количества павших, детальное знание о плане действий войска могут говорить о том, что эту информацию Марцеллин Комит получил от очевидца событий, или же сам являлся свидетелем. Можно также предположить, что четверо погибших были ему лично знакомы, так как больше хронист не называет имён обычных солдат².

Особое внимание уделяет хронист и иллирийским магистрам армии – Сабиниану Магну и Мундону (Marc. Com. 479, 481, 530). Стоит сказать, что в V – начале VI в. Иллирик и Фракия являлись наиболее надёжными поставщиками рекрутов в армию; многие иллирийские выходцы являлись видными военными деятелями³.

Сабиниана Магна, руководящего и военной, и гражданской службами, Марцеллин описывает как «хорошего правителя и сторонника дисциплины в военных делах», сравнимого в этом с римскими полководцами (Marc. Com. 479.1). К заслугам этого полководца относится отражение нападения Теодориха в Греции (Marc. Com. 479.2). Высокую значимость Сабиниана хронист показывает, говоря, что его смерть «по заслугам угрожает этому грешному миру» (Marc. Com. 481.2).

О Мундоне хронист отзывается в том же ключе. Мундон – первый римский полководец, который атаковал варваров, разорвавших Иллирик. «Удачливый в своей храбрости» он сражался и с булгарами во Фракии, пятьсот из которых было в результате убито (Marc. Com. 530).

Государственную значимость этим событиям придают и ряд сюжетов, в который они включены. Под 529 годом говорится о подготовке Юстинианом победоносных войн с парфянами и вандалами; а под 531 – сообщение об обнародовании свода законов Юстиниана⁴.

Самому иллирийскому войску Марцеллин также даёт высокую оценку, о чём свидетельствует статья 500 года. В ней указано, что им-

¹ Козлов А.С. Балканы в V — середине VI в. в изображении комита Марцеллина // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004. С. 57.

² Croke B. Count Marcellinus and his Chronicle. Oxford university press, 2001. P. 77.

³ Ibid. P. 70.

⁴ Козлов А.С. Указ. соч. С. 58–59.

ператором Анастасием были переданы дары иллирийским войнам (Marc. Com. 500.2).

Помимо военно-политических событий Марцеллин упоминает конфликт между иллирийскими епископами и призвавшим их к себе в столицу императором Анастасием, которого хронист осуждал за поддержку монофизитства. В «Хронике» указываются имена священников – Лаврентий Лихнидский, Домнион Сердикийский, Алкисс Никопольский, Гайян Наисский, Евангел Павталаийский (Marc. Com. 516.3).

В этой статье также указывается, что из страха перед иллирийским войском двое из них – Домнион и Евангел – были возвращены в свои епархии. Лаврентий же представлен как человек, способный защищать свои взгляды перед самим императором; «верой и величием Христа» он был излечен в церкви Космы и Дамиана. За свою же искреннюю веру Лаврентий был награждён крепким здоровьем и долголетием (умер в «возрасте более чем 80 лет») (Marc. Com. 516.3).

Таким образом, в этой подробной статье Марцеллин указывает, во-первых, на правоверность иллирийцев, высоко оценивает их личные качества как приверженцев истинной веры, а, во-вторых, косвенно упоминает военную мощь иллирийских городов, перед которыми отступает сам император.

В совокупности же, все вышеперечисленные сюжеты представляют Иллирик Марцеллина как один из важнейших регионов Византии, защитой которого должны озаботиться императоры. Это подтверждается и тем, что единственный раз Марцеллин обращается к Библии – к сюжету из книги Иеремии о грозном народе, идущем из Северной страны, при упоминании разрушения Иллирика, опустошении Македонии и Фессалии готами¹.

Марцеллин в «Хронике» выражает мнение, что во многом бедствия в Иллирике были вызваны неуверенным и слабым руководством. Это стало одной из причин критики Анастасия и его предшественников. Им противопоставляется император Юстиниан, выходец из Иллирика, военные и государственные успехи которого находят положительный отклик у Марцеллина Комита, так как они должны были привнести стабильность, сохранность и прочность не только отдельному региону – Иллирику, – но и всей империи².

Таким образом, в заключение можно сказать, что иллирийская тематика является одной из ключевых в «Хронике» Марцеллина Ко-

¹ Там же. С. 57.

² Croke B. Count Marcellinus and his Chronicle. Oxford university press, 2001. P. 70.

мита. Будучи выходцем из данной области, автор стремится привлечь внимание к тем проблемам, с которыми сталкивались жители Иллирика как в прошлом, так и в момент его жизни. Поэтому основное внимание уделяется бедствиям, связанным с военными нашествиями варваров. При этом автор указывает на благочестие и следование истинной христианской вере иллирийцев; отмечает отдельных представителей данной области, сделавших, по мнению Марцеллина, большой вклад в развитие и сохранность империи.

Все эти сведения в конечном итоге выводят Иллирик на общеимперский уровень, как регион, имеющий большой вес для Византии в целом.

ИЗ ИСТОРИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ¹

Н.А. Богомаз

Высшая школа в Ранней Византии была важнейшим инструментом культурного континуитета между античностью и средневековьем. Среди отдельных типов школ важное место занимают юридические, которые были тесно связаны с государством, готовя правоведа и толкователей законов.

Наиболее известна латинская юридическая школа в Берите (Бейруте) в Финикии. В отечественной историографии она специально практически не рассматривалась. В мировой науке на эту тему имеются монографии П. Коллине (1925) и Л. Хэлл (2004).

Нижеследующий текст представляет собой перевод 9-й главы книги Л. Хэлл, наиболее ярко показывающий деятельность Беритской школы права.

Юристы и студенты-юристы: выстраивание личности при помощи образования

Бейрут был известен, прежде всего, как центр изучения права и обучения латинскому языку и литературе с III по VI вв. Начиная с покровительства династии Северов и продолжая при последовательной смене императоров и своего статуса, Бейрут известен как «самый римский город», *polis romaikotera* из всех греческих городов Востока², он привлекал студентов, которые хотели овладеть римским правом у всемирно известных профессоров.

Либаний использовал философские понятия, такие как *pankale*, «всеблагой, благороднейший, прекраснейший» и *kalliste polis*, «красивый город»³, чтобы описать Бейрут как «мать законов», *nomon metera*⁴.

Григорий Богослов (328-389 гг.) двусмысленно относился к Бейруту как к «знаменитому городу славной Финикии, опоре римских законов»¹.

¹ Hall L.J. Roman Beritus. Beirut in Late Antiquity. London, 2004. Глава 9: Город юристов, профессоров и студентов. Перевод с англ. под науч. ред. А.М. Болговой.

² Polis romaikotera, описание Бейрута, сделанное Greg. Thaumaturg., Panegyricus in Originem 5.58–9 (239) in PG 10, 1065–6.

³ Libanius, Ep. 438.5 (355 AD); Ep. 1529.1 (365 AD). McNamee (1998) 270, note 5.

⁴ Libanius, Ep. 652.1, in 361 AD, в письме к Анатолию, *consularis Phoenices*. Cf. Термин Юстиниана для города Cod. Just., – это ‘воспитательница законов.’

Захария Митиленский также использовал термин «мать законов»², который затем был изменен в «кормилицу законов, *legum nutrix*, в *Digest*³.

По словам автора *Expositio totius mundi et gentium*, ученые правоведаы Бейрута могли «охранять провинции» и обладать властью над исходом судебных дел малых людей⁴.

«Бейрут, совершенно очаровательный город, имеющий правовые лектории, от которых, похоже, зависят все суды римлян. Ибо, вышедшие оттуда [из города Бейрут] юристы выступают в судах по всему цивилизованному миру и заботятся о провинциях, в которых установлены правовые нормы»⁵.

Такая существенная роль и влияния, описанные выше, должны были вызвать у студентов-юристов и их наставников правоведов чувства большой значимости в их обществе, как по воспринимаемому статусу, так и по фактической власти⁶. Такое отношение, похоже, отразилось на карьере многих выпускников этого направления обучения. Kathleen McNamee указала, что этих учителей называли такими терминами, как «герои», «самые выдающиеся учителя» и «учителя всего мира»⁷.

Культурное разнообразие студентов

Наши источники дают повод предположить большое разнообразие этнического и регионального происхождения студентов-юристов. Студенты, такие как Григорий Чудотворец и его брат, при-

¹ Greg. Nazianz., *Carmina* 2.2.5 (Nicobuli patris ad filium), verses 226–7, PG 37.1538. Название города было дано Bilius, автором метрического перевода тех же стихов: 'Seu magis aridet tibi Berytus, est ubi sedes/Legibus Ausoniis.' *Collinet* (1925) 35.

² meter nomon, Zachar. Mytilen., *De opificio mundi* (Boissonade edn) 84. *Collinet* (1925) 51, 54, 209.

³ Justinian, *Const. Omnem* 7. *Collinet* (1925) 53.

⁴ См. обсуждение этого отрывка в разделе о городской матрице позднеантичного Бейрута (Hall, 1985, p. 67–68).

⁵ 'Berytus, civitas valde deliciosa et auditoria legum habens per quam omnia iudicia Romanorum [stare videntur], Inde enim viri in omnem orbem terrarum adsident iudicibus et scientes leges custodiunt provincias, quibus mittuntur legum ordinationes.' *Expositio totius mundi et gentium* XXV, E. Rougé edition, 158–60. Мой перевод латинского пассажа (который был изменен по сравнению с XXV, D).

⁶ См. *Vidén* (1984), *Brandsma* (1996), и *Honoré* (1978) о карьере юристов-канцеляриев Дороефа и Трибониана. Также см. *Mathisen* (2001) и *Greatrex* (2001).

⁷ *McNamee* (1995b), ссылаясь на *Basilicorum libri LX*, выдержки из комментариев VI в. о преподавателях права V в. в Бейруте. См. также PVerol. inv. 10559, изданному *Schubart, von Wilamowitz-Moellendorff* (1907) который состоит из панегириков учеников своим учителям, вероятно, учителям права из Бейрута.

ехали из Неокесареи в Понте с намерением изучить законы в Бейруте в 230-х гг.¹

Из записанной на папирусе эпитафии (возможно, IV в.) мы узнаем о студенте из Киликии, который отправился в Бейрут «ради римской музыки и законов»².

В своей переписке Либаний обращался по-гречески к своим бывшим ученикам, которые затем продолжили изучение права на латинском языке в Бейруте³. Имена его адресатов в переписке IV в.: Иларин Эвбейский⁴, Артемон Антиохийский⁵, и Перегрин Тарский из Киликии⁶.

Два брата Аркадий и Иоанн из сенаторской семьи Константинополя во времена правления Константина, отправились в Бейрут, чтобы изучить там закон, согласно *Vita Sancti Xenophontis*⁷.

Позже в V веке, из *Жизни Севера* Захарии Митиленского, мы узнаём о других студентах из Армении, Малой Азии, Египта, Иллирика и Ликии⁸.

Такое продолжительное погружение в язык и законы Рима должно было изменить не только знания студентов, но и их мнение о том, что они за личности. Бейрут стал центром культурной ассимиляции и изменил самоидентификацию⁹. Несмотря на то, что многие люди греческого Востока относились к себе как к «римлянам», несомненно, период погружения в язык и законы Рима усилил эту самооценку.

Сейчас бесспорно то, что большинство образованных жителей греческого Востока говорили по-гречески, независимо от того, какой другой региональный язык был их родным¹⁰. Однако латинский язык по-прежнему был инициатором продвижения в поздней Римской им-

¹ Greg. Thaumaturg., Panegyricus in Origenem, PG 10.1065–6. См. Также *H. Crouzel, Gregoire le Thaumaturge Remercient à Origene* (SC 148:1969), 5/62. Цитируется и комментируется в *Millar* (1990) 16, note 42.

² Текст приведён по *Gilliam* (1974). См. также SEG 26.1456, со ссылками на литературу; цитируется *Millar* (1990) 17, note 43.

³ См. *Petit* (1955), (1956); *Seeck* (1966); *Liebeschuetz* (1972), (2000a).

⁴ Либаний писал Анатолию *consularis Phoenices*, летом 361 года о своем ученике Иларине, греке из Эвбеи. См. *Libanii Opera*, Foerster ed., vol. 10 (1921), Ep. 652, p. 596.

⁵ Либаний писал Доминину, профессору права в Бейруте, летом 356 г. См. *Libanii Opera*, Foerster ed., vol. 10, Ep. 533, pp. 501–2.

⁶ Либаний писал Иерию, призывая его быть щедрым в учебе к учителю, который был превосходным, но бедным. См. *Libanii Opera*, Foerster ed., vol. 11, Ep. 1539, p. 558.

⁷ *Vita et Res Gestae Sancti Xenophontis, et filiorum eius Joannis et Arcadii. Acta Sanctorum Januarii III* (1863) 338–45.

⁸ *Vie de Sévère*, pp. 55–7.

⁹ См. *L.J. Hall* (1999) для более полного рассмотрения этой темы.

¹⁰ *Adams* (2003); *L.J. Hall* (1999); *J.W. Drijvers* (1996); *Millar* (1999b); *McCormick* (1981).

перии¹. Он остался языком элиты, использование которого на Востоке почти целиком ограничивалось залом суда, армией и императорским двором². Он не был искажен провинциализацией, что было характерно для латыни Европы³. Это был неизменный язык, несколько устаревший, который должен был быть добросовестно изучен и освоен амбициозными молодыми людьми, которые понимали, как именно такое знание поможет им в их карьере⁴.

Аммиан Марцеллин, чьи собственные успехи демонстрировали преимущества знания латинского языка⁵, рассказал о классическом примере продвижения по карьере при помощи двуязычной компетенции: «После того, как Домициан был убит жестокой смертью, его преемник Мусониан управлял Востоком в ранге преторианского префекта, человека славящийся своим владением обоими языками [*facundia sermōnis utriusque clarus*], от чего он возымел большой почёт, чем ожидалось. Ибо, когда Константин внимательно изучал различные религиозные течения, манихеев и тому подобное, и не было подходящего переводчика, он выбрал его, как человека, рекомендованного ему как компетентного; и когда он исполнил эту обязанность умело, он хотел, чтобы его называли Мусонианом, поскольку у него до сих пор было имя Стратегий. С этого времени, пройдя многие почетные звания, он достиг префектуры»⁶.

Обычное предположение заключалось в том, что знание бюрократом латыни и греческого языка открывало ему двери к весьма высоким должностям. Кажется, что такой способ продвинуться по карьере был типичным⁷. Латынь, таким образом, стала маркером высшего класса.

Письма Либания показывают, что такое образование стоит значительную сумму денег⁸. Деньги тратились с намерением получить некоторую отдачу в пользу ученика.

¹ *Anderson* (1991) пишет о более современных временах, но его наблюдения просвещают о формировании сознания путем приобщения к имперскому языку.

² *Dagron* (1969); *MacMullen* (1966).

³ *Palmer* (1954); *Adams* (2003).

⁴ *Thomas* (1959); *Baldwin* (1985).

⁵ См. *Jenkins* (1985) для подробного изучения сведений Аммиана о главных латинских писателях. См. также *Geiger* (1996); *Trahman* (1942); *Casson and Hettich* (1950).

⁶ *Amm. Marc.* 15.13.1–2. *J.W. Drivjers* (1996), полностью изучив, этот отрывок, аргументирует знание бюрократом семитского языка, а не латыни. Однако, поскольку языками правительства были латынь и греческий, мне кажется, следует упомянуть эти два языка.

⁷ См. о карьере Иоанна Лида, обсуждавшейся в *Maas* (1992), и других бюрократов, обсуждавшихся в *Vidén* (1984).

⁸ См. *Petit* (1955), *Liebeschuetz* (1972) для полезных цитат и обсуждения.

Иоанн Златоуст четко определил политический и социальный успех, который ждал молодых людей, которые были обучены латыни и праву. Хотя Златоуст, возможно, имел в виду обучение, доступное как в Антиохии или Константинополе, так и в Бейруте, очевидно, что такие выгоды заставили бы амбициозных молодых людей посещать юридические школы именно в Бейруте.

Реальное влияние, открывавшееся тому, кто практиковал латынь, «язык римлян», раскрывается в проповеди IV в. Иоанна Златоуста, в которой описываются награды за усердие в учебе: «Когда родители призывают своих детей изучать риторику, все, что они говорят, это такие слова: «Некий человек с низким имуществом, рожденный от скромных родителей, после достижения власти, исходящей от риторики, достиг высших должностей, получил большое богатство, женился на богатой женщине, построил великолепный дом, и все его опасаются и уважают». А ещё говорят: «Некий человек, изучив латынь, стал прославленным на службе императора, и он управляет и ведаёт всеми внутренними делами»¹.

Очевидно, что студентами, которые приезжали в Бейрут для обучения, двигало стремление к социальному и политическому продвижению. Статус «враждебного свидетеля» Либания усиливал вес его показаний относительно вознаграждения, ожидающего тех учеников, которые овладели латынью, языком права и всей подноготной имперской бюрократии: «И, кроме того, вас могут упрекнуть по следующим основаниям. Каждую весну вы видите сыновей нынешнего или прошлого, членов совета, отплывающих в Бейрут или в Рим, и вы не сердитесь или не раздражаетесь, и не ищете аудиенции у губернаторов и не жалуетесь, как должны. Но кто такой недалёкий, такой болван или простак, что не может понять, что сулит им их путешествие? Это не связано ни с требованием правосудия, ни с избеганием непреднамеренного нарушения законов, ради которого они отплыли в Финикию, и они не отправляются в другое место, чтобы помочь Совету своим владением обоих языков; их забота заключается в том, чтобы получить юридическую или языковую квалификацию в качестве способа оставить членство в совете. И они не были обмануты в своих устремлениях. Мы знаем, каков должен быть их статус, и каков он сейчас»².

Эти студенты, которые происходили из куриального класса, были заинтересованы в «повышении» своего статуса, получив мандаты

¹ John Chrysostom, *Adversus oppugn. Vitae monasticae* III.5 in PG 47.357; translated in D.G. Hunter (1988), pp. 134–5; *Trahman* (1942) 70.

² Libanius, *Opera* (Foerster ed.) vol. 3, pp. 438–9, *Oratio* 48.22, *Libanii oratio ad Senatam Antiochum*; translated by Norman (1977) 2:438–41.

на имперские бюрократические должности. Либаний оплакивал потерю студентов, изучавших латынь, оставивших традиционную учебную программу греческой риторики. «Более того, что касается моих исследований, они уже лишились своей позиции из-за латыни еще больше, чем раньше, так что я боюсь, что они вскоре могут быть полностью заменены правом. Это ещё не закон или указ, которые приведут к такому исходу, но почёт и власть ожидают тех, кто знаком с латынью»¹.

Уровень возможностей наиболее ярко проявляется в следующей речи, в которой Либаний утверждает, что обучение законам было доступно для сыновей ремесленников. Хотя его намерение заключалось в том, чтобы противопоставить «рабочий класс» студентов, направляющихся в Бейрут, «куриальному классу» студентов, проживающих в Антиохии, антиохийский оратор заявил, что юридические школы были открыты для молодых людей из разных слоев общества. «На самом деле, с одной стороны, можно было увидеть юношей из мастерских [*apo ton ergasterion neous*, ремесленников], которые обеспечены средствами, едва достаточными для существования, уезжающих в Финикию, чтобы изучить законы. С другой стороны, те молодые люди из богатых домов, которые отличались родословной, имуществом и отцами, которые выполняли свои куриальные обязанности, продолжают обучение у нас»².

Возможно, самое интересное из писем Либания к губернатору Финикии показывает легкость, с которой молодой ученик мог выскользнуть из порта Антиохии и отправиться на корабле в Бейрут, город, который кажется более привлекательным, чем его родной (Ep. 1375 (= W1435), p. 657-8). Хотя отец Олимпий, ритор из Антиохии, позволил своему старшему сыну Гермогену изучать закон в Берите в 363 г., Либаний пишет Гайану, нынешнему правителю Финикии, и требует, чтобы он возвратил младшего брата, который ускользнул, даже если он будет умолять или говорить, как сильно ему нравится город Бейрут. Хотя этот Олимпий не был тем же оратором, что и Олимпий, который был самым близким другом Либания³, письмо, по видимому, было написано действительно искренне. Это письмо, среди многих других, раскрывает властный тон, который Либаний мог выработать в своих отношениях с правительственными чиновниками Фи-

¹ Libanius, *Autobiography* 234; *Norman* translation (1992) 1:291.

² Libanius, *Oratio* 62.21, Foerster ed., vol. 4, p. 356. Обсуждение и французский перевод *Collinet* (1925) 37–8. Перевод ср. с *Norman* (2000) 95.

³ Близкий друг Либания – Олимпий 3 (PLRE) который был бездетным сенатором и братом епископа. Он был риторику и, возможно, служил адвокатом (юристом). Этот Олимпий из письма – Олимпий 8 (PLRE). Устное сообщение Wolf Liebeschuetz, май 2001.

никии¹. Известно, что старший брат Гермоген продолжил обучение, чтобы в 365 г. стать ассистентом для некоего Домнина, который был правителем неизвестной провинции².

«Гайану. Ты знаешь Олимпия, ритора, который является моим соотечественником, очень одарён в говорении и ходатайстве о больших делах, который всегда уважал справедливость. Его сын – Феодот, [который], я бы сказал, не лучше отца, но, возможно, не хуже. Воистину, я говорю это, не сравнивая таланты, которые он имеет сейчас, но противопоставляя качества Феодота тем, что имел Олимпий, когда был того же возраста, что и Феодот. Конечно, те работы (риторические произведения), которые ежедневно писал сын, были приятны его отцу. Ибо они были именно такими, чтобы возбуждать аплодисменты среди наиболее образованных из нас, о ком бы вы ни подумали [намёк Либания на самого себя]. И поэтому, пока мы обсуждали, должен ли он посвятить свои усилия искусству красноречия или же рассматриванию дел, Олимпий напомнил мальчику о книге, которую он потерял, доверив её никчёмным людям, как если бы они были хорошими людьми³. Отец был возмущен до такой степени, что он бранил своего сына. По правде говоря, ничего более сурового, чем это не произошло. Ибо человек он очень мягкий по отношению к своим членам семьи, и не одобряет, если кто-то слишком суров к его сыновьям. Для Феодота, напротив, это было легкое [наказание], оно казалось довольно суровым из-за привычной приветливости отца. И будто бы отец сделал с ним то, что мы слышали, Аминтор сделал с Фениксом; сын отправился в порт и, найдя там корабль, теперь пребывает с тобой. В самом деле, необходимо, чтобы ты вернул его к нам, независимо от того, желает ли он сам (или должен) быть принужден. Воистину, твой долг – заставить его вернуться, потому что неправильно, чтобы сыновья были высокомерны к своим отцам. Восхваляет ли он изучение законов или говорит, что любит Бейрут или изливает слезы, или говорит что-нибудь еще, не позволяй ему убеждать тебя расстроить усилия его отца, который после того, как он посвятил Гермогена, старшего сына, изучению законов, желает, чтобы младший обучался ораторскому искусству. Посылай, таким образом, молодого человека к нам, прежде чем он растратит

¹ Libanius, Ep. 1375 F [=W1435, pp. 657–8]. *Collinet*(1925) 88. *Liebeschuetz*, 243–4, описывает этого студента как беглеца. См. *Domninus II in Seck*, p. 124.

² Libanius, Ep. 1375. *Collinet* (1925) 88. *Liebeschuetz*, 243–4, описывает этого студента как беглеца. См. *Domninus II in Seck* (1966) 124.

³ *Norman* (1960), *Cagnat* (1906).

то, чем овладел¹, и, таким образом, угодишь городу, возлюбленному тобой, утешив Бейрут тем, что он уже получил и будет иметь от тебя². Действительно, отец не будет вершить суд над Феодотом, и не потребует от него оправдания своему плаванию; но он будет смотреть на него теми же глазами, с которыми он смотрел на него до этого преплечения»³.

Самоопределение студентов-юристов и их преподавателей

Понимание себя как изучающих право студентов и будущих юристов было важно для обучения молодых людей в их становлении *scholastici* в Бейруте. Захария, рассказчик, пересказывает разговор между ним и Севером.

«Затем Север обещал сделать и соблюсти [эти заповеди]. «Только, – сказал он, – вы не сделаете меня монахом. Потому что я студент-юрист, и я очень люблю закон. Теперь, если вы хотите сказать что-нибудь еще, говорите». Я был счастлив, и я сказал: «Я приехал в этот город для изучения закона и философии, ибо я прилежен в юридическом ремесле. Но поскольку вы обеспокоены своим спасением, то теперь у меня есть обязательство, не пренебрегать законом, но достичь для нас знания риторики, философии, а также знания священных писаний и богословия. «Что это?» – сказал он. «Ибо вы сделали серьёзное и решительное обещание, если возможно, не пренебрегать юридическими учениями, но, в то же время, получить эти другие великие дары, и в особенности этот [христианство], что является самым важным из них». [Я ответил:] «Мы читаем законы, как я уже говорил, всю неделю, кроме воскресенья и субботы. Мы дополним юридические лекции учителей и читаем их в другие дни, а затем отдыхаем в течение полудня до воскресенья, в тот день, когда закон *politieia* приказывает нам славить Бога»⁴.

В начале своего обучения в Берите Север и Захария идентифицировали себя, прежде всего, как студентов-юристов и будущих юристов. Их самоопределение изменилось в сторону религиозных аскетов в ходе их обучения там.

¹ Liebeschuetz предполагает, что это относится к риторическим навыкам, которые он приобрел в Антиохии [устное сообщение, май 2001], но я думаю, что это может означать и некоторые сбережения, которые имелись у молодого человека.

² Liebeschuetz предположил, что город является Антиохией с идеей, что он был любим Гайаном, так как он был там ассистентом. Поэтому смысл предложения: «Антиохия, родной город Феодота, будет рад возвращению молодого человека, и Бейрут утешится потерей молодого человека по льготам, которые получал и будет получать от губернатора» [устное сообщение, май 2001].

³ Мой перевод, с предположениями Wolf Liebeschuetz.

⁴ Young (1990) 321–2, translating Vie de Sévère 52–3.

Тем не менее, ожидание того, что другие люди, даже епископ города или духовенство церквей, исполнит их просьбы или требования, говорит о самоуверенности высших классов. Хотя Север и Захария обычно молились в Церкви Богородицы¹, они посещали церковь Святого Иуды с определенной целью – возможность брать книги у кое-кого из духовенства там. Эти книги, похоже, были его собственными, приобретёнными для личного чтения. Тем не менее, студенты казались уверенными в том, что их просьба будет удовлетворена Иоанном *Eudranes*, который был описан как «человек, который после изучения закона занялся «философской» (религиозной) жизнью². Он стал полезным для студентов-юристов города как в силу своей морали, так и через христианские книги, которыми он владел и одалживал³.

Латынь, языки коренных народов и культурная самобытность

Студенты продолжали приезжать в Бейрут на протяжении VI в. Когда Иоанн Лид жаловался на утрату латыни, и винил в этом общее падение устоев, на самом деле, он мог оказаться вполне правым. Тем не менее, сетования Лида по поводу утраты латыни очень пронизательно были описаны на греческом языке, так чтобы его предполагаемая аудитория в Константинополе смогла это прочесть⁴.

Подобно тому, как латинский язык был языком особого использования с высоким статусом, статус греческого языка был посредственным, но имел широкое распространение на греческом Востоке.

Кроме того, сирийский язык набирал популярность и повышал свой статус. В частности, когда гимны Ефрема показали художественные возможности сирийского, этот язык заметно распространился. На сирийский было переведено Священное Писание, а также многие из житий святых.

Постепенно придя к осознанию того, что сирийский может распространиться и на другие сферы, появился сиро-римский свод законов⁵. Точный характер текста, датированного V веком или ранее, неясен. Законы касаются проблем семейного права, рабовладения и

¹ «...каждый день мы ходили в церковь [Богородицы] для вечерних молитв.» *Young* (1990) 322 перевод *Vie de Sévère* 54.

² Это намёк на монашеский образ жизни.

³ *Trombley* (1993) 2:38, translating *Vie de Sévère* 63–4.

⁴ *John Lydus*, *On Powers* 2.12; *Bandy* translation 100–3.

⁵ *Vööbus* (1982) приводит текст и перевод. До публикации текста и перевода, *Vööbus* (1973) и (1975) выразил некоторые представления о характере самого текста, который, по его мнению, повлиял на исламское право посредством перевода на сирийский, арабский и армянский языки. См. *Crone* (1987) об отношении римского, провинциального и исламского права.

права наследования. Возможно, книга является записями лекций студента из Бейрута, или содержит вступающие в силу указания для церковного суда.

Ключевой проблемой является повышение статуса регионально-го языка, поскольку он стал средством передачи религиозных писаний и правовых норм. Такое уважение к региональному языку говорит об основательных переменах на греческом Востоке¹.

Религия, закон и позднеантичное построение личности

Многие выпускники юридической школы, являвшиеся продуктом Бейрута, сменили свою роль законника на роль религиозного деятеля. Север, чья биография во многом повествует о жизни студентов юридической школы в Бейруте, это яркий пример такой перемены, как и сам его биограф Захария Митиленский². Многие церковные историки имеют прозвище *Scholasticus*, добавленное к их именам. Даже прозвище Иоанна Малалы в переводе с сирийского означало адвокат (оратор)³.

Таким образом, есть два итога этого смешения религиозной практики и юридической подготовки⁴. Закон начинал больше интересоваться вопросами религии. Вступление к кодификации законов Юстиниана указывает на его религиозный интерес при составлении законов⁵. «Управляя от имени Господа нашей Империей, которая была дана нам Небесным Величеством, мы одинаково успешно ведём войны и устраиваем достойный мир, и мы поддерживаем такое состояние государства. Мы также возносим наш разум к помощи всемогущего Бога, поскольку не доверяем его оружию или нашим солдатам, нашим военачальникам или нашим собственным талантам, но мы возлагаем все наши надежды на провидение одной лишь Верховной Троицы, от которой исходят основы всего мира и по её промыслу расположены они во вселенной»⁶.

¹ Brock (1975), (1977), (1982), (1984).

² Brooks (1904).

³ См. Chesnut (1986) на фоне Созомена и Сократа, которые называют себя *scholasticus*, «адвокатами», и Jeffreys, Croke, Scott (1990) об изучении Иоанна Малалы.

⁴ См. P. Brown (1992) о связи власти и убеждения, что и является методом обучения в риторике.

⁵ Юридический курс в Бейруте в Dig. const. Omnem; преподавание права ограничилось Римом, Константинополем и Бейрутом в Dig. const. Omnem 7. См. A.H.M. Jones (1964) 999, note 33.

⁶ De Conceptione Digestorum I. Латинский текст и перевод на английский у Mommsen, Krueger, Watson (1985) xlvi s.v. The Composition of the Digest.

Религия нашла свой язык, который был языком закона. Другими словами, юридическая подготовка давала религиозным лидерам инструменты оратора – оформление обвинения, представление доказательств, призыв к милосердию или осуждение, назначение наказания. Такие инструменты подобно служителям закона использовались неумолимо, выдвигая анафемы и контранафемы в ходе церковной полемики. Даже чтение протоколов совета напоминает чтение судебного дела¹.

Подтверждение статуса Бейрута империей

Привилегированное положение Бейрута было подтверждено во введении к *Дигестам* (датированным 533 г.): «Мы желаем, чтобы эти три работы², которые мы составили, были переданы студентам, как это предписано сейчас и предыдущими императорами, только в имперских городах³ и в превосходнейшей *civitas* Бейрута, которую вполне можно назвать кормилицей закона, и ни в каких других местах, которые не получили такой привилегии от наших предшественников. Мы говорим об этом, потому что слышали, что даже в великолепнейшей *civitas* Александрии, а также в Кесарии и других, есть необразованные люди, которые ведут самовольные курсы и прививают своим ученикам ложную образованность; мы предупреждаем их об этих тщаниях под угрозой того, что, если они посмеют совершить такие поступки в будущем и действовать таким образом вне имперских городов или на территории метрополии города Бейрута, они будут наказаны штрафом в десять фунтов золота, а также будут изгнаны из *civitas*, в которой они совершают преступление против закона вместо того, чтобы преподавать его»⁴.

Конкретные доказательства растворения классического права, возможно, из самого Бейрута, исходят из юридических текстов, напи-

¹ *Gaudemet* (1983); *Greatrex* (2001); *Harries* (1986); *Lim* (1995).

² Дигесты, Институции, Кодекс Юстиниана.

³ Рим и Константинополь.

⁴ *Haec autem tria volumina a nobis composita tradi eis tam in regiis civitatibus quam in Berytiensium pulcherrima civitate, quam et legume nutricem bene quis appellet, tantummodo volumus, quod iam et a retro principibus constitutum est, et non in aliis locis quae a maioribus tale non meruerint privilegium; quia audivimus etiam in Alexandria splendissima civitate et in Caesariensium et in aliis quosdam imperitos homines devagare et doctrinam discipulis adulterinam tradere; quos sub hac interminatione ab hoc conamine repellimus, ut, si ausi fuerint in posterum hoc perpetrare et extra urbes regias et Berytiensium metropolim hoc facere, denarum librarum auri poena plectantur et reiciantur ab ea civitate, in qua leges docent, sed in leges committunt. Digest Constitutio Omnis 7. Latin text and English translation in Mommsen, Krueger, and Watson (1985) liii, s.v. The Whole Body of Law.*

санных в отличительном восточном стиле, так что Бишофф предположил, что они были копиями кодексов, сделанных в Бейруте ещё до кодификации *Кодекса Юстиниана*.

Они могут представлять собой рабочие тексты для юристов, профессоров и студентов, или могут быть имперскими копиями для распространения в других местах.

Во всяком случае, юридические школы Бейрута подтвердили приверженность римскому образу империи, сохранив как язык права, так и строгую подготовку к нему.

Школы способствовали самоопределению в профессии, политической лояльности и карьерному продвижению как в церкви, так и на государственной службе.

Образование в римском Бейруте

В Бейруте, как римской колонии, сохранение обучения в традициях латинского языка и литературы, по-видимому, было приоритетным, возможно, из-за числа римских ветеранов, которые там поселились¹. По всей видимости, они создали атмосферу, в которой увековечили римский образ жизни, о чем свидетельствует количество сохранившихся там латинских надписей².

Сильная история *Phoenissa Dido* (финикиянки Дидоны) в «Энеиде», которая приняла великого римского героя Энея в Карфагене, всегда была частью канона лучших латинских текстов. Однако, история правителя Тира, который превосходил римлян в добродетелях, должна была оказать особое эмоциональное влияние не только в Тире и Сидоне, но и в соседнем Бейруте³. Студенты в городе, населенном потомками ветеранов битвы при Акциуме⁴, должны были найти эту историю вдвойне интересной.

Один из этих бейрутских читателей Вергилия, Марк Валерий Проб, стал уважаемым комментатором «Энеиды». Светоний рассказывает нам: «Марк Валерий Проб, из Бейрута, долго пытался добиться-

¹ См. *L.J. Hall* (1999), (2001–2), и (2003).

² *Marrou* (1956); *Dihle* (1994); *C.H. Moore* (1924); см. *Wright* (1993) пример иллюстрированного издания *Aeneid*.

³ О локальном варианте отождествления с Дидоной, см. *Hexter* (1992). Об эмоциональном воздействии на читателя, такого как Августин, см. *MacCormack* (1998) 89–100 и *Desmond* (1993). Влияние Вергилия даже было обнаружено в *Geoponika*, сельскохозяйственном справочнике, приписываемом, в конечном счете, Винданию Анатолию из Бейрута IV века; см. *Rodgers* (1978).

⁴ См. *Baldwin* (1976) 361–8 (1982b) 81–92; и (1985) 237–41 об изучении Энеиды на греческом Востоке. См. *Dihle* (1994) об общем обзоре изучения греческой и латинской литературы в древности, вплоть до времени Юстиниана.

ся должности центуриона, но, наконец, сдался с отвращением и посвятил себя наукам. Поскольку он ранее читал определённые старые книги с *grammatista* в провинции, где память о древних писателях была еще жива и еще не прошла полностью, как это было в Риме ... он оставил после себя обильный опыт наблюдений за древним словопотреблением»¹.

Хотя Проб создал свою работу в Риме, кажется вероятным, что она появилась благодаря одному из первоначальных колонистов-ветеранов Бейрута, от которого он, возможно, унаследовал не только интерес к римской военной службе и классическим текстам, но и его знание древних форм латинского языка². Репутация Проба среди эрудитов была такой, что Иероним позже описал его как «самого образованного из всех ученых в Риме»³.

Непонятно, как появилась традиция юридического обучения в Бейруте, возможно, она связана с литературной школой, которая, похоже, здесь процветала там. Ненгу MacAdam предположил, что юридическое обучение появилось здесь уже во времена Адриана⁴. Однако только в эпоху династии Северов мы начинаем получать свидетельства о студентах-юристах в Бейруте. Также известно, что Северы проявили интерес к изданию законов и привлечению известных юристов⁵.

Было высказано предположение о том, что изначально юридическая школа находилась в Тире во времена династии Северов, но со временем школа в Бейруте опередила школу Тира и заработала себе более высокую репутацию, так что к III столетию она была хорошо известна как юридическая школа Бейрута.

Преподаватели III и IV веков

Гай был известным профессором права, который читал лекции в 160/1 г. и был все еще жив в 178 г. Нопогé предполагает, что Гай получил образование в Риме, но работал и преподавал на Востоке, возможно, в Бейруте. Однако, поскольку Ульпиану не известна его работа, я считаю это предположение сомнительным. Рукопись его лекций V в.,

¹ 'M. Valerius Probus, Berytius, diu centuriatum petit, donec taedio ad studia se contulit. Legerat in provinciam quosdam veteres libellos apud grammatistam, durante adhuc ibi antiquorum memoria necdum omnino abolita sicut Romae... reliquit autem non mediocrem silvam observationum sermonis antiqui.' *Kaster* (1995) 28–9.

² *Kaster* (1995) 242–69; *Millar* (1990) 16.

³ 'Probus Berytius eruditissimus grammaticorum Romae agnoscitur.' Jerome (Hieronymus), *Chronicon* s.a. 2072=AD 56. *Kaster* (1995) 243.

⁴ *MacAdam* (2001), (2001–2).

⁵ *Honoré* (1962b), (1982); *Garnsey* (1967); *W. Williams* (1974); *Westerman and Schiller* (1954).

Institutes, сохранилась как самая важная юридическая работа периода Принципата: 521 её отрывок был процитирован кодификаторами Кодекса Юстиниана. После того, как его работа стала известна в Риме, он должен был цитироваться в *Lex Citationum*, наряду с Ульпианом (Ulpian), Папинианом, Павлом, Ульпианом (Ulpianus) и Модестином¹.

Домиций Ульпиан, обычно упоминающийся как Ульпиан, был родом из Тиры. Он начал писать рескрипты для Септимия Севера с 202 и по 209 гг. Он также работал при Каракалле, но, в конце концов, был убит преторианцами в 223 г. Его работа включает в себя две пятых *Digest* Юстиниана благодаря *Lex Citationum* в 426 г.²

Студенты в Бейруте в III веке

Григория Чудотворца (приблизительно с 213 по 275 гг.), судя по всему, можно считать самым ранним задокументированным студентом-юристом, связанным с Бейрутом. Недавно Fergus Millar обратил внимание на личную запись о первоначальном знакомстве Григория с латынью от своего наставника в его родной провинции. Кажется, что он здесь имеет в виду своего рода ангела-хранителя, который двигал его интерес к дальнейшему обучению, особенно в области изучения права: «Мой божественный педагог и истинный опекун, будучи неумолимым, хотя ни моя семья не задумывалась над этой идеей, ни у меня самого не было импульса, вдохновил одного из моих учителей, которому, так или иначе, поручили преподавать мне латинский язык (не с целью, чтобы я достиг высокого уровня, но чтобы я не был полностью несведущ в этом языке, – и он оказался невостребованным в законах). Поместив эту идею в мою голову (мой божественный опекун) побудил меня через него тщательно изучить римские законы ... (Мой учитель) также добавил замечание, которое в моем случае оказалось самым верным: изучение законов станет для меня самой ценной из *оплат путешествия* (поскольку именно это слово он использовал), не важно, стану ли я одним из риториков, которые сражаются в суде, или буду следовать иному образу жизни»³.

Григорий и его брат Афинодор отправились из Неокесарии в Понте (ранее Кабира, совр. Никсар), с намерением изучить закон в Бейруте в 230-х гг.⁴ Затем Григорий продолжил обучение в Газе с

¹ Gaius (2)=(RE 2), 2), OCD3, p. 620. *Honoré* (1962a).

² Domitius (RE 88) Ulpianus, OCD3, p. 493. *Honoré* (1982).

³ *Millar* (1999b), 106–7, перевод *Address* Григория, 5.57–61, текст под редакцией *Crouzel* (1969).

⁴ Greg. Thaumaturg., *Panegyricus in Origenem*, PG 10.1065–6; *Crouzel*, ed., (1969); *Millar* (1990) 16, note 42.

Оригеном и впоследствии вернулся в Неокесарию. В Понте он стал епископом.

Иероним, Сократ Схоластик и Кассиодор упоминают о желании Григория изучать закон в Бейруте¹. Они дают понять, что Бейрут считался самым известным местом для изучения права в Поздней античности и конкурировал с Газой. В середине III века Газа воспринималась больше как христианский город².

Вот описание Иеронимом одного перспективного молодого ученика: «Феодор, впоследствии названный Григорием, епископом Неокесарии в Понте, еще будучи молодым человеком, вместе со своим братом Афинодором, отправился из Каппадокии в Бейрут, а оттуда в Кесарию в Палестину изучать греческую и латинскую литературу. Когда Ориген увидел выдающиеся природные способности этих людей, он призвал их изучать философию, в учении которой он постепенно подводил их к вопросу веры во Христа, и так сделал их своими последователями. Итак, обученные им в течение пяти лет, они были отправлены обратно к их матери. Феодор, при отъезде, написал Оригену в благодарность панегирик, и представил его перед большим собранием, в присутствии самого Оригена. Этот панегирик существует до сих пор. Он также написал короткий, но очень ценный парафраз *On Ecclesiastes*, и в настоящей записи говорится о других посланиях его, но особенно о знамениях и чудесах, которые как епископ он совершил во славу церкви»³.

Север (286–293 гг.) и его коллеги-юристы из провинции Аравии известны нам из эдикта Диоклетиана и Максимиана, который сохранился в Кодексе Юстиниана⁴. Поскольку постановление оставалось в силе более трех веков, оно, по всей видимости, со временем не утратило актуальности. Некоторые молодые люди, которые приезжали в Бейрут для изучения права, находились в правовом вакууме, относительно куриальных обязанностей в местах своего происхождения. Необходимость разъяснения гражданских обязанностей таких учеников указывает на типичный класс, из которого они происходи-

¹ *Collinet* (1925) 27, предполагает, что Григорий Чудотворец на самом деле обучался в Газе, основываясь на отрывке его панегирика Оригену. Однако, *John F. Matthews*, OCD3, s.v. 'Greg. (4) Thaumaturgus,' согласен с тем, что он обучался в Бейруте. Об Иерониме, см. ниже. *Socrates Scholasticus*, HE 1.4.27, in PG 67.535–6. *Cassiodorus*, Hist. Tripartita, 8.8, in PL 69.1116.

² См. *G. Downey* (1963) об изучении Газы в поздней античности.

³ *Hieronymus*, De Viris Illustribus Liber, caput LXV (Teubner edition); также в PL 23.675–6. Перевод *Fremantle*, в A Select Library of Nicene and Post-Nicene Fathers of the Christian Church, vol. 3, p. 379.

⁴ PLRE I, Severinus I.

ли в то время. В этом же рескрипте Диоклетиан ясно заявляет, что студенты в Бейруте должны завершить учебу до двадцати пяти лет, а затем должны ожидать, что их могут отозвать в свои родные провинции, чтобы они несли ответственность за *munera*. «Поскольку вы утверждаете, что уделяете внимание свободным искусствам, особенно связанным с профессией закона, оставаясь в *civitas* Бейрута провинции Финикия [*in civitate Berytiorum provinciae Phoenices*], мы постановляем, что будет предусмотрено для общественной пользы и для нашей надежды, чтобы учащиеся не были отозваны с учебы до их двадцатипятилетнего возраста»¹.

Соответствующим рескриптом, изданным Александром Севером (цитируя *epistula* Адриана), было дано четкое постановление о том, что место жительства в городе на время обучения не заменяло родной город, которому были положены *munera*². Таким образом, эти студенты могли быть освобождены в некоторых случаях от курialesных обязанностей в Бейруте, если только Бейрут не был городом рождения их отца³. Однако, похоже, что при некоторых обстоятельствах, студенты из малых городов могли быть вынуждены взять на себя обязанности *decuriones*, пока они были студентами в более крупном городе. Преподаватели того или иного рода оказывались освобожденными от курialesных обязанностей⁴.

Памфил (ок. 240/250–309 гг.) родился в Бейруте и получил там образование. Хотя нет доказательств, что он там изучал закон, совершенно точно, что он следовал тщательному курсу обучения. Впоследствии он основал в Кесарии Палестинской школу и создал важную библиотеку из 30 000 томов. Он был панегиристом Оригена и был отмечен Евсевием, который записал его смерть как мученическую при императоре Максимиане в 309 г.⁵ «Он был, кроме того, из города Бейрут, где он провел ранние годы своей юности в занятиях в гимназии. После того, как он достиг зрелости, он посвятил себя изучению священной литературы»⁶.

¹ Cod. Just. 10.50.1. Imp. Diocletianus et Maximianus AA. Severino et ceteris scholasticis Arabiis. Обсуждение у Millar (1990) 17. Мой перевод.

² Cod. Just. 10.39.2 Перевод и комментарии у Millar (1983a) 81.

³ Cod. Just. 10.39–3. Imp. Philippus a. Patroclo. Обсуждение *domicilium* и *origo* как технических терминов у Millar (1983) 80.

⁴ Dig. 27.1.6.8. Процитировано, переведено и прокомментировано у Millar (1983a) 78. См. также Cod. Theod. 13.3.1; 13.3.16.

⁵ Eusebius, De martyribus Palaestinae 11; также в AAS 1 June, vol. 1, pp. 62–4; и Anal. Bolland. 16 (1897), pp. 129–39. Collinet (1925) 28.

⁶ Anal. Bolland. 16 (1897), p. 133; см. также AAS 1 June, vol. 1, p. 64. Латинский перевод в PG 20.1500. Collinet (1925) 28.

Аппиан и Эдесий были братьями, которые приехали в Бейрут, чтобы учиться. По повелению своего отца, который желал лучшего образования для своих сыновей, братья покинули свой дом в Ликийской Паге. Эдесий изучал философию, Аппиан же посвятил себя риторике, а затем освоил римское право. Они были обращены в христианство своими сокурсниками в Бейруте. Впоследствии оба были замучены – Аппиан в Кесарии, а Эдесий в Александрии. Их истории описаны Евсевием в его *Палестинских мучениках*¹.

Студенты в IV веке

Неизвестный ученик из Киликии был увековечен в записанной на папирусе эпитафии (возможно, IV в.). Он был описан как тот, кто отправился в Бейрут ради «римской музыки и законов»².

Аркадий и Иоанн Константинопольские происходили из сенаторской константинопольской семьи времён Константина³. Они отправились в Бейрут, чтобы изучить там закон, согласно *Vita Sancti Xenophontis*. Ранее они изучали греческий язык, философию и риторику⁴.

Другой известный студент из Бейрута также освоил как греческий, так и латинский языки на очень высоком уровне. По словам Созомена, Трифилий, епископ Ледры на Кипре⁵, возмущал Спиридиона, епископа Тримифунта на Кипре (умер в 348 г.), из-за его «аттицизма» и отказа говорить по-гречески на языке евангелистов. Трифилий изучал в Бейруте закон, ещё будучи молодым человеком. Он описывается так: Трифилий, епископ Ледры, ученый, который остался в городе Бейруте для изучения законов⁶.

Карьера многих важных лиц в Поздней античности начиналась с юридического образования в Бейруте. Карьера одного из наиболее известных выпускников юридической школы могла сулить будущие перспективы.

Анатолий, префект Иллирика в правление Юлиана, был уроженцем Бейрута, который поднялся по карьерной лестнице и был вы-

¹ Eusebius, De martyribus Palestinae 4.3,5, in Anal. Bolland. 16 (1897), pp. 122–7. *Collinet* (1925) 28–9. *Jidejian* (1997) 132.

² Текст приведён по *Gilliam* (1974) 147–50. См. также SEG 26, 1456, со ссылками на литературу и обсуждение у *Millar* (1990) 17, note. 43.

³ *Jidejian* (1997) 137, относит их к V веку.

⁴ *Vita et Res Gestae Sancti Xenophontis, et filiorum eius Joannis et Arcadii*. Acta Sanctorum Januarius III (1863) 338–45.

⁵ Ледра – совр. Никосия (прим. *ред.*).

⁶ Sozomen, HE, in PG 67. 887–9. *Collinet* (1925) 32, note 2.

соко оценен за свою непреклонность и заботу о правительстве в его префектуре¹. Его собственный город мог не оценить его вклад в *curia*, но, несомненно, империя только выиграла от его службы в более широком смысле. Анатолий привнёс в имперскую службу все качества, которыми восхищались в куриальных классах: прекрасная риторическая подготовка², что было засвидетельствовано в его «ораторском соревновании» в Афинах (описанных в последующем отрывке) и желание добиться славы политической службой в Риме. Следует отметить, что признание в Афинах и в Риме по-прежнему было индикатором успеха для сирийца в этот конкретный период.

«Теперь в эти дни толпа при императорском дворе произвела человека, страстно желавшего одинаково и славы, и красноречия. Он приехал из города Бейрут и звался Анатолий³. Те, кто завидовал ему, прозвали его Азутрион⁴, и что это имя означало, я оставлю на совесть этой жалкой кучки фигляров! Но Анатолий, который желал славы и красноречия, достиг и того, и другого. Сначала он заработал наивысшее отличие в том, что называется наукой о праве, что было естественно, поскольку его родным городом был Бейрут, кормилица всех подобных учений. Затем он отправился в Рим, где он, поскольку его мудрость и навык красноречия были им развиты, получил место при дворе. Там он вскоре получил наивысший титул, и после того, как он побывал на каждой из высоких должностей и завоевал там высокую репутацию (и даже его враги восхищались им), он, наконец, достиг звания префекта претория, магистрат которого, несмотря на отсутствие имперского пурпура, исполнял имперскую власть. Теперь он достиг всего, чего желал в соответствии со своими возвышенными амбициями (поскольку район, называемый Иллириком, был назначен ему)»⁵.

Таким образом, выдающийся гражданин Бейрута, который, несомненно, был выходцем из куриального класса, о чем свидетель-

¹ Amm. Marc. 19.11.2 восхваляет службу Анатолия при Юлиане и его сочувственное управление Иллириком.

² Гимерий адресует Eclog. 32 Анатолию, который посещал Афины около 345 г., Wright p. 498, note 1; Eunapius, Vitae Sophistarum 490.

³ Кажется совершенно очевидным, что имена в этот период выбирались как для подчёркивания качеств, так и для обозначения семейной связи; Salway (1994) 136–7. Возможно выбор имени Анатолий ('Восточный') был связан со стереотипом, отраженным в замечании Геродиана: «он был из сирийцев, а восточники довольно остроумны», Herodian 3.2.8; Перевод Whittaker 1:336–7.

⁴ Wright p. 498, note 2, в его переводе Eunapius, Vitae Sophistarum 490, не находит объяснения этого слова.

⁵ Eunapius, Vitae Sophistarum 490; Перевод Wright, pp. 499–501.

ствует его образование и дружба с таким человеком, как Либаний¹, не посвятил себя полностью политической карьере в курии своего города или даже в собственной провинции, но добрался до власти в качестве префекта претория одной из четырех префектур империи².

Преподаватели IV века

Некоторые из преподавателей, как оказалось, были очень хорошо обучены греческому языку и философии, например, такие как Аполлинарий (ок. 310–390 гг.), который какое-то время преподавал в Бейруте³. «В Лаодикее в Сирии были отец и сын, обоих звали Аполлинарий, первый из которых был пресвитером, а второй – чтецом в этой же Церкви. Оба обучали греческой литературе, отец грамматике, а сын риторике. Старший из них был уроженцем Александрии и сначала преподавал в Бейруте, а затем переехал в Лаодикею, где женился, и там родился младший Аполлинарий. Софист Эпифаний был их современником, с которым они были близко знакомы»⁴.

Аполлинарий стал епископом Лаодикее, его родного города, начиная с 360 г. Будучи другом Афанасия, он написал трактат против Ария и Диодора Тарского. Он усовершенствовал христологию, которая подчеркивала божественный элемент Христа. Ему пророчили стать преемником Афанасия; но когда он вступил в полемику с Василием Великим, его учения были осуждены на Константинопольском Соборе в 381 г. Он был назван предвестником монофизитства и еретиком, чьи работы были уничтожены или сохранены под путанными именами. Он был известен подражанием классическим греческим авторам в своих религиозных писаниях. Он стремился заменить Гомера работой в 24 частях, которая охватывала историю евреев от Сотворения до царствования Саула⁵. Он также подражал Пиндару, Еврипиду и Менандру в сочинениях на темы Священного Писания. Он также писал гимны для церковных служб, и песни, восхваляющие Бога, которые исполняются на работе и за игрой⁶. Он также пересказал Новый Завет в форме платоновских диалогов, ни один из которых не сохранился⁷.

¹ Переписка Анатолия с Либанием демонстрируют шутивную фамильярность между интеллектуальными сверстниками; *Liebeschuetz* (1972) 20.

² Gallia, Italy, Illyricum, и Oriens. *A.H.M. Jones* (1964) 373, на основе *Notitia Dignitatum*.

³ *Socrates*, HE 2.46, 3.16; ODB, s.v. 'Apollinaris'. Аполлинарий жил в Бейруте и прославился тем, что он переложил Евангелие на классический метр, а также за свои еретические взгляды.

⁴ Английский перевод (1904) 165.

⁵ *Sozomen*, HE 5.18.3–4.

⁶ *Sozomen*, HE 6.25.4–5.

⁷ *Socrates*, HE 3.16. *B. Baldwin, A. Kazhdan*, s.v. 'Apollinaris,' ODB.

Преподаватели IV века, известные из писем Либания

Домнин был учителем права в Бейруте, в 356–364 г. Collinet считает, что Домнин был одним из профессоров права в Бейруте в IV в.¹.

Скилакий был также преподавателем права в Бейруте в 363 г. Он был уроженцем Греции, а также язычником².

По всей видимости, Себастиан был профессором права в Бейруте в 388 г., когда Либаний написал ему, прося там помочь одному студенту³.

Студенты, известные из писем Либания

Письма Либания содержат множество информации о жизни в Бейруте, а также в Антиохии⁴. Несколько студентов в Бейруте известны по переписке Либания IV в. Некоторые из них получали прямую рекомендацию, а другие упоминались в комментариях. Во всяком случае, ясно то, что Либаний занимался со студентами в юридических школах римской колонии⁵.

Артемон Антиохийский был упомянут в письме к Домнину, профессору права в Бейруте летом 356 г. Артемону было предложено передать письмо своему профессору⁶.

Иларин Эвбейский упоминается в письме, написанном Анатолию, *consularis Phoenices*, летом 361 г. Либаний также похвалил его перед Домнином, профессором права. Именно в этом контексте Либаний ссылается на Бейрут как *ten ton pomon metera*, «мать законов»⁷.

Перегрин был одним из трех сыновей Иерия, киликийца из Тарса, который начал обучаться в школе Либания в 358 г. Либаний писал

¹ [Dominus] Domnio I (PLRE I, p. 266). Преподаватель права в Бейруте, 356–64. Domnio, Libanius Ep. 87, 209, 653, 1131; Domninus, Libanius, Ep. 117, 533, 1171, Учитель права, Либаний, Ep. 533 (356), Ep. 87, 117 (359–60), Ep. 209 (360), Ep. 653 (361), Ep. 1131, 1171, (364). Преподавал в Финикии (т. е. в Бейруте), Libanius, Ep. 653. Следующие письма были адресованы ему или упомянуты им. Учащиеся упоминаются в круглых скобках: Ep. 87 (Silvanus), Ep. 117, Ep. 209, Ep. 533 (Artemon), Ep. 653, Ep. 1171 (Apringius).

² Scylacius 2, (PLRE I). Он получил от Либания Ep. 1220 и 1431 в 363 г., Ep. 1261 и 1271 в 364, и Ep. 1336 в 365.

³ Sebastianus 3 (PLRE I)? учитель права в Бейруте, 388 г. Либаний просил его помочь студенту в письме, Ep. 912 (388 г.); письмо является одним из серии писем, отправленных в Бейрут.

⁴ Особенно об Антиохии, с некоторыми ссылками на Бейрут, см. *Pack* (1935); *Liebeschuetz* (1972); *Seeck* (1966); *Petit* (1955) и (1956); и *Norman* (2000). См. также документ Scott Bradbury, опубликованный в 2001 г., в отношении социальных связей, отраженных в письмах Либания.

⁵ Беглый взгляд на класс Либания, см. *Bonner* (1932).

⁶ Libanius, Opera, Foerster ed., Ep. 533, vol. 10, pp. 501–2; *Collinet* (1925) 87.

⁷ Libanius, Opera, Foerster ed., Ep. 652, vol. 10, p. 596. *Collinet* (1925) 88.

Иерию летом 365 г. по поводу Перегринна, который затем изучал закон в Бейруте, и утверждал, что «отличный учитель ... который толковал законы» был беден, и по этой причине просил большую плату. Далее Либаний комментирует это, говоря, что прибыль для молодого человека в будущем будет стоить настоящих затрат его отца¹.

У Collinet Скилакий указан как студент юридической школы. Его отношения с профессором с тем же именем неизвестны².

Флавиану из Вифинии было указано передать письмо Анатолию, в его консульство в Финикии, в 361 г.³

По словам Collinet⁴, Гайан Тирский, который позже был правителем Финикии, был язычником, который учился в Финикии, вероятнее всего, в Бейруте.

Гермоген Антиохийский, первый сын Олимпия, ритор Антиохии, изучал законы в Бейруте в 363 г., как показывает письмо Гайану. См. соответствующее письмо о беглом студенте⁵.

Апрингий, который, возможно, был адвокатом в Антиохии в 355–64 гг., известен нам из трех писем, которые Либаний написал от его имени с марта по апрель в 364 г.⁶

Его женой была сестра Фратерна, финикийца по происхождению, который стал сенатором в Константинополе⁷. Он происходил из куриального класса и имел хорошие связи⁸. И он, и его отец оба были адвокатами⁹, но Апрингий желал улучшить свои юридические навыки, обучаясь праву в Бейруте.

Либаний попытался заручиться поддержкой для своего бывшего ученика¹⁰, написав Марию, *consules Phoenices*. В письме Мегифию, который когда-то был адвокатом в Константинополе, но теперь устроился в Бейруте, Либаний отметил, что «все хорошие адвокаты отпра-

¹ Libanius, Opera, Foerster ed., vol. 11, Ep. 1539, p. 558. См. также Collinet (1925) 89, и Seeck (1966) 175–6.

² Collinet (1925) 86; Libanius, Ep. 1062 W.

³ Collinet (1925) 87; Libanius, Ep. 556 W or 641 (Foerster ed.).

⁴ На основе Collinet (1925) 87–8. См. Libanius Ep. 709 W=799 F.

⁵ Libanius, Ep. 1435 W (= add. 262 S); Collinet (1925) 88; См. Dominus II в Seeck (1966) 124.

⁶ PLRE I; Collinet (1925) 86–7; Jidejian (1997) 136. Когда он уже был адвокатом с опытом (Libanius, Ep. 1171), он занялся изучением права в Бейруте. Libanius, Ep. 1170, 1171, 1203 (364 AD).

⁷ В 360 году он женился на дочери Фратерна, Libanius, Ep. 150.

⁸ Декурион Антиохии, где он выполнял *choregia* до AD 360, Libanius, Ep. 150.

⁹ Апрингий был отозван в Антиохию в 355 г., чтобы там начать карьеру, а его отец уже был адвокатом, Libanius, Ep. 422.

¹⁰ Ученик Либания, Libanius, Ep. 150.

ляются в Бейрут¹». В письмах к Домнину, профессору права в городе, Либаний убеждал, что курс обучения Аpringия должен быть ускорен его будущим преподавателем: «Домнину. Таким образом, ты вдохновляешь зрелых людей подыскивать занятие для молодых. Аpringий, наш друг, после нескольких судебных разбирательств перед барьером (трибуналом/местом судьи), пришел к тебе, чтобы изучить закон, потому что только от тебя он может получить эти знания ... Попытайся сократить время учебы, чтобы он мог применить знания на практике. Я также буду просить тебя в отношении платы за учебу. Он хороший человек, но бедный, и хотя он не может сейчас заплатить достаточно, он помнит об услугах»².

Феодор, уроженец Аравии, изучал право в Бейруте, а затем риторiku в Антиохии. Он начал практиковать в качестве адвоката в Антиохии в 358 г. Он был правителем в азиатской епархии в 364–365 гг. Он был язычником и имел двух сыновей, один из которых, тоже с именем Феодор, был учеником Либания примерно в 354 г.³

Кажется очевидным, что обучение в Бейруте вполне могло привести к дальнейшему продолжению обучения и продвижению по службе в Антиохии. Примечательно, что ученики продолжали приезжать из Аравии в Финикию, и что путь к успеху при дворе лежал в этот период в этом направлении.

Есть соблазн утверждать, что юристы из Бейрута сыграли определенную роль в формировании Кодекса Феодосия, как это должно было быть и в отношении Кодекса Юстиниана, но на данный момент это недоказуемо⁴.

Бейрут в V веке

В Бейруте в середине V в. существовали явно близкие социальные и семейные связи между епископом и одним из профессоров права, потому что оба были братьями⁵. Епископ Евстафий и его брат Авк-

¹ Libanius, Ep. 1539 (Foerster ed.), p. 286, vol. 10.

² Libanius, Ep. 1171 (Foerster ed.), p. 258. Цитируется и обсуждается в *Jidejian* (1997) 136 который передаёт его имя как *Aspringius*.

³ Theodorus 11 (PLRE I), правитель (в *Asiana*) 364–5 г.; Libanius, Ep. 339, 831, 1125, 1182, 1188, 1205, 1361, 1480, 1535.

⁴ См. *Barnes* (1998) об интересном предположении о том, что Аммиан Марцеллин мог встретить адвокатов, обученных в Бейруте или Тире, и стал презирать их, основываясь на таких встречах. См. также *J.F. Matthews* (1989b), (1993), и (2000) о дальнейшем обсуждении карьеры Аммиана Марцеллина и исследованиях по составлению правовых кодексов.

⁵ См. *Collinet* (1925) 67–70; *Chronique syriaque of Pseudo-Zacharias*, IV, 9.

соний, который был описан как «толкователь законов» или «профессор права»¹, нам известны из истории о двух других братьях.

Когда Тимофей Элур, монофизитский епископ из Александрии², со своим братом Анатолием, проходили через Бейрут по пути в Гангру в Пафлагонии, место своего изгнания³, в Бейруте они остановились у местного епископа и профессора права. Более пристальный взгляд на это повествование из *Chronique syriaque* содержит важные сведения о жизни города в середине V века: «И когда он [Тимофей] прибыл в Бейрут, епископ Юст [Евстафий] призвал граждан принять его с общественной почестью. И он умолял Тимофея, по приезду того в город, молиться за него; и последний стоял посреди города и молился Богу за это, и благословил его. Но Авксоний, брат Юста, который в то время был толкователем закона, действуя по совету своего брата, всю ночь провел с Тимофеем, искренне говоря о вере, а также против Нестория. И в течение всего этого долгого разговора Тимофей был молчаливым слушателем, но, когда, наконец, после многих слов, Авксоний прекратил говорить, Тимофей сказал ему: «Кто мог бы убедить меня, что эти три пальца должны писать поверх документа Халкидона?» И, услышав это, Авксоний был очень грустен и начал плакать. Затем Тимофей, ободряя и его, и его брата Юста, который впоследствии присоединился к ним, сказал: «Присоединись ко мне, и будем сражаться за веру, и мы победим; так что, либо мы восстановим наше епископство, либо будем изгнаны нашими врагами и станем жить искренней жизнью с Богом». И он упомянул в качестве повода освящение церкви, великий храм, который построил Юст, и назвал «Анастасия»; и Тимофей сказал: «Будем ли мы ждать освящения земного храма? Но если вы повинуетесь мне, тогда проведем ли наш праздник в небесном Иерусалиме?»⁴

Collinet предлагает датировать освящение этой церкви маем или июнем 460 г., так как Тимофей прибыл в Гангру в июне 460 г. Collinet отмечает, что Евстафий был епископом Бейрута в 445 г., и что новый епископский дворец новой церкви в Бейруте служил ме-

¹ Collinet (1925) 68, notes 1–2, 151–2. См. J.F. Matthews (2001) об интерпретации законов.

² См. Gregory (1979) 186–91; Haas (1997) 242–3, 260, 266, 318–20, 392, notes 68, 71.

³ Collinet (1925) 67, note 3, цитирует источники об изгнании Тимофея Элур с его братом Анатолием из Александрии в Гангру в 460 г.: Evagrius, HE 2, 11, в PG 86.2533; у Bidez и Parmentier ed., p. 63; Nicephorus Callistus, 15.16, в PG CXLVII.52; Pseudo-Zacharias, 4.6, перевод Hamilton и Brooks, p. 74; Theophanes (Bonn ed.) p. 112. См. также Georg. Cedren., PG 121.661.

⁴ Collinet (1925) 68, note 4, который подробно цитирует перевод Pseudo Zacharias, Chronique syriaque, переведённый Hamilton и Brooks, p. 77. См. также текст Michael the Syrian, в переводе J.B. Chabot.

стом встречи трех членов комиссии – Фотия, Урания и Евстафия, епископа Бейрута, – чтобы услышать обвинения против Ивы Эдесского, в 448 или 449 г.¹

Таким образом, Collinet предполагает, что церковь и прилегающие здания были закончены за 11 лет до их освящения. Он отмечает столь же долгую задержку в освящении Святой Софии, которая была построена между 532 и 537 гг., но не была освещена до 24 декабря 562 г.²

Встреча, посвященная делу Ивы, была проведена «в христоробивой колонии Бейрута ... в новом епископстве Бейрута в святейшей новой церкви», как было записано на греческом и на латыни³.

Известные профессора права V и VI веков

Кирилл был юристом в Бейруте, возможно, в середине V в. Он был одним из пяти известных юристов, чьи мнения были процитированы комментаторами VI столетия в *Digest* и *Codex Iustinianus*.⁴ Он преподавал в Бейруте⁵ и был назван «простым учителем всего мира»⁶.

Другими четверьмя юристами были Demosthenes 2, Dominus 5, Eudoxius 4 и Patricus 10, которые, по-видимому, жили не позднее правления Анастасия, потому как они, похоже, не знакомы с тем, что предыдущее правовое решение было изменено Анастасием⁷. Двое из них, похоже, обучали либо в Константинополе, либо в Бейруте: Демосфен⁸ и Домнин⁹.

¹ Collinet (1925) 69, note 3. См. Miller (2000) о важности дворца епископа в средневековой Италии.

² Collinet (1925) 69, note 4, без подтверждения источниками.

³ ...en kolonia phlochristo Beryto...en to neo episkopeio tes en Beryto hagiotes neas ekklesias; 'in colonia Christi amica Beryto...in novo episcopio Beryti sanctissimae novae ecclesiae.' Collinet (1925) 69, note 3, cites Labbe, Concilia, vol. 4, col. 638e (Council de Chalcedoine, actio X), Mansi, vol. 7, col. 211.

⁴ Cyrillus 2 (PLRE II) – юрист из Бейрута,? сер. V ст. *Basilica* 11.1.12, 67. Он обучал в Бейруте (touto pote anegnosthe en Berytoi уро Кириллу тоу героосу); см. также различные статьи McNamee.

⁵ *Basilica*, Schol. 54 (=Heimbach, *Suppl.* I, p. 211).

⁶ *Basilica* 29–5.24.7 (Heimbach I, pp. 538, 646; III 474).

⁷ *Basilica* 11.2.27.

⁸ Demosthenes 2 (PLRE II), юрист середины-конца V в. Один из пяти юристов, которые цитировались комментаторами VI в. по Кодексу Юстиниана, Thalelaeus и Theodorus (PLRE III); *Basilica* 8.2.79, 84; 12.2.20 (Heimbach I, pp. 403, 405, 692). Датировку других юристов см. Cyrillus 2.

⁹ Dominus 5 (PLRE II), юрист середины-конца V в. Один из пяти юристов, которые цитировались комментаторами VI века по Кодексу Юстиниана, Thalelaeus и Theodorus (PLRE III); *Basilica* 8.2.79; 48.1.60 (Heimbach I, pp. 403; IV, p. 585). Датировку других юристов см. Cyrillus 2.

Предположительно, Евдокс является еще одним из этих пяти профессоров права. Он был отцом Леонтия и дедом Анатолия. Он был известным юристом и преподавал в Бейруте. Он, по-видимому, является тем же юристом Евдоксом, мнение которого цитировали комментаторы *Codex Iustinianus* в VI в. Он жил не позднее царствования Анастасия¹.

Леонтий был, возможно, самым известным профессором права в Бейруте конца V – начала VI вв. Он был сыном Евдокса и отцом Анатолия. В конце 480-х годов его лекции посещали Захария и Север (будущий епископ Антиохийский). Похоже, что он был непреклонным язычником, который, по всеобщему мнению, занимался магическими книгами, гороскопами и другими запрещенными материалами².

Другим известным профессором права из Бейрута был Патрикий [Patrikios], который, к тому же, был почетным *quaestor sacri palatii* (вост.), с середины до конца V в. Он был отцом еще одного Леонтия и, возможно, умер к 533 г. Он, несомненно, идентичен юристу Патрикию, который часто цитировался комментаторами VI в. по *Codex Iustinianus*³.

Collinet предлагает, что надпись, найденная в Бейруте возле древней церкви св. Георгия⁴, принадлежащей греческим православных и маронитам, была установлена в честь одного из самых известных профессоров права в Бейруте. Опубликованная в 1906 г. Джалабертом (Jalabert), уже к 1925 г. надпись исчезла⁵. Надпись была изящно выгравирована на хорошо отполированном блоке известняка (0 м, 35×0 м, 45). Надпись фрагментарна, и восстановлена с большим трудом, и сейчас она даёт основание для предположения, что находилась она на почетном месте, поддерживаемом юристами Бейрута.

¹ Eudoxius 4, профессор права (вост.) конец V – начала VI века (PLRE II). Отец Леонтия (Leontius 20), дед Анатолия (PLRE III); он был известным юристом и преподавал в Бейруте: *Cod. Just.* 1.17.2.9, *Zach.*, VSev., p. 47. Предположительно, идентичный юристу Евдоксу, мнение которого цитировались комментаторами VI века по Кодексу Юстиниана; *Basilica* 11.2.25, 35; 21.3.4; 22.1.43; 47.1.72 (*Heimbach* I, pp. 696, 704; II, pp. 454, 489; IV, p. 593). Он жил не позднее правления Анастасия; *Basilica* 11.2.27, cf. *Cyrillus* 2.

² Leontius 20 (PLREII), Профессор права в Бейруте, в конце V – начале VI века. Сын Евдокса 4 и отец Анатолия (PLREIII); *Cod. Just.* I, 17.2. 9, VSev., p. 47. Был известным юристом; *Cod. Just.* I, 17.2.9. См. *Trombley* (1993) 2:1–51.

³ Patricius 10 (PLRE II). *Cod. Just.* I, 17.2.9. *Basilica* VIII 2.79, 84; XI 1.67, 70; 2. 20, 23; XLVII 1.60, etc. (*Heimbach*, I pp. 403, 405, 646, 649, 692, 695; IV 585). Его датировку ср. с *Cyrillus* 2.

⁴ Именно в этом месте предположительно находилась школа права (прим. *ред.*).

⁵ *Collinet* (1925) 135–8 на основе *Jalabert* (1906) 170–1.

..... α Πατρικιος στη.
 ... ας ἐκ βασιλῆος ...
 ... ρης θεσμῶν ἐπα ...
 ... μ' ἤφατο τοῦτον ...
 ... Αὐσονίων σεβα[στο ...]
 ... στορος εὐχος.¹³⁵

И хотя разборчиво читаются только несколько слов, Collinet предлагает некоторое предположительное толкование. Он связывает слова Θεσμων и Αυσονίων с фразой «законы римлян», основанной на фразе из стихотворения Григория Богослова «Никобул сыну», в котором он косвенно называет Бейрут:

....εἶτε σε τερτηνῆς
 Φοινίκης κλιτὸν ἄστυ, νόμων ἔδος Αὐσονίων²

«знаменитый город прекрасной Финикии, опора римских законов».

Слово εὐχος «слава» относится к фрагменту ... στορος, что Collinet предлагает восстановить как [ι]στορος – «знаток», или как [κτί]στορος – «основатель»³. Любой из терминов подошёл бы для обозначения выдающегося профессора права Бейрута⁴.

Сыном Патрикия был Леонтий, который в Кодексе Юстиниана назван *vir gloriosissimus praefectorius et consularis et patricius (praefectus praetorio [Orientis], экс-консул и патриций)*. Будучи известным профессором права, он был даже отмечен Иоанном Лидом за его опыт в праве. Лид также упоминает, что Леонтий был *praefectus praetorio (Orientis)* в 510 г., когда был изгнан Апион⁵. Он был утверждён в должности между 500 и 518 гг., и сохранился его эдикт префекта. Поскольку его имени нет в консульских *Fasti*, должно быть, он был почётным консулом. Вероятно, в 533 г. он всё ещё был жив⁶.

Самым важным профессором права из Бейрута был Дорофей, потому что он сыграл важнейшую роль в составлении Кодекса Юсти-

¹ Текст по *Jalabert* (1906) 171.

² Григорий Богослов, *Carmina* 2.2.5 (*Nicobuli patris ad filium*) vers. 226–7, в PG 37.1538. Цитируется с латинскими и французскими переводами у *Collinet* (1925) 35, note 1. См. также Григорий Богослов: Три стиха, перевод Meehan. Обр. внимание на ссылку на Авзония, которая может указывать на знание латинской литературы, такой как *Aeneid*. Прилагательное «Авзонский» использовалось в отношении южной Италии.

³ Правильнее κτίστος (прим. *ped.*).

⁴ *Collinet* (1925) p. 137.

⁵ Иоанн Лид, *De mag.* III 17.

⁶ *Leontius* 23, (PLRE II), PPO (*Orientis*) 510; *ex consul.*; *patricius*. Сын *Patricius* 10 (*Cod. Just. I, 17.2.9*; *Cod. Just. I, 17.2.9*; *John Lydus, De mag. III 17 (aner nomikotatos)*). Удостоен должности между 500 и 518 гг. (*Cod. Just. VII 39.6a*; *Cod. Just. VII 39.5*; *Cod. Just. I, 17.2.9*).

ниана¹. Он был назначен Юстинианом I в комиссию для составления *Digest* и для второго издания *Codex Justinianus*². Дорофеем описан как очень красноречивый оратор, которого высоко ценят за его способность обучать своих учеников³. «Дорофей, *vir illustris*, самый красноречивый человек квесторского ранга, который, когда он занимался передачей [знания] законов ученикам в великолепнейшей *civitas* Бейрута, мы вызвали его к нам из-за его репутации и известности, и он был вынужден участвовать в этой работе»⁴.

Члены комиссии были отобраны самим Трибонианом за их знание закона, согласно его указаниям в юстиниановом *Const. Omnem 'Deo auctore'* (ок. 530 г., Dec. 15). Дорофей также присоединился к Трибониану и Теофилу в 533 г. в специальном подкомитете, который составлял *Institutes*, которые стали стандартным текстом для студентов-юристов⁵. В 534 г. он служил в комиссии по второму изданию *Codex Iustinianus*⁶. Впоследствии он составил каталог для *Digest*, который не сохранился, но был упомянут среди *scholia* в *Basilica* и был известен Стефану (Stephanus 18); работа не была опубликована до 542 г. Brandsma предполагает, что Дорофей умер в 542 г., основываясь на некоторых свидетельствах из записок на полях (*scholia*)⁷.

¹ См. особенно Brandsma(1996); и ODB, s.v. 'Dorotheos' юрист, предecessор, профессор права в Бейруте.

² См. Vidén (1984); Brandsma (1996); Osler (1985); Sirks (1986); Claude (1969); Scheltema (1970); Honoré (1973–4), (1978) 43, 56–7, 67, 147–8, 170, 187, 190–1, 199–200, 257–86.

³ '...et Dorotheum virum illustrem et facundissimum quaestorium, quem in Berytiensium splendissima civitate leges discipulis tradentem propter eius optimam opinionem et gloriam ad nos deduximus participemque huius operis fecimus,' согласно Cod. Just. I 17.2.9=Const. 'Tanta.' Версия на греческом в Const. Dedoken 9 просто переводит латинский текст, указанный выше, и не добавляет новых деталей.

⁴ Латинский текст и перевод на английский у Mommsen, Krueger, Watson (1985) lviii–lix, s.v. The Confirmation of the Digest.'

⁵ Const. 'Imperatoriam' 3 (quorum omnium sollertiam et legum scientiam et circa nostras iussiones fidem iam ex multis rerum argumenta accepimus), Const. 'Omnem' 2, CJ 1,17.2.11=Const. 'Tanta', cf. Inst. title (Dorotheum virum magnificum quaestorium iuris peritum et antecessorem Berytiensium inclitae civitatis). См. O.F. Robinson (1983) об использовании *Institutes*.

⁶ Just. Const. 'Cordi' (16 Nov. 534; по завершении проекта; virum magnificum quaestorium et Beryti legum doctorem Dorotheum).

⁷ Dorotheus 4 (PLRE IIIA), учитель закона в Бейруте в 530–4 (? 542). Каталог датирован 542 г., поскольку он ссылается на Just. Nov. 115 того года; см. *Basilica*, ed. Heimbach, VI, intro., p. 12, p. 15, и о его комментариях, pp. 36–47. См. также Brandsma (1996); и ODB, s.v. 'Dorotheos' юрист, предшественник, профессор права в Бейруте. См. pl. 8 о золотом медальоне Юстиниана, найденном в Бейруте. Заманчиво предположить, что один из этих адвокатов, возможно, получил его от императора.

Анатолий также сыграл определенную роль в составлении Кодекса Юстиниана¹. Юстиниан говорит о нем в «Дополнении к *Digest*» 9: «Анатолий, *vir illustris* и *magister*, который был назначен на эту работу в то время профессор права из Бейрута, был человеком из древнего рода законников, поскольку и его отец Леонтий, и его дед Евдокс оставили после себя превосходную репутацию в юридическом обучении»².

Греческая версия этого отрывка уточняет местонахождение Бейрута – в Финикии и, тем самым, указывает на то, что эта провинциальная преемственность была значительной для грекоязычных граждан поздней Римской империи³.

Таким образом, величайшая работа по кодификации римского права была составлена под руководством нескольких профессоров из Бейрута. Тот факт, что их пригласили приехать в Константинополь, свидетельствует не только об их индивидуальной репутации, но и об общем восприятии того, что Бейрут в Финикии был уникальным городом, который сохранил знания права для будущих поколений.

Такая репутация, должно быть, имела значение не только для профессоров и студентов, но и для жителей города. Участие в этом проекте может предполагать, что основные профессора были обращены в христианство, поскольку часть формулировок этого кодекса содержит анти-языческое законодательство⁴.

Несмотря на то, что связи трудно отследить по прошествии такого времени, несомненно, то, что некоторое долгосрочное влияние в городе оказывалось ведущими семьями.

Мы можем отметить постоянное упоминание таких имен, как Леонтий и Анатолий. Очевидно, что эти семьи адвокатов стали уважаемыми не только за свои навыки преподавания и толкования закона, но и в качестве хранителей богатой традиции латинской литературы и римского права.

¹ Anatolius (PLRE III).

² ‘...sed et ANATOLIUM virum illustrem magistrum, qui ipse apud Berytienses iuris interpretes constitutus ad hoc opus allectus est, vir ab antiqua stirpe legitima procedens, cum et pater eius Leontius et avus Eudoxius optimam sui memoriam in legibus reliquerunt.’ Латинский текст и английский перевод у *Mommsen, Krueger, Watson* (1985) lviii–lix, s.v. The Confirmation of the Digest.’

³ Обр. внимание, что *Watson* не переводит ‘in Phoenicia’, что было добавлено в греческий текст. Греческий текст и английский перевод у *Mommsen, Krueger, Watson* (1985) lviii–lix, s.v. ‘The Confirmation of the Digest.’ *Honoré* (1978) 43, 147, 170, 257–86.

⁴ См. *Boyd* (1905) о церковных указах Юстиниана. Обр. также внимание на общий тон Кодекса, призывающий Бога к тому, чтобы привести граждан к моральному поведению.

Honoré обратил внимание на образованность Трибониана и предположил, что его предпочтение Гаю, возможно, исходило из обучения в юридических школах Бейрута.

Трудно утверждать это без прямых свидетельств древних источников; тем не менее, чистота использования им латинского языка и его знание древних латинских авторов и юристов предполагают, что он, возможно, учился у этих конкретных профессоров или их предшественников в Бейруте¹.

¹ Honoré (1978) 43.

ИОАНН ЛИД. О МЕСЯЦАХ
Сентябрь (De Mens., IV, 108-114)
Декабрь (IV, 137-145)

М.М. Синица

Сочинение ранневизантийского бюрократа и антиквара эпохи Юстиниана Иоанна Лаврентия Лида «О месяцах»¹ – одно из трех сохранившихся его сочинений. Оно состоит из четырех книг, первая из которых кратко повествует о древнейшем календаре римлян (36 глав), вторая – о днях недели (11 глав), третья – о месяцах в общем плане (53 главы)². Самая обширная, и составляющая собственно предмет сочинения, IV книга представляет собой подробное описание каждого месяца в антикварной традиции – то есть, так, как это представлялось ранневизантийскому любителю древностей.

Ранее публиковался перевод книги II; книга III публикуется в сборнике «Классическая и византийская традиция, 2018» (Белгород, 2018); из книги IV ранее публиковался перевод раздела о феврале³.

Ниже публикуется перевод разделов «Сентябрь» (De Mens., IV, 108–114) и «Декабрь» (De Mens., IV, 137–145)⁴, завершающий это сочинение.

¹ *Синица М.М., Болгов Н.Н.* Иоанн Лид и его трактат «О месяцах» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2016. Т. 37. №1 (222). С. 37-42 (с переводом Книги II).

² Данное деление по боннскому изданию, см.: Ioannes Lydus. Vol. 20. Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonn: Impensis ed. Weberi, 1837. Согласно Р. Вюншу, 1 книга содержала 41 главу, 2 книга -12 глав, 3 книга -23 главы, 4 книга – 162 главы, а также 18 глав неизвестных и ошибочных фрагментов; согласно А. Бэнди, деление на главы другое: 1 книга включала 15 глав, 2 книга – 28 глав, 3 книга – 37 глав, 4 книга – 145 глав, а также был Appendix из 26 глав, см. подробнее: *Синица М.М.* Иоанн Лид: проблемы конкорданса изданий. // Ирессона. Выпуск V. К 30-летию кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ». Белгород, 2016. С. 147-176.

³ *Синица М.М.* Февраль в трактате Иоанна Лида «О месяцах» // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. 2017. № 15 (264). Вып. 43. С. 47-54.

⁴ Перевод с древнегреческого выполнен по изданию А. Бэнди (том 2): The Works of Ioannis Lydus. Vols. I–IV. Edwin Mellen Press, 2013. New critical edition and translations / Ed. Anastasius Bandy. Co-edited by Anastasia Bandy, Demetrios J. Constantelos, Craig J. N. de Paulo (I — De Magistratibus; II — De mensibus; III — De ostensis; IV — Index).

Сентябрь

108. Мы истинное слово сказали, <говоря>, что началом года март месяц установили римляне, каковым образом из этого рассматриваемого нами месяца взято название: «Септембрием» {Σεπτέμβριον}¹ ведь он назван, как если бы седьмым от весны, «септем» {σέπτεμ}² ведь семь и «вер» {βῆρ}³ – весна. То есть, от марта месяца, в который на двадцать четвертый день солнце, <в> Овен вступая, дает природе весны начинаться. И затем не будет необходимым о следующих названиях долго говорить: восьмой ведь от праздника «Увеличения света» Октобрий {Οκτώβριος}⁴, и Ноэмбрий {Νοέμβριος}⁵ и Декембрий {Δεκέμβριος}⁶ подобно.

109. На неомении Метродор говорит, что Андромеда восходит и когда другие прекращаются ветры, Эвр⁷ господствует.

110. За четыре дня до Нон сентября победил Август у Левкаты египтян с Антонием и Клеопатрой и в честь этого установил, чтобы так называемый «индикционный» {ινδικτιῶνος}⁸ цикл от начала сентября месяца отсчитывался. <А> в этот день, Демокрит говорит, что переменные ветры встречаются и господство дождя.

111. За восемь дней до Ид сентября, – Эвдокс Коня заход и Зефира⁹ или Аргеста¹⁰ дуновение отмечает.

112. За восемнадцать дней до Календ октября Досифей Арктура восхождение отмечает.

113. За двенадцать дней до Календ октября Цезарь о перелете ласточек в дальние края говорит.

114. Оракул на весь сентябрь месяц пить молоко для здоровья предписывает.

Декабрь

137. Декабрь как десятый и сам от марта так назван.

138. <Если и действительно десят>ый, гармонией охваченный. <Люд>ей<защищает и> все и остерегается <зла. А> Фазтона страдани-

¹ Лат. September – сентябрь.

² Лат. septem – семь.

³ Лат. ver – весна.

⁴ Лат. October – октябрь, octo – восемь.

⁵ Лат. November – ноябрь, novem – девять.

⁶ Лат. December – декабрь, decem – десять.

⁷ Восточный ветер.

⁸ Лат. indictio.

⁹ Западный ветер.

¹⁰ Южный, позднее северо-западный ветер.

ем и при Девкалионе водной трагедией некий образ выражается загадками в общем представленных страданий.

139. Во время неомении месяца, воздерживаясь от капусты, возносилась молитва Посейдону и Афродите и Амфитрите. Сверх того же военные силы Крону из-за наступающей зимы. В равной степени же и Судьбе-наблюдательнице, Благоразумию и Эросу, кого мифографы как являющегося ребенком гиганта Зефира почитают, как говорит Эврит Лакедемонянин, мелодист. Начинается же так: прекрасноликий Эрос. Платон же в «Пире» говорит, что на празднике дня рождения Афродиты Пеня, просящая милостыню, восходит и тайно к Порру, опьяненному нектаром, чтобы зачать и таким образом зародить Эрота. Отсюда великий Моисей относительно человеческого поколения аллегоризирует.

140. Что на этот день погружаются Гиады и в будущем зима наступает, Варрон говорит.

141. На следующий же день Эвдокс, что Стрелец восходит и зиму предсказывает. Совершали же праздник, <так> называемые Агноналии в честь лавроносного и родоначального Гелиоса (Солнца). Совершенно как у афинян при дафнофориях (лавронесениях) таинство. В это время и называемый со стороны их «Септимундием» {Σεπτειούνηδιος}¹ праздник совершается. То есть – округность города, так как на семи холмах городские стены Рима простирались. Имена же их: Палатин {Παλατῖνος}, Эсквилин {Ἐσκυλίνος}, Тарпей {Ταρπήϊον}, Авентин {Ἀβεντῖνον}, Тибуртий {Τιβούρτιον}, Пренестий {Πραινέστιον} И Виминалий {Βιμινάλιον}. У древних же по-другому, а именно: Авентин {Ἀβεντῖνον}, Целий {Καίλιος}, Эсквилий {Ἐσκυλίος}, Капитолий {Καπιτωλίνος}, Велиненсий {Βελινήνσιος}, Квиринал {Κυρινάλιος} и Палатин {Παλατῖνος}.

142. За три дня до нон декабря нерабочий день, в котором, Эвктемон говорит, Пес скрывается, и зима наступает. И проводилось конное состязание, в которое <должно проклинаям труд делать>.

143. Обычай был у римлян на три распределять их государственное устройство и способных к военному делу определять, других же к земледелию, а третьих – к охоте. Этому же конец приводит пора зимы: в нее ведь ни вооружаются, ни обрабатывают землю по причине холода и краткости дня. Отсюда и «брума» {βροῦμαν}² его по-отечески назвали, как если бы «короткий день». «Брумалии» {Βρομάλια} же,

¹ Лат. Septimontium – Семихолмие.

² Лат. Bruma [из brevima=brevissima] – период кратчайших дней в году, зимнее солнцестояние.

как если бы зимние праздники. Не работали же в то время римляне до праздников «Возрастания света» {Ἀυξίφωντων}, ночами приветствуя радостными приветствиями друг друга, на отеческом языке говоря «vivesannus» {βίβης ἄννους}¹, как если бы «живи в течение времен». Земледельцы для почитания Крона и Деметры закалывали молодых свиней, откуда и ныне сохраняется в декабре свиноубийство. Закалывали же виноградари козлов в честь Диониса, ведь козел враждебен винограду. И содрал с них кожу, кожаные меха, наполнявшие воздухом, прыгали на них. Граждане и из первенцев от заготовленных плодов: виноградного вина и оливок, хлеба и меда, и всех с деревьев, которые остаются постоянно и сохраняются, – делали хлеб без воды и это приносили священнослужителям Матери. Охраняется же таковой обычай еще и ныне и в течение ноября и декабря до праздников «Возрастания света» приносят это священнослужителям. Ведь по имени приветствовать на Брумалии есть более новое, чем истинное же. Из-за чего и Церковь отвергает их для себя, <есть что> праздниками «Хрониями» их называют. В ночи же происходят, потому что во тьме находится Крон, как низвергнутый в Тартар Зевсом. Подразумевается же пшеничное зерно из того, что в землю засеивается, и <его> в будущем не видно. Это же есть более истинно, как сказано, потому что ночью проходящее относительно него старание, так что, наконец, поистине подземных демонов есть праздники «Брумалий».

144. Потому что натурфилософы говорят это же, что Вселенная в виде непознанной материи перед упорядочиванием некогда зародилась. Отсюда и материю Аидом {Ἄϊδην} занимавшиеся философией называют и Тартаром {Τάρταρον}, как находящуюся в смятении {ταραττομένην} и не остающуюся в покое по природе по причине своей бесформенности; безвременной же ее, но безначальной, рожденной же однако и имеющей причину, от вечного {ἄϊδίου} энергию самого отца ожидавшую, что является целиком безвременным, из вышеупомянутого воли берущую, откуда Халдей в «Оракулах» отцорожденной материю называет. И как – Ямвлих в первой книге «Халдеик» говорит достойное для слушания:

«Вечная есть материя, так как одновременно существует с первейшими причинами из вечного. И вместе с ними, и согласно им, имеет бытие, никогда же не отклоняется от нее, почему согласно одной и единичной силе укрепились в общем, несовершенной же не является и неоконченной, но получает совершенство некое, так как ничто от отеческой триады не исходит неоконченным, к совершенству

¹ Лат. vivesannus – проживи год.

же и концу ей ведется. Поэтому, когда элементы так после нее были выведены, однако же спутанные, Демиург, принимая универсум, который был неустроенным, в спокойствии не находящимся, но двигающимся ошибочно, к порядку привел, согласно «Тимею». Когда элементы разделяются, и огонь вверх по природе легкости восходит, вода к глубине по природе тяжести падает, мифографы Крона низвергают в Тартар, каковое: когда огонь поднимается, вода в расщелинах земли скрывается, – отцом же однако Зевса называют из-за влажной сущности, она же всех главнее элементов, передается согласно поэту, который говорит: «Океан и богов рождение и мать Тетию». Воду же Тетией по подобию назвали от того, что по расположению в соответствии с природой – с сухой земли, а плотностью – с воздухом связана».

И так <действительно> натурфилософы <говорят> относительно Крона, мы же находим его, однако, и Урана дитем в книгах выводимого, так как из воздуха рождается дождь, – отсюда и дождем {ὕετος}, как если бы сыном {ὕιός} называется, или что после небесного свода влажный пояс, потом горячий происходит. О низвержении в Тартар Крона Аммоний говорит, что Крон является умом или скорее душой. Ведь не таким Зевс, а рождением, и что перед рождением загнана душа в осязаемое тело. Поэтому и «телосложение» {δέμας} вместо «узы» {δεσμός} тела называется. Оскопление является окончанием, и производительным, и созидательным, для всего. Такова же природа гениталий. Их же Крон бросил, отец природы Крона, чтобы сила вечности неба и в море правила бы, то есть, во Вселенной под луной. Она в самом деле есть непостоянная и многовращающаяся, уподобляется морю, «там убийство и тягости, и обилие других несчастий». Таковое <итак> эллины <говорят>.

145. Финикийцы по одноименному образу или по некоей аллегории нечто другое относительно Крона имеют. Это из второй книги «Финикики» Эррения Филона берется. И, что он правил, история передается, как впереди я рассказывал, и в Ливии, и на Сицилии, и западными местами, и город основал, как Харакс говорит. Тогда называемый Кронией, ныне же Иераподем, как Исигон <в «О Пал>ических богах» и Полемон, а также Эсхил в «Этне» передали, или как вся разукрашен<ная> история Эвгемера, которая мудро <о> так называемых богах записывает исследование. <Не> скрывает <бог>ов разн<ообразные> в жизни <у них> божественные дела. Так что и прекрасно П<лутарх> в «О Дионисе» говорит, что справедливые из царей и жрецов равными почестями этим богам и названиями почитались, и поэтому как боги прославлены мифически, а история искусственно передается. Является же, как они говорят, Крон {Κρόνον} соответ-

ствующим Времени {Χρόνον}, будучи дитем Неба {Ὀυρανός} (и ведь из движения небесного свода {ὄρανος} время), а в его святилище, как говорит Филарх в семнадцатой книге <<Историй>>, а также и Менандр в первой книге <<Финикии>>, «ни жена, ни собака, ни муха не может вступить», – это действительно со стороны сказано.

Священное же учение (ведь самими речами великого Прокла воспользуемся) дословно так говорит: «Крон же, четвертым будучи, и насильно принимает себе скипетр отца и передает ребенку принужденно по мифическому виду. И причина таковых прикрас мифографы из индивидуальных качеств бога берут. После того, как ведется титанического мироустройства к разделению и разумное – наивысшему, в них инаковость просияла. По причине этого и говорят, что он берет и отдает царство, так как в борьбе и принужденно силу состязающуюся второе первому приводит. Враждебным ведь таким образом является и необщительным инаковости род, как платоновская речь <говорит>. Откуда, в самом деле, говорится, и что отделяет самого себя сын от отца, и захватывает снова власть сын, – к каждому из двух единомыслий по причине индивидуальности титаническое насильственно принуждается».

Таковое, <итак>, и сам он при разъяснении священных мифов <говорит>.

Научное издание

ЭРГАСТИРИЙ II

Сборник материалов II Всероссийской летней школы
по византиноведению

(г. Белгород, август 2018)

Публикуется в авторской редакции
Оригинал-макет: В.С. Берегова
Выпускающий редактор: Л.П. Котенко

Подписано в печать 12.12.2018. Формат 60×90/16
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 7,5. Тираж 100 экз. Заказ 346.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48